

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

БАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ
Valaam Society of America: 40500 Highway 36 West, Wildwood CA 96076 U.S.A.

Годъ LIX

№ 56

2016 г.

50-лѣтѣ

Святитель Иоаннъ Максимовицъ —
Православное Сердце Америки

СВЯТИТЕЛЬ ІОАННЪ ВЪ САНЪ-ФРАНЦИСКО. На фотографіи видно, что ботинки онъ надѣлъ на босу ногу.
НА ОБЛОЖКѢ: Соборъ Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ Радосте въ Санъ-Франциско. Худ. М. Берглундъ. 2016

50-лѣтіе блаженной коніини

Святитель Іоаннъ Максимовичъ

Символъ единенія народа Божія

«Безъ Мене не можете творити ничесоже». (Ін. 15, 5)

РАКЪ НИКОГДА раньше сильна въ современномъ мірѣ тенденція къ углублѣнію различій. Поэтому сейчасъ всѣ ищутъ факторъ объединенія. Вотъ что интересно: Святитель Іоаннъ Максимовичъ родился въ Харьковской губерніи, учился и преподавалъ въ Бѣлградѣ, Сербіи, служилъ епископомъ въ Шанхаѣ, Китаѣ, свою паству, а это пять тысячъ человѣкъ, вывезъ въ Санъ-Франциско, въ США. Также ещё былъ архиепископомъ Брюссельскимъ и Западно-Европейскимъ, окормлялъ православные приходы во Франціи и Голландіи. Это тотъ святой, который можетъ объединить вокругъ себя людей, а это очень важно сейчасъ. И рѣчь здѣсь не о географическихъ или юридическихъ категоріяхъ, но духовныхъ.

Святитель Іоаннъ вошелъ въ исторію какъ объединитель евхаристической Руси, предопредѣлившій возсоединеніе Русской Церкви въ разсѣяніи, какъ человѣкъ, много послужившій возстановленію единыхъ корней Западной и Восточной Церквей въ почитаніи общихъ святыхъ и, самое главное, сохраненію и укрѣпленію единства народнаго въ его изгнаніи и плѣненіи, не только физическомъ, но и духовномъ. Обычно историческіе подвиги, связанные съ объединеніемъ народа, совершаютъ люди, обладающіе политической силой и волей. Ничего подобного не было у Блаженнаго Іоанна. Онъ не былъ великъ въ соотвѣтствіи съ обычными историческими мѣрками, но былъ великъ, потому что исполнялъ въ своей жизни Божественный законъ.

Дѣти тѣхъ людей, которые пріѣхали въ Америку вмѣстѣ со Святителемъ, рассказывали, что прежде всего устанавливали храмъ-палатку, сами спали на землѣ, а уже потомъ устраивали себѣ временные

жилища. То есть они не строили, какъ это обычно дѣлается, сначала жильё себѣ, а потомъ уже храмъ, наоборотъ — сначала возводили храмъ. Это была заслуга Пастыря. Онъ смогъ объяснить своей паствѣ, что главное, что можетъ объединить и стать центромъ жизни общины, — это храмъ Божій. Именно поэтому Святитель Іоаннъ можетъ сегодня стать символомъ объединенія. Вѣдь что можетъ объединить людей въ нашемъ мірѣ? — Разумѣется, Вѣра. Невѣрующихъ людей въ мірѣ нѣтъ. Даже если человѣкъ говоритъ, что онъ атеистъ, то уже послѣ пяти минутъ бесѣды онъ признаетъ, что есть космосъ, есть какая-то высшая сила. «Высшая сила» — такъ онъ понимаетъ и называетъ Бога, Царство Небесное. Невѣрующій человѣкъ — это человѣкъ, который ещё просто не понялъ, что вѣрующій.

Обращаясь къ исторіи Россіи и прозрѣвая ея будущее, Святитель Іоаннъ говорилъ, что «въ смутные времена наша страна переживала такіе паденія, что всѣ враги ея были увѣрены, что она поражена смертельно. Въ Россіи не было ни Царя, ни власти, ни войска. Люди малодушествовали, слабѣли и спасенія ждали только отъ иностранцевъ, передъ которыми заискивали. Казалось, гибель была неизбежна. Въ исторіи трудно найти такую глубину паденія государства и такое скорое, чудесное возстаніе его, когда духовно и нравственно возставали люди. Такова исторія Россіи, таковъ ея путь.

Тяжкіе страданія русскаго народа есть слѣдствіе измѣны Россіи самой себѣ, своему пути, своему призванію. Россія возстанетъ такъ же, какъ она возставала и раньше. Возстанетъ, когда разгорится Вѣра. Когда люди духовно возстанутъ, когда снова имъ будетъ дорога ясная, твердая Вѣра въ правду словъ Спасителя: *«Ищите прежде Царствія Божія и Правды Его и вся сія приложатся вамъ»*. Россія возстанетъ, когда полюбитъ Вѣру и исповѣданіе Православія, когда увидитъ и полюбитъ православныхъ праведниковъ и исповѣдниковъ». Аминь.

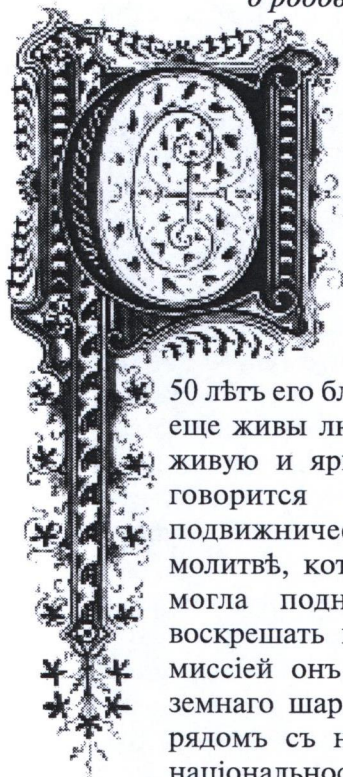
АМЕРИКАНСКИЙ ПАТЕРИКЪ

50-лѣтіе кончины Блаженный Іоаннъ Максимовичъ Возрожденіе Идеаловъ Христіанства

ГЛАВА I. ВОСПИТАНІЕ ВЪРЫ

Память 2-го Іюля (1966)

Каждый человекъ имѣетъ свои корни, всякое явленіе — свои истоки, любое бытіе — свое начало. То, что закладывается въ дѣтствѣ у человека, нерѣдко формируетъ и всю послѣдующую его жизнь. Взрослые зачастую забываютъ, что наилучшимъ воспитательнымъ элементомъ долженъ быть собственный примѣръ, или образецъ предковъ, если въ семьѣ уделяется вниманіе памяти о родовыхъ связяхъ. А если нѣтъ — то такимъ примѣромъ могутъ служить люди, чья высота духа имѣетъ неоспоримую цѣнность.

1. ПОДЪ СѢНЬЮ СВЯТОГОРСКОЙ ОБИТЕЛИ

СВЯТИТЕЛЬ Іоаннъ Шанхайскій и Санъ-Францискскій прославленъ въ Русской Православной Церкви. Онъ не такъ давно ушелъ изъ этого міра, въ этомъ году мы отмѣчаемъ всего лишь

50 лѣтъ его блаженной кончины и до сихъ поръ еще живы люди, которые сохраняютъ о немъ живую и яркую память. Въ воспоминаніяхъ говорится о недостижимой высотѣ его подвижничества, горячей и пламенной молитвѣ, которая, по примѣру апостольской, могла поднимать съ одра больныхъ и воскрешать мертвыхъ. Со своей пастырской миссіей онъ побывалъ въ разныхъ уголкахъ земнаго шара, и людей, которые находились рядомъ съ нимъ, внѣ зависимости отъ ихъ національности и вѣроисповѣданія, поражала сила его духа и дѣйственность молитвы.

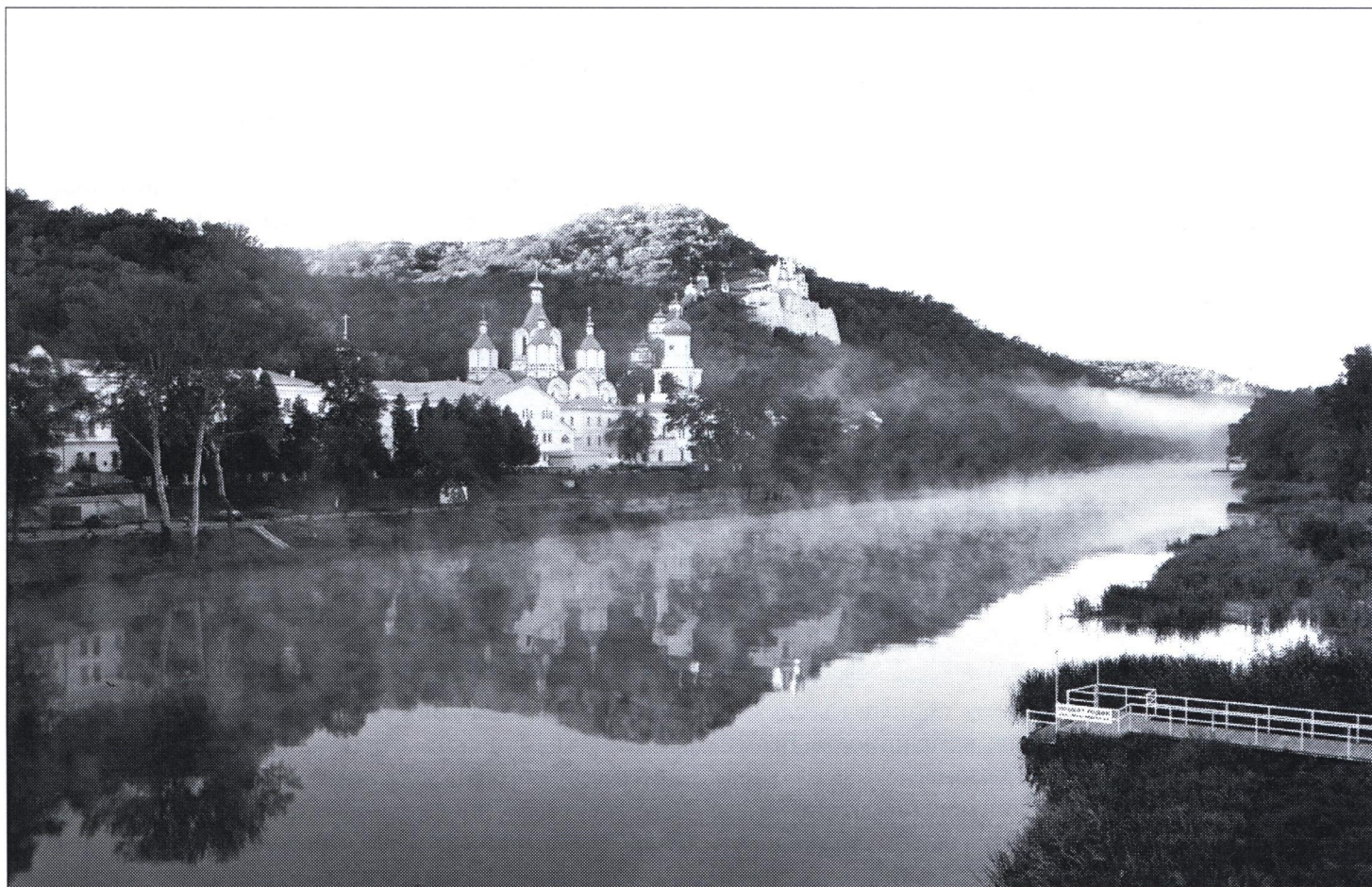
Начало жизненного пути, а значитъ и становленіе этой личности, проходило недалеко отъ Святогорской обители. Будущій святитель росъ въ родительскомъ имѣніи въ селѣ Адамовка. Въ спискахъ населенныхъ мѣстъ Харьковской губерніи по свѣденіямъ 1904 года здѣсь числилось 44 двора съ

«Начало премудрости — страхъ Господень». Пс. 110

общимъ населеніемъ 116 человекъ, и на сегодняшній день населеніе этой деревни остается примѣрно такимъ же. Однако въ день памяти Святителя Іоанна сюда съѣзжается болѣе тысячи его почитателей, поскольку на мѣстѣ дома, гдѣ росъ этотъ подвижникъ трудами насельниковъ Свято-Успенской Святогорской Лавры воздвигнуть Свято-Іоанновъ скитъ.

«Къ пустому колодцу народъ за водой не ходитъ, — говоритъ намѣстникъ Святогорской Лавры, митрополитъ Арсеній (Яковенко).— Это святое, особое мѣсто, связанное съ угодникомъ Божиимъ. Онъ родился въ Адамовкѣ. Это километровъ 6-7 напрямую черезъ гору отъ Святогорской Лавры. Въ житіи Святителя Іоанна значитъ, что, будучи мальчикомъ, онъ черезъ эту гору пѣшкомъ бѣгалъ сюда на службы. Тогда она называлась Святогорская пустынь, это сейчасъ титулъ Лавры имѣетъ.

Родители — Борисъ и Глафира подолгу проживали въ нашей святой обители, соответственно имѣли здѣсь своихъ духовниковъ. Дядя Святителя Іоанна, помѣщикъ Іоаннъ Малиновскій, былъ благодѣтелемъ нашего монастыря. Въ частности, онъ въ храмъ Рождества Іоанна Предтечи пожертвовалъ иконостасъ, а помѣстье онъ имѣлъ въ селѣ Каменка, это здѣсь тоже недалеко.

Свято-Успенская Святогорская Лавра. Современная фотография.

Насколько духовное настроеніе Святогорской пустыни, братіи, духовниковъ, повліяло на внутреннее устроеніе мальчика — Михаила Максимовича, какъ звали до монашескаго пострига Святителя Іоанна, говорить и тотъ фактъ, что, когда ему въ дѣтствѣ покупали солдатиковъ для игры, то онъ ихъ одѣвалъ монахами и игралъ въ монастырь.

О дядѣ, помѣщикѣ Малиновскомъ стоитъ особо упомянуть, вѣдь благочестіе Святителя Іоанна не на пустомъ мѣстѣ родилось, оно было преемственно. Эта благочестивая жизнь была имъ воспринята отъ его сродниковъ. Іоаннъ Малиновскій, пожертвовалъ иконостасъ въ храмъ Рождества Іоанна Предтечи, и важно то, какъ это было сдѣлано. Когда былъ изготовленъ иконостасъ, отлить изъ чугуна, потому что это пещерный храмъ и иконостасъ было рѣшено сдѣлать металлическимъ, его вызолотили, написали на металлическихъ основахъ иконы. Іоаннъ Малиновскій былъ вдовѣцъ, и вмѣстѣ со своимъ 11-лѣтнимъ сыномъ Аркадіемъ, они взяли эти иконы въ руки, собрали весь свой приходъ, и эти детали иконостаса люди изъ села Каменки 30 верстъ несли пѣшкомъ, крестнымъ ходомъ въ Святые Горы. То есть это была не просто жертва, а еще и покаянная молитва: идти 30 верстъ отъ села Каменка до Святыхъ Горъ, просить у Бога, чтобы Онъ этотъ даръ еще

принялъ! Сколько здѣсь смиренія, сколько покаянія, сколько духовнаго настроенія у этого помѣщика мы видимъ. Вотъ поэтому жертва ихъ принималась, вѣдь *«Жертва Богу — духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ»* — говоритъ Писаніе. А здѣсь и сокрушеніе, и смиреніе, и покаяніе, и жертвенность святыни. Вотъ такіе сродники были у Святителя Іоанна».

Свѣденія о своемъ родѣ бережно хранились во всемъ многочисленномъ семействѣ Максимовичей. Объ этомъ свидѣлствуетъ «Сборникъ свѣденій о родѣ Максимовичей», который находится въ Центральной научной бібліотекѣ Харьковскаго университета. Этотъ экземпляръ имѣетъ дарственную надпись автора — Иннокентія Максимовича, который былъ Дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, работалъ въ Окружномъ судѣ города Риги и приходился Святителю Іоанну двоюроднымъ дѣдушкой: «Дорогой, славный мой племянникъ Боря, — пусть сей сборникъ тебѣ всегда напоминаетъ отца — высокочестнаго, достойнаго, добраго человека, искренне любимаго моего брата».

Изъ этой книги можно узнать, какимъ образомъ семейство Максимовичей оказалось въ Харьковской губерніи, вѣдь вплоть до начала 19-го вѣка предки Владыки Іоанна считались Полтавскими помѣщи-

ками, достатка были не выше средняго и въ основномъ служили на военномъ поприщѣ. Прадѣдъ святителя Клавдій Корнильевичъ и его родной братъ Иванъ воспитывались въ Дворянскомъ полку. Денегъ на образованіе сыновей отецъ не имѣлъ, но дворянскіе дѣти могли учиться въ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ за казенный коштъ, если обладали способностями и тягой къ такого рода занятіямъ.

Братья оказались невѣроятно способными, поскольку смогли не только выучиться, но и сдѣлать головокружительную по тѣмъ временамъ карьеру. Иннокентій Клавдіевичъ въ «Сборникѣ о родѣ Максимовичей» цитируетъ документы, въ которыхъ идетъ рѣчь о смотрѣ въ Москвѣ войскъ 4-го пѣхотнаго корпуса Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который остался не только весьма доволенъ увидѣннымъ, но и въ личномъ донесеніи Его Величеству выдѣлил молодого офицера: «батальонъ въ короткое время достигъ успѣховъ благодаря завѣдывающему онымъ Ивану Максимовичу, которому, какъ офицеру примѣрному, со знаніемъ своего дѣла и отличнѣйшимъ усердіемъ своимъ къ службѣ, осмѣливаюсь всѣподданнѣйше испрашивать Всемилоствѣйшаго награжденія повышеніемъ чина». Такъ Иванъ Корнильевичъ получилъ званіе капитана, а Великій Князь уже не отпускалъ отъ себя образцоваго офицера, довѣривъ въ послѣдствіи ему управленіе Образцовымъ пѣхотнымъ полкомъ, состоявшимъ въ Царскомъ Селѣ. Такъ Иванъ закрѣпился

при дворѣ. Женился онъ поздно и своихъ дѣтей не имѣлъ, но зато окружилъ заботой и вниманіемъ дѣтей своего младшаго брата, съ которымъ до конца дней сохранялъ очень теплые родственные взаимоотношенія и живо участвовалъ въ его судьбѣ.

А судьба въ свою очередь преподнесла молодому Клавдію Максимовичу уникальный шансъ нажать состояніе. (Слово «увеличить» въ этомъ случаѣ не подходитъ, поскольку до этого семья жила на скудные средства въ обыкновенной крестьянской избѣ). Дослужившись до подполковничьяго чина, 38-лѣтній Клавдій женится на дочери корпуснаго командира баронессѣ Ольгѣ Романовнѣ Розенъ и переходитъ на службу въ Восточную Сибирь. Тамъ они рѣшили заняться разработкой золотыхъ приисковъ, что у нихъ далеко не сразу заладилось.

Въ силу государственнаго закона о золотодобычѣ Клавдій Корнильевичъ не имѣлъ права заниматься приисками какъ человекъ, состоящій въ этихъ мѣстахъ на службѣ. Здѣсь ему очень помогъ старшій братъ Иванъ, выхлопотавъ разрѣшеніе на свое имя и полностью довѣривъ это дѣло Клавдію «на его собственный рискъ и страхъ». Но неудачи постигали новоиспеченнаго золотопромышленника одна за другой: «раскопки въ заявляемыхъ мѣстахъ ничего не указывали, на золото нигдѣ не нападали, и деньги, оплачивавшіе всѣ эти работы, гибли безвозвратно». Семья была на грани разорѣнія. Клавдія выручила супруга — баронесса Ольга Романовна. Узнавъ, что у сосѣдскаго генерала дочь объявлена невѣстой, она выгодно продала имъ свои фамиліные драгоценности. На эти деньги начали разрабатывать Іоанно-Предтеченскій приискъ (святѣй Іоаннъ Предтеча былъ въ роду особо почитаемъ), который въ послѣдствіи и сталъ приносить незаурядный доходъ.

Однако пять лѣтъ тяжелой работы на сѣверѣ сильно надорвали силы Клавдія. Онъ хотѣлъ было уйти въ отставку и поселиться гдѣ-нибудь на югѣ для поправленія своего расшатаннаго здоровья, но обстоятельства его задержали въ Сибири еще на 2

Свято-Іоанновъ скитъ въ селѣ Адамовка, воздвигнутый трудами насельниковъ Свято-Успенской Святогорской Лавры. Фото 2016 года.

Такъ начиналось строительство скита на мѣстѣ несохранившагося имѣнія Максимовичей.

Фотографія 2008 года.

года. Сначала не давали уѣхать дѣла на приискаx (сейчасъ они шли слишкомъ ужъ хорошо и нужно было время, чтобы толкомъ все обустроить), затѣмъ была болѣзнь супруги. И лишь въ 1849 году семья Максимовичей (въ ней къ тому времени было уже четверо дѣтей) покинула, наконецъ, Иркутскъ и переѣхала въ Москву. Тамъ Клавдій Корнильевичъ выгодно купилъ съ аукціона село Знаменское Изюмскаго уѣзда и переѣхалъ съ семьей въ новое имѣніе.

Будучи очень религіознымъ человѣкомъ, прадедушка Святителя Іоанна заложилъ въ этомъ имѣніи каменный храмъ, ассигновавъ на его постройку 40 тысячъ. Вскорѣ послѣ этого у Максимовичей умираетъ старшая дочь Пелагея (ей едва исполнилось 9 лѣтъ). Клавдій Корнильевичъ погребаетъ ее рядомъ со строящимся храмомъ, и это горе окончательно подрываетъ его здоровье.

Впослѣдствіи главнымъ дѣломъ семьи стало леченіе кормильца, котораго для этого необходимо было возить и въ Москву, и за границу. Малолѣтніе сыновья были отправлены на учебу въ Дрезденъ (образование дѣтей было очень важнымъ моментомъ въ жизни этой дворянской семьи несмотря ни на какіе обстоятельства). Съ Ольгой Романовной оставались двѣ дочери. Старшая стала первой помощницей матери по уходу за больнымъ отцомъ. Но всѣ старанія были, увы, тщетными и Клавдій Корнильевичъ скончался въ Марселѣ въ 1860 году.

Хоронить главу семейства было рѣшено въ Знаменскомъ. Перевозъ тѣла умершего затянулся почти на полгода, такъ какъ ѣхать нужно было изъ Марселя моремъ до Мариуполя, а оттуда на лошадахъ въ деревню. Тамъ крестьяне, боясь, чтобы по ошибкѣ имъ вмѣсто ихъ любимаго барина не привезли изъ-за границы какого-либо иностранца — «бусурманина», настоятельно требовали открытія гроба. Для ихъ успокоенія желаніе это было исполнено, и они, убѣдившись, что тамъ дѣйствительно ихъ баринъ, благоговѣйно отнесли къ погребенію. А вѣдь такую любовь подопечныхъ Клавдій Корнильевичъ успѣлъ снискать за весьма короткій срокъ.

Старшій сынъ Клавдія — Иванъ приходился святителю роднымъ дѣдушкой. Онъ воспитывался въ

Вотъ такое торжество Православія въ сельскомъ храмѣ на мѣстѣ несохранившагося имѣнія Максимовичей. Фотографія 2014 года.

Петербургѣ у тезоименитаго дяди, который, какъ мы помнимъ, былъ бездѣтенъ. Однако изъ-за слабого здоровья Иванъ Клавдіевичъ былъ вынужденъ переѣхать «на югъ», то есть въ родительское имѣніе. Тамъ онъ активно помогать матери во всѣхъ ея трудностяхъ. Надо отдать должное терпѣнію этой женщины. Она родилась и воспитывалась какъ баронесса и въ юности вращалась въ наилучшихъ кругахъ Петербурга. Затѣмъ вынуждена была поѣхать за мужемъ въ Сибирь и пережить съ нимъ множество тяжелейшихъ ситуаций, а подъ конецъ его жизни ухаживать за нимъ въ болѣзни цѣлыхъ девять лѣтъ. При этомъ Ольга Романовна обеспечила дѣтямъ безупречное воспитаніе и образованіе, успѣвая вести въ имѣніи образцовое хозяйство. Ея старшій сынъ сталъ ей въ этомъ надежной опорой. Онъ женился на дочери сосѣдняго помѣщика Аннѣ Минченко, въ приданое которой и вошло село Адамовка, столь полюбившееся ихъ дѣтямъ и внукамъ.

Въ силу своего слабого здоровья Иванъ Клавдіевичъ рано ушелъ изъ жизни, оставивъ на попеченіи супруги четверыхъ дѣтей. Старшему, Борису, на тотъ моментъ исполнился 21 годъ, онъ окончилъ Полтавскій кадѣтскій корпусъ и подавалъ блѣстящія надежды на военную карьеру. Однако бросилъ все, чтобы помочь матери въ управленіи имѣніями. Съ этимъ онъ, по всей видимости, успѣшно справлялся, что позволило ему не только помогать своимъ сестрамъ и брату, но и самому скорѣе создать свою семью.

На родившагося въ 1896 году первенца Борисъ Ивановичъ, вѣроятно, возлагалъ большія надежды въ

планъ военной карьеры, которую ему самому не суждено было осуществить. Въ крещеніи мальчика нарѣкають Михаиломъ, въ честь Небеснаго Архистратига. Однако эти надѣжды Михаилъ Борисовичъ не оправдалъ, хотя и сталъ въ какомъ-то смыслѣ воиномъ. Онъ сталъ воиномъ Христа.

2. НАЧАЛО ПРЕМУДРОСТИ — СТРАХЪ ГОСПОДЕНЬ

«Начало премудрости — страхъ Господень», — подчеркиваетъ Владыка Арсеній. — То есть любовь къ Богу и исполненіе Его заповѣдей началомъ премудрости являются. Въ какой-то мѣрѣ человекъ является источникомъ мудрости, которая черезъ него дѣйствуетъ въ мірѣ.

Въ Адамовкѣ — начало духовныхъ подвиговъ Святителя Іоанна. Мѣстные жители говорятъ, что домъ Максимовичей былъ двухъ-этажнымъ: шесть комнатъ на первомъ этажѣ и шесть на второмъ. Въ довоенное время тамъ размѣщалась сельская больница, но послѣ войны это зданіе было разрушено. Остался лишь старый панскій садъ, копанка, гдѣ воду набирали, и колодецъ, который мѣстные жители называютъ царскимъ. Онъ сейчасъ въ заброшенномъ состояніи, и мы будемъ его, дастъ Богъ, возстановливать. Въ житіи сказано, что въ домѣ не было свободныхъ стѣнъ, потому что, будучи отрокомъ, Миша Максимовичъ покупалъ здѣсь въ Святыхъ Горахъ иконы, которыми у него весь домъ былъ обставленъ.

Старые адамовцы вспоминали, какъ ихъ и дѣды, и прадеды говорили, что Максимовичи «були дуже добрі пани». Въ праздники, говорятъ, столы у себя во дворахъ накрывали, все село собирали, какъ въ первыхъ христіанскихъ общинахъ. Я думаю, что если Борисъ и Глафира — родители, могли дать такое настроеніе и такую основу для благочестія будущаго свѣтильника Божія, то это мѣсто, сохранившееся до нашихъ дней, достойно, чтобъ на немъ храмъ стоялъ, тамъ, гдѣ святая душа зародилась и воспитывалась. Поэтому мы открыли остатки фундамента — и алтарная, и храмовая часть на мѣстѣ дома располагается. Сейчасъ уже тамъ службы идутъ, въ нижнемъ храмѣ роспись начата.

Въ первыя годы, когда мы служили, Господь утѣшалъ народъ особыми знаменіями. Напримѣръ, когда крестный ходъ вышелъ изъ церкви послѣ

праздника, то надъ храмомъ стала радуга въ видѣ короны. А въ слѣдующемъ году, во время крестнаго хода на небѣ крестъ образовался. То есть Господь намъ показываетъ, что мѣсто это — святое».

3. ЯБЛОЧКИ ОТЪ ВЛАДЫКИ

«Харьковъ не слишкомъ хорошо знаетъ объ этомъ Угодникѣ Божьемъ, несмотря на то, что онъ учился здѣсь въ университетѣ, — рассказываетъ протоіерей Викторъ (Бурбела), настоятель Храма Преображенія Господня. — Къ своему стыду и я о немъ зналъ только общія вещи, общія вехи его жизни. Однако въ нашемъ храмѣ возникла идея записать дискъ съ акаѳистомъ Святителю Іоанну, и съ этого момента и въ моей жизни лично, и въ жизни всего нашего прихода онъ сталъ особо почитаемъ.

Онъ словно избралъ насъ для того, чтобы мы говорили о немъ, и это очень отвѣтственно. Поэтому всѣ, кто имѣетъ отношеніе къ созданію просвѣтительскаго цикла о Святителѣ Іоаннѣ Шанхайскомъ и Санъ-Францисскомъ, захотѣли отслужить ему молебенъ съ акаѳистомъ въ Адамовкѣ, гдѣ онъ родился, и гдѣ прошло все его дѣтство. Спонтанно, буквально за нѣсколько дней все было рѣшено, боязни и препятствія ушли сами собой, и мы поѣхали въ Святогорскую Успенскую Лавру.

Когда человекъ хочетъ повѣдать о Богѣ, онъ все таки больше говорить. Но миссіонерство Святителя Іоанна совсѣмъ другое, и заключается не въ томъ, что онъ говорилъ — онъ говорилъ такъ же, какъ и все проповѣдники. Но его слово шло вмѣстѣ съ нимъ въ его дѣлахъ, его поступкахъ и въ его вѣрѣ, которая транслировалась въ буквальномъ смыслѣ на всѣхъ окружающихъ. Онъ проповѣдовалъ молитвой, и это удивительно.

Поэтому эта поѣздка для меня была поѣздкой молчанія. Такого молчанія, которое бы научило вмѣсто словъ употреблять молитву. И я старался молчать все время, которое мы обычно проговариваемъ въ автобусѣ, и непосредственно въ паломничествѣ, и старался наполнить это молчаніе внутреннимъ голосомъ молитвы къ Богу, и о предстательствѣ Святителя Іоанна.

Все, что происходило въ ходѣ этой поѣздки, на первый взглядъ не вызываетъ никакихъ ассоціацій сверхъестественности, чудесности или необычности — собрались, почитали молебенъ и поѣхали съ Богомъ, приѣхали въ Святогорскую Лавру, покло-

Владыка Арсеній, настоятель Свято-Успенской Святогорской Лавры.

нились святынямъ, поѣтили братскую трапезную, гдѣ насъ любезно угостили обѣдомъ, и пошли молиться Святителю Іоанну. И удивительное стеченіе обстоятельствъ явило маленькое чудо Святителя.

Насъ пригласили попить чай въ будущей трапезной женскаго монастыря — въ зданіи, которое строится. Матушки накрыли столъ тѣмъ, чѣмъ были богаты, а во главѣ стола поставили яблоки. На нихъ никто особо не обращалъ вниманія, до тѣхъ поръ, пока намъ не сказали, что они были сорваны съ тѣхъ деревьевъ, которые остались отъ панскаго сада семьи Максимовичей. Въ этотъ моментъ яблочки наполнились особеннымъ смысломъ. Они, конечно, не приобрѣли никакой сверхъестественной силы, но было такое ощущеніе, что самъ Святитель Іоаннъ рѣшилъ насъ угостить. Мы такъ рѣшили, поскольку Матушка добавила, что всѣ фруктовые деревья, которые есть у нихъ въ округѣ, уже давно обнесены: «У насъ много строителей, и паломники, которые приѣзжаютъ — всѣ по яблоку забирали. Большинство яблонь уже стоятъ пустыя, а эти яблоки мы какъ-то и не замѣтили. А вы приѣхали, и мы сегодня ихъ сорвали и поставили на столъ». Это вродѣ бы простая исторія, но для человѣка вѣрующаго она наполняется внутреннимъ духовнымъ смысломъ, который вызываетъ благодарность Святителю Іоанну, потому что то, что мы ощутили къ нему внутри, вдругъ выразилось физически и тѣлесно благодаря яблочкамъ.

4. МОЛИТВА

ВЛАДЫКИ ІОАННА

«Я ѣхала въ Адамовку, —

дѣлится своими впечатлѣніями Ксенія Деркачъ, регентъ хора Свято-Преображенскаго храма города Харькова и авторъ церковныхъ пѣснопѣній, въ томъ числѣ и посвященныхъ Святителю Іоанну, — потому что хотѣлось почувствовать ея атмосферу. Хотя бы на одну минуточку представить жизнь такого святого: гдѣ онъ выросъ, чѣмъ онъ дышалъ, куда онъ смотрѣлъ своими глазками. Онъ видѣлъ эти пейзажи, они же вѣдь практически не измѣнились за долгое время. Это для города сто лѣтъ — достаточно много: могутъ снести микрорайонъ, помѣняться дома — и все измѣнится. А такіе мѣста, они же не мѣняются настолько. По крайней мѣрѣ, то, что я тамъ увидѣла, думаю, практически не измѣнилось: эта парящая природа, эти просторы, и самое главное — ощущеніе мира и спокойствія.

Я была въ другихъ монастыряхъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свое духовное состояніе. Они всѣ абсолютно разные. Догматически и канонически все вездѣ одинаково, а вотъ что-то такое неуловимое — разное вездѣ. Сергіевъ Посадъ у меня ассоциируется съ праздникомъ, торжествомъ, Дивѣевская обитель — это строгость и затаенный въ воздухѣ трепетъ. А здѣсь — это состояніе мира, любви и покоя.

Что касается музыки, то я все время что-то писала. То, что было нужно на сегодняшній день. Не въ смыслѣ востребовано, или это можно было продать — нѣтъ. Абсолютно нѣтъ. Но когда я занималась съ дѣтьми — это были дѣтские пѣсни. А когда уже появился хоръ, и я познакомилась со Святителемъ Іоанномъ — мнѣ захотѣлось не просто, чтобы тропарь и кондакъ звучали на гласъ, а чтобы слово было какъ-

то еще подчеркнуто музыкой. Это на самомъ дѣлѣ очень сложно, потому, что церковные пѣснопѣнія — это не просто музыка. Здѣсь нужно слово вывести на первый планъ. Если мелодія начинаетъ слово подавлять, перетягивать на себя вниманіе — это плохая музыка для церковныхъ пѣснопѣній, она не выполняетъ свою функцію, потому что христіанство — это религія Слова: «Вначалѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было — Богъ». Я гдѣ-то читала, что церковные пѣснопѣнія — это музыкальная икона.

У насъ въ репертуарѣ есть пѣснопѣнія, которые написаны были просто потому, что въ этомъ была потребность. Намъ, напримѣръ, хотѣлось пѣть тропарь Всѣцарицѣ (мы молились объ исцѣленіи отъ рака нашей хористки Ирочки), но онъ былъ только на гласъ. Я нашла

Паломница Ксенія. Фото 2016 года.

ноты кондака матушки Іуліаніи Денисовой, однако съ тропаремъ «на гласъ» они не сильно сочетались. А хотѣлось вложить свою лепту въ эту молитву нашу общую. Вѣдь когда ты пишешь музыку, то передъ этимъ молишься, стараешься соблюдать состояніе спокойствія и мира внутри, потому, что безъ этого вообще невозможно услышать ничего. Такъ возникла музыка тропаря «Всѣцарицѣ», который исполняется нашимъ хоромъ съ кондакомъ матушки Іуліаніи.

Молитва Святителя Іоанна Шанхайскаго — отдельная история въ моей жизни. Все, что я писала до этого, — тропари, кондаки — это рассказъ о томъ или иномъ святомъ. Также и другіе пѣснопѣнія, они какъ бы съ внѣшней стороны описываютъ что-то. А это — молитва самого человѣка, его внутреннее состояніе, то, какъ онъ чувствовалъ и выражалъ свое отношеніе

Цитадель Православнаго духа — Святогорская Лавра. Фотографія 2016 года.

къ Богу. Слова этой молитвы настолько глубоки, они содержатъ въ себѣ всю палитру молитвенныхъ чувствъ. Мы знаемъ, что иногда мы становимся на молитву и ощущаемъ внутреннее торжество и благодать. А иногда — это скорбь, потому что что-то происходитъ, и зачастую даже какое-то уныніе бываетъ. Есть разные состоянія молитвы. Название этого текста — «Пѣснь молитвеннаго предстоянія», и это дѣйствительно какое-то внутреннее звучаніе, всѣобъемлющее движеніе ко Творцу, полетъ души. Мнѣ хотѣлось, чтобы эта пѣснь была положена на музыку и чтобы она звучала. Звучала въ храмѣ — тамъ, гдѣ совершается Божественная Литургія, тамъ, гдѣ присутствуетъ Господь, и люди молятся. Мнѣ хотѣлось, чтобы и другіе услышали эту молитву, потому что ея текстъ на сегодняшний день не является широкимъ достояніемъ, мы его нашли въ газетѣ, а написана она была еще въ 1944 году.

Всѣ ребята, которые ѣздили на этотъ молебенъ въ Адамовку, дѣйствительно ощутили состояніе какого-то душевнаго подъема. Мы стояли передъ иконой, той, что на иконостасѣ, гдѣ Святитель молится Господу, воздѣвъ руки къ небу, какъ онъ дѣлалъ это каждый день своей жизни, совершая Литургію. Я думаю, что сейчасъ онъ также молится передъ Богомъ за всю свою паству».

5. ВСѢ МЫ РОДОМЪ ИЗЪ ДѢТСТВА

Дѣтство — это важная часть въ жизни человѣка, которая его формируетъ, и онъ скорѣе всего будетъ развивать то, что получилъ въ дѣтствѣ. Или бороться съ этимъ, или страдать отъ этого, или радоваться этому. И въ своей жизни я часто возвращаюсь въ свое дѣтство. Для меня дороги тѣ переживанія, которые были тогда. Адамовка — это то зерно и та чистота, которую будущій Святитель Іоаннъ видѣлъ, когда былъ маленькимъ, гуляя по этимъ мѣстамъ, дѣйствительно невѣроятно красивымъ, такимъ спокойнымъ, такимъ радостнымъ и такимъ величественнымъ одновременно. Тамъ все говоритъ о Творцѣ. Съ одной стороны природа, съ другой — бесконечная молитва неусыпаемая въ Святогорской Лаврѣ. И я думаю, что это не могло не отразиться на душѣ Святителя, на его ощущеніи, на его воспріятіи міра.

Есть такой возгласъ въ Литургіи: «Святая — святымъ» и каждый человѣкъ въ какомъ-то смыслѣ призванъ быть святымъ. Меня поражаетъ самоотдача, съ которой Владыка Іоаннъ всю свою жизнь жилъ. Онъ жаждалъ отдать себя полностью Богу и людямъ. Онъ это дѣлалъ съ радостью. Навѣрное, мнѣ бы тоже хотѣлось съ такой радостью жить въ Богѣ.

Александра Драчева
Харьковъ, УКРАИНА

ГЛАВА II. ПРОПОВѢДЬ ВѢРЫ

Два великихъ миссіонера изъ рода Максимовичей

Святитель Іоаннъ Шанхайскій, въ міру Михаилъ Борисовичъ Максимовичъ, приходится дальнимъ родственникомъ Святителя Іоанна Тобольскаго (Максимовича) (1651—1715), память котораго мы празднуемъ 10 (23)-го Іюня. Именно въ честь своего родственника Михаилъ былъ постриженъ въ 1926 году въ монахи съ именемъ Іоаннъ. Святитель Іоаннъ Тобольскій сталъ послѣднимъ канонизованнымъ святымъ Царской Руси и въ этомъ году исполнилось 100 лѣтъ со дня его канонизаціи. Жизнь двухъ святителей, раздѣленная вѣками, по своему содержанію чрезвычайно схожа: оба были усердными молитвенниками, миссіонерами, проповѣдниками, чудотворцами. Даже ихъ праведная кончина похожа: оба отошли ко Господу во время молитвы передъ образомъ Пресвятой Богородицы.

1. ПОСЛѢДНЯЯ КАНОНИЗАЦІЯ ВЪ ЦАРСКОЙ РОССІИ

Канонизація Митрополита Іоанна пришлась на одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ періодовъ исторіи. Россія завязла въ Первой мировой войнѣ. Даже въ далекомъ Тобольскѣ война была главной темой: въ церквяхъ — бесконечные молебны объ убіенныхъ, въ Свято-Ильинскомъ монастырѣ — госпиталь для раненыхъ и пріютъ для сиротъ и вдовъ, на благотворительныхъ базарахъ въ городѣ сборъ помощи инвалидамъ и революціонные броженія, доказавшіеся даже до отдаленныхъ уголковъ Сибири. Въ это время сотни людей приходили съ молитвой къ мѣсту погребенія Митрополита Тобольскаго Іоанна въ Іоанно-Златоустовскомъ предѣлѣ Софійско-Успенскаго собора. А въ специальной книгѣ зафиксированы десятки случаевъ благодатной помощи его страждущимъ.

21-го Января 1916 года по докладу Святѣйшаго Синода Владыка Іоаннъ былъ причисленъ къ лику угодниковъ Божіихъ, а его нетленные останки признаны святыми мощами. На всеподданнѣйшемъ докладѣ Синода о его прославленіи Государь Императоръ въ 21-й день января 1916 года Собственноручно изволилъ начертать: «Пріѣмлю предложеніе Святѣйшаго Синода съ умиленіемъ и тѣмъ большимъ чувствомъ радости, что вѣрю въ предстательство Святителя Іоанна Максимовича, въ эту годину испытаній, за Русь Православную». Іоаннъ Тобольскій сталъ послѣднимъ святымъ, прославленнымъ въ царствованіе Дома Романовыхъ. Среди множества иконъ, обнаруженныхъ въ домѣ Ипатьева послѣ убійства Царской Семьи, были и восемь образовъ Святителя Іоанна Тобольскаго.

Рака съ мощами Іоанна Тобольскаго въ Софійскомъ соборѣ Тобольска, гдѣ согласно завѣщанію онъ былъ погребенъ въ алтарѣ деревяннаго придѣла во имя преподобныхъ Антонія и Феодосія Кіево-Печерскихъ.

2. ТОБОЛЬСКАЯ ПОЧЕТНАЯ «ССЫЛКА»

Архиепископъ Черниговскій Іоаннъ (Максимовичъ) былъ возведенъ въ санъ митрополита и назначенъ на тобольскую кафедру въ 1711 году, послѣ того какъ его предшественникъ — Митрополитъ Филофѣй (Лешинскій) отпросился на покой

простымъ схимонахомъ въ тюменскій Свято-Троицкій монастырь. Въ Tobольскѣ Митрополитъ Іоаннъ продолжилъ дѣло Митрополита Филофѣя, развивая славянскія духовныя школы, тѣмъ самымъ выполняя одинъ изъ важнѣйшихъ указовъ Петра Великаго — просвѣщать свѣтомъ Евангелія не только сибирскихъ язычниковъ, но и сопредѣльные съ Сибирью невѣрующіе народы. Назначеніе на Tobольскую каѳедру было почетнымъ, но ввиду отдаленности епархіи отъ центра и суровости климата современники воспринимали его какъ ссылку.

Въ началѣ XVIII вѣка границы Tobольской епархіи простирались отъ Урала до береговъ Тихаго океана. Несмотря на усилія предшественника Владыки Іоанна на Tobольской каѳедрѣ Митрополита Филофѣя, положеніе дѣлъ въ епархіи было тяжелымъ. Въ немногочисленныхъ храмахъ не хватало клириковъ, и населеніе огромныхъ территорій не окормлялось должнымъ образомъ. Коренное населеніе въ большинствѣ своемъ было языческимъ, среди народовъ ханты и манси велась активная проповѣдь ислама, кромѣ того, на территории епархіи было распространено старообрядчество.

Императоръ Петр I зналъ, кому поручить такое дѣло, — Іоаннъ Максимовичъ былъ его соратникомъ, активно проявившемъ себя въ 1708 году во время попытки гетмана Мазепы перейти на сторону шведскаго короля Карла XII. Своими проповѣдями Архиепископъ Іоаннъ сумѣлъ объяснить паствѣ, почему Малороссія должна остаться въ составѣ Россіи. Развитіе Православія въ Сибири Петр I не случайно считалъ важнымъ государственнымъ дѣломъ. Принимая крещеніе инородцы становились полноцѣнными гражданами страны со всѣми вытекающими правами и обязанностями, въ томъ числѣ уплатой налоговъ. А для крещенія необходимо просвѣщеніе — то есть строительство школъ, подготовка священниковъ. Тѣмъ болѣе, что приходилось еще и бороться съ раскольниками, десятками тысячъ бѣжавшими въ Сибирь.

Въ дѣлѣ управленія обширной епархіей Владыка Іоаннъ оказался безъ помощника, т. к. викарій Tobольской епархіи Иркутскій Епископъ Варлаамъ (Коссовскій) въ 1710 году уѣхалъ въ Москву и отказался вернуться въ Сибирь. Въ этихъ сложныхъ условіяхъ Митрополитъ Іоаннъ надѣлилъ нѣсколькихъ довѣренныхъ клириковъ исключительными полномочіями, касающимися не только хозяйственныхъ дѣлъ, но и церковнаго суда. Ближайшими его помощниками стали Архимандритъ Селенгинскаго во имя Святой Троицы монастыря Мисаиль, Архимандритъ якутскаго Спасскаго монастыря Ѳеофанъ и Архимандритъ енисейскаго Спасскаго монастыря Иларіонъ (Лежайскій),

трудившійся вмѣстѣ съ Владыкой еще въ Черниговской епархіи.

При Владыкѣ Іоаннѣ въ Tobольскѣ велось каменное строительство. Въ 1713 году завершилось возведеніе церкви въ честь Нерукотворнаго образа Спасителя, начатое въ 1709 году. Въ Іюнѣ 1713 г. приступили къ постройкѣ новаго архиерейскаго дома, 17-го Декабря Митрополитъ освятилъ церковь во имя Святителя Николая Чудотворца съ придѣломъ въ честь Вознесенія Господня. Много Владыка занимался дѣлами славяно-русской школы, открытой въ Tobольскѣ въ 1703 году, тратилъ на ея содержаніе въ томъ числѣ личные средства. Архиерей выписывалъ изъ Кіева и Чернигова книги для школьной библіотеки, велъ переговоры о присылкѣ съ Украины преподавателей. Въ школѣ обучались не только русскіе дѣти, но и дѣти изъ семей кореннаго населенія Сибири.

3. ПЕКИНСКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ

Въ миссіонерскомъ служеніи Архиерею помогалъ бывшій Tobольскій Митрополитъ Филофѣй, принявшій схиму съ именемъ Ѳеодоръ. Сибирскій генераль-губернаторъ Князь М. П. Гагаринъ оказывалъ необходимую помощь въ организаціи миссіонерскихъ поѣздокъ. Митрополитъ Іоаннъ заботился о постройкѣ храмовъ въ мѣстахъ проживанія сибирскихъ народовъ. Онъ благословилъ иконой Божіей Матери «Млекопитательница» строительство церкви въ селѣ Чердатскомъ на мѣстѣ, гдѣ ранѣе совершались языческіе жертвоприношенія. Впослѣдствіи эта икона стала почитаться какъ чудотворная. По свидѣтельству Г. Новицкаго, Митрополитъ Іоаннъ обратилъ въ христіанство одного изъ «князьковъ кошитскихъ юртъ», исповѣдовавшаго исламъ, направилъ къ его двору священника и крестилъ болѣе 300-тъ его подданныхъ.*

Послѣднимъ крупнымъ дѣяніемъ Владыки стала отправка въ Китай первой Пекинской духовной миссіи въ составѣ руководителя эконома Tobольскаго архиерейскаго дома Архимандрита Иларіона (Лежайскаго), семи причетниковъ (Іосифа Дьяконова, Никанора Ключова, Петра Якутова, Григорія Смагина, Ѳеодора Колесникова, Андрея Попова, Іосифа Аѳанасьева), Іеродиакона Филимона, Іеромонаха Лаврентія. По-видимому, посылка миссіи была личной инициативой Митрополита Іоанна. Въ то время tobольскіе митрополиты имѣли огромные права въ решеніи мѣстныхъ церковныхъ вопросовъ. На то, что вопросъ о посылкѣ священника въ Пекинъ могъ быть признанъ въ Tobольскѣ мѣстнымъ, указываетъ практика того

*Новицкій Г. И. Краткое описаніе о народѣ остяцкомъ. 1715.

Образъ 17-ти православныхъ просвѣтителей Сибири, Китая, Японіи и Америки, русскіе апостолы и миссіонеры. Слева направо: Святитель Іоаннъ митрополитъ Тобольскій, Святитель Иннокентій епископъ Иркутскій, Святитель Софроній епископъ Иркутскій, Святитель Макарій митрополитъ Московскій, Святитель Іона епископъ Ханькоусскій Чудотворецъ, Архимандритъ Іакинфъ Бичуринъ, святой Священномученикъ Митрофанъ, Святитель Гурій Таврическій, Митрополитъ Иннокентій Фигуровскій, Епископъ Пекинскій Василій Шуанъ, Архиепископъ Ижевскій Ювеналій Килинъ, Святитель Іоаннъ архиепископъ Шанхайскій и Санъ-Францискій, Митрополитъ Несторъ Анисимовъ, святой Равноапостольный Николай архиепископъ Японскій, Святитель Тихонъ Патріархъ Московскій и всея Россіи Исповѣдникъ, Святитель Иннокентій митрополитъ Московскій, святой Преподобный Германъ Аляскинскій. Художникъ-иконописецъ Филиппъ Москвитинъ. 2016

времени, когда волей митрополита назначались священники къ ѣдущимъ въ Пекинъ караванамъ, къ посольствамъ въ пограничные районы и дѣловымъ посылкамъ въ Ургу и Наунъ.* Официальной цѣлью миссіи было духовное окормленіе албазинцевъ — жившихъ въ Пекинѣ потомковъ плѣнныхъ русскихъ казаковъ. Однако въ задачи миссіи входили также проповѣдь христіанства среди мѣстного населенія, сборъ матеріаловъ о Китаѣ, помощь русскимъ дипломатамъ въ налаживаніи отношеній между Россіей и Китаемъ. 16-го Января 1715 года миссія

выѣхала изъ Тобольска. Въ Пекинѣ она была радушно принята Императоромъ Канси, выдѣлившимъ миссіи средства для пріобретенія жилья и присвоившимъ всѣмъ священнослужителямъ высокіе чины.

Горожанамъ Владыка Іоаннъ запомнился тѣмъ, что онъ почти ежедневно служилъ въ храмахъ Тобольска, а также много помогалъ бѣднымъ. Къ концу его жизни въ Тобольскѣ насчитывалось около 20-ти богадѣленъ. Святитель оказывалъ помощь нуждающимся, по большей части тайно, передавалъ деньги заключеннымъ въ тюрьмахъ. Чувствуя близость кончины, Митрополитъ Іоаннъ готовился къ ней. 9-го Іюня 1715 года онъ отслужилъ

*Русско-китайскіе отношенія въ XVIII вѣкѣ: Матеріалы и документы. М., 1978. Т. 1: 1700-1725. С. 31

последнюю литургию, послѣ нея устроилъ трапезу для духовенства и нищихъ, за которой самъ прислуживалъ. На слѣдующее утро его нашли скончавшимся, на колѣняхъ передъ спискомъ Ильинской Черниговской иконы Божіей Матери. Тѣло Владыки, неподвергшееся тленію, оставалось непогребеннымъ до возвращенія изъ миссіонерской экспедиціи Схимитрополита Ѳеодора (Лещинскаго).

4. ДВА ІОАННА — МОЛИТВЕННАЯ СВЯЗЬ

Въ роду Максимовичей хранили и уважали память предковъ. Прославленіе Тобольскаго Митрополита Іоанна въ 1916 году стало событіемъ для всей семьи, вѣдь Святитель Іоаннъ Тобольскій былъ «гордостію и славой всего рода». Имя своего прославленнаго родственника Михаилъ Максимовичъ впоследствии получить при постригѣ, поскольку съ самаго рожденія у него установилась молитвенная связь со своимъ предкомъ. Въ дальнѣйшемъ Господь направилъ его на миссіонерское служеніе по стопамъ Іоанна Тобольскаго — на дальній востокъ бывшей Россійской Имперіи, въ Русскій Шанхай.

Посылая его епископомъ въ Китай, Митрополитъ Антоній писалъ: «Вмѣсто меня, какъ мою собственную душу, какъ мое сердце, посылаю вамъ епископа Іоанна. Этотъ маленькій, тшедушный человекъ, съ виду почти ребенокъ, на дѣлѣ зеркало аскетической твердости въ наше время всеобщего духовного расслабленія».

Разсказъ о миссіонерскомъ служеніи Владыки Іоанна Шанхайскаго мы приводимъ въ изложеніи его духовнаго наслѣдника, Іеромонаха Серафима Роуза изъ книги *Vita Patrum**.

5. КАФЕДРА ВЪ РУССКОМЪ ШАНХАѢ

«Туманнымъ утромъ въ концѣ ноября прибылъ въ Шанхай епископъ Іоаннъ. Былъ праздникъ Входъ во Храмъ Пресвятыя Богородицы, и много людей собралось на пристани встрѣчать своего новаго

Владыку, занимавшаго вдовствующую кафедру послѣ архиепископа Симона, многолѣтняго китайскаго миссіонера высокой духовной жизни, который оставилъ послѣ себя большой соборъ недостроеннымъ и юрисдикціонный конфликтъ неразрѣшеннымъ. Владыка Іоаннъ сразу же возстановилъ церковное единство, учредилъ связь съ сербами, греками и украинцами и занялся построениемъ огромнаго собора въ честь иконы Богоматери «Споручницы грѣшныхъ», который былъ законченъ вмѣстѣ съ трехэтажнымъ приходскимъ домомъ съ колокольней. Онъ обратилъ особое вниманіе на духовное образованіе и взялъ за правило присутствовать при устныхъ экзаменахъ по катехизису во всѣхъ православныхъ школахъ Шанхая. Онъ былъ вдохновителемъ и возглавителемъ постройки храмовъ, госпиталя, приюта, домовъ для престарѣлыхъ,

коммерческаго училища, женской гимназіи, общественной столовой и др., словомъ, всѣхъ общественныхъ начинаній Русскаго Шанхая.

Огромнымъ дѣломъ его милосердія былъ Приютъ Святителя Тихона Задонскаго для сиротъ и для дѣтей нуждающихся родителей, который онъ вручилъ небесному покровительству этого дивнаго русскаго Святого. Святитель Тихонъ, какъ и самъ Владыка, очень лю-

Владыка Іоаннъ спасаетъ дѣтей въ шанхайскихъ трущобахъ.
Рисунокъ юной художницы изъ Владикавказа Ольги Чельдиевой, 13 лѣтъ.

билъ дѣтей. Былъ созданъ дамскій комитетъ и съ помощью онаго, начавъ съ восьми сиротокъ, приютъ организовался и вскорѣ далъ убѣжище до сотни дѣтей въ одно время, и около трехъ съ половиной тысячъ въ общей сложности. Владыка самъ собиралъ больныхъ и голодающихъ дѣтей съ улицъ и темныхъ закоулковъ шанхайскихъ трущобъ, гдѣ были случаи, когда собаки загрызали покинутыхъ дѣтей. Однажды одну дѣвочку онъ спасъ у китайца, «купивъ» ее въ обмѣнъ на бутылку водки. Во время войны въ приютѣ было очень тяжелое положеніе — не хватало провизіи. Въ одинъ изъ такихъ тяжелыхъ періодовъ выяснилось, что на другой день дѣтей буквально нѣчѣмъ кормить. Объ этомъ сказали Владыкѣ. Онъ, выслушавъ, сказалъ: «Богъ пошлетъ», и ушелъ къ себѣ молиться, и всю ночь простоялъ на молитвѣ. А утромъ чуть свѣтъ — звонокъ. Открываютъ дверь, и что же? Представ-

**Vita Patrum: The Life of the Fathers.* St Herman Press, Platina, 1988.

итель какой-то делегации съ крупнымъ пожертвованіемъ для пріюта. Владыка всѣхъ ребятъ хорошо зналъ и былъ имъ настоящимъ отцомъ. Когда пришли коммунисты, онъ эвакуировалъ весь пріютъ, сначала на островъ на Филиппинахъ, а потомъ въ Америку.

6. СОЗВѢЗДІЕ ДРЕВНИХЪ СВЯТЫХЪ

Въ 1951 году Владыка былъ назначенъ Синодомъ возглавлять Западно-Европейскую епархію. Теперь онъ сталъ однимъ изъ старшихъ іерарховъ Русской Зарубежной Церкви, и ему часто приходилось посѣщать заседания Синода въ городѣ Нью-Йоркѣ. Первоначально каѳедра его была въ Парижѣ, небесная покровительница котораго святая Геновефа (Женевьева) была современницей Преп. Симеона Столпника, который, провидя ея святость, посылалъ ей приветствія съ купцами изъ Антіохіи въ Галлію. Владыка обратилъ вниманіе на мѣстныхъ святыхъ, и ему открылось цѣлое созвѣздіе дивныхъ древнихъ святыхъ, полностью позабытыхъ современностью, съ которыми онъ вошелъ въ живое молитвенное общеніе.

Вся Западная Европа была просвѣщена вѣрой Христовой еще за много вѣковъ до пагубного отпаденія Рима отъ Восточной Церкви и погруженія всего латинскаго міра въ беспросвѣтную ересь католицизма. Ея первоначальные просвѣтителі, мученики, пустынники, святители-чудотворцы были подлинными православными святыми, но только очень ограниченное число этихъ многочисленныхъ и замѣчательныхъ святыхъ успѣло войти въ святцы до раскола, послѣ чего новые церковные дѣятели, лишенные благодати, начинаютъ проявлять поврежденное и извращенное пониманіе подвига, впадать въ прелесть, подобно Франциску Ассизскому, Терезамъ и другимъ, и уже ни въ коемъ случаѣ не являются святыми въ православномъ пониманіи этого слова. Популярность этихъ послѣднихъ совсѣмъ затмила память настоящихъ православныхъ святыхъ Запада. Однако, несмотря на святотатство реформации и французской революціи, почти на каждомъ городскомъ переулкѣ и сельскомъ поворотѣ находятся слѣды памяти древнихъ православныхъ святыхъ, и Владыка Іоаннъ, столь чуткій къ святынямъ, началъ дѣлать серьезное изслѣдованіе.

Въ 1952 году на епископскомъ совѣщаніи Владыка освѣтилъ апостольскій подвигъ современника святителей Кирилла и Меѳодія, просвѣтителя Даніи и Швеціи Святителя Ангарія, имѣвшаго каѳедру въ Гамбургѣ и Бременѣ, умершаго въ 865 году и, прославясь чудесами, черезъ пять лѣтъ причисленнаго къ лику святыхъ. На основаніи постановленія Архиерейскаго Собора 1950 года, предложившаго епископамъ на мѣстахъ выяснитъ вопросъ о каждомъ святомъ въ отдѣльности, Владыка Іоаннъ

теперь считалъ необходимымъ признать, что имя св. Ангарія († 3-го Февраля) надлежитъ отнынѣ вносить въ церковные мѣсяцесловы какъ Святителя Церкви. «Если прославилъ его Самъ Господь, то было бы дерзко съ нашей стороны не почитать его какъ святого», — такъ говорилъ Владыка и добавилъ рядъ другихъ святыхъ, коихъ тоже надлежитъ прославлять наравнѣ со святыми, прославленными Православной Церковью на Востокѣ, такъ какъ почитаніе ихъ установлено въ глубокіе времена древности. И было постановлено: «Резолюція по вопросу о почитаніи западныхъ святыхъ вырабатывается слѣдующая: Почитая память святыхъ угодниковъ Божіихъ и найдя въ мѣстахъ нашего разсѣянія проповѣдниковъ и подвижниковъ древности, имена коихъ не были намъ извѣстны, прославляемъ дивнаго во святыхъ Своихъ Господа и почитаемъ Его угодниковъ, величая ихъ страданія и подвиги и призывая ихъ быть нашими заступниками и ходатаями къ Богу. Въ силу сего устанавливаемъ, что чтимыми всей Православной Церковью являются поименованные праведники и призываемъ пастырей и пасомыхъ чтить этихъ святыхъ и прибѣгать къ ихъ молитвенному предстательству».

Вотъ первый списокъ этихъ угодниковъ Божіихъ, къ которымъ Владыка вознесъ свою пламенную молитву, дабы ихъ апостольская ревность вновь возсіяла надъ уставшимъ «старымъ міромъ» и позабытые труды ихъ оказались присно православными: св. Мученикъ Викторъ въ Марселѣ († 21-го Іюля 303 г.); св. Пофинъ, предшественникъ св. Иринѣя Ліонскаго († 2-го Іюня); свв. мученики, страдавшіе со св. Иринѣемъ Ліонскимъ — Александръ, Эпиподъ († 22-го Апрѣля) и Блондина († 2-го Іюня); св. Мученикъ Фелиціанъ († 24-го Января); святая Геновефа или Женевьева († 3-го Января 512 г.); св. Германъ Оксерскій († 31-го Іюля 448 г.); св. Луппъ Тройскій († 24-го Іюля 479 г.); св. Германъ Парижскій († 28-го Мая въ VI вѣкѣ); св. Клотуальцъ († 7-го Сентября, VII вѣкѣ); препп. Колумбанъ († 21-го Ноября), Фридолинъ († 6-го Марта) и Галль († 16-го Октября), проповѣдники въ Ирландіи и потомъ подвизавшіеся въ Швейцаріи и Италіи; святая Клотильда, Королева Франціи († 3-го Іюня 545 г.); св. Иларій Пектовійскій († 13-го Января); преп. Гоноратъ Леринскій († 16-го Января); преп. Викентій Леринскій — Учитель Церкви († 24-го Мая); преп. Патрикій, просвѣтитель Ирландіи († 17-го Марта).

Осѣняемый многоочнымъ покровомъ этихъ угодниковъ, когда-то столь славно просвѣтившихъ западныя страны, Владыка самъ оказался новымъ просвѣтителемъ — апостолу подобнымъ миссіонеромъ этихъ странъ, ибо вѣшалъ онъ и воплощалъ въ себѣ неповрежденное вѣчно новое истинное ученіе Господа нашего Иисуса Христа, которое не могло не ослѣплять сидящихъ во тьмѣ современнаго отступ-

ническаго новаго язычества. Эти угодники стали его вѣрными поспѣшниками въ его многогранной дѣятельности. Онъ постоянно разъѣзжалъ по всей Европѣ, служилъ Божественную литургію по-французски, по-голландски, какъ раньше служилъ по-гречески и по-китайски, а позднѣе по-английски; слылъ прозорливымъ и безсребреникомъ-цѣлителемъ. О немъ писали изъ Парижа: «Онъ живетъ уже внѣ нашей плоскости. Недаромъ въ одной изъ парижскихъ католическихъ церквей священникъ сказалъ, обращаясь къ молодежи: «Вы требуете доказательствъ, вы говорите, что сейчасъ нѣтъ ни чудесъ, ни святыхъ. Къ чему вамъ теоретическіе доказательства, когда сейчасъ по улицамъ Парижа ходитъ живой святой — Saint Jean Nus Pieds (святой Іоаннъ Босой)».

Владыка обратилъ вниманіе на такъ называемую Французскую Православную Церковь и много потрудился, дабы хотя бы часть приходовъ оказалась на спасительномъ пути въ лонѣ Русской Зарубежной Церкви, хранильницы чистого безкомпромисснаго Православія. Но самымъ утѣшительнымъ дѣтищемъ его апостольской дѣятельности было созданіе Голландской Православной Церкви, которая при богомудромъ его водительство сильно окрѣпла и развилась; имѣетъ своего архиерея, свои монастыри, почти всѣ богослужебныя книги на своемъ языкѣ, свои періодическіе изданія и т. д.»

7. ОСНОВАНІЕ ВЪ ГОЛЛАНДІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Всѣ свои «достиженія» православные голландцы приписываютъ Владыкѣ, считая его своимъ святымъ основателемъ и благодѣтелемъ. Осенью 1966 года, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Архиепископа Іоанна Максимовича, Голландская Православная Церковь опубликовала маленькую брошюру памяти Владыки Іоанна. Два духовныхъ сына Владыки, Епископъ Іаковъ* и Архимандритъ Ад-

Владыка Іоаннъ съ будущимъ Епископомъ Гагскимъ Іаковомъ и Архимандритомъ Адріаномъ.

ріанъ*, составили воспоминанія о своемъ духовномъ отцѣ. Въ предисловіи этого самого перваго жизнеописанія Владыки Іоанна Епископъ Іаковъ Гагскій написалъ такъ: «У меня не стало больше духовнаго отца, и я больше никогда другого такого не найду, кто могъ бы глубокой ночью позвонить мнѣ и сказать: «Ложись теперь спать, то, о чемъ ты просишь у Бога, конечно, угодно Ему». Владыко! Благодарю тебя за все. Помяни насъ, твою Голландскую Церковь, у Престола Божія».

«Владыка умеръ, — писалъ Епископъ Іаковъ, — и маленькая Голландская Православная Церковь осталась теперь безъ заступника на землѣ, но приобрѣла молитвенника на небѣ. Знаменіемъ послѣд-

няго благословенія Владыки явилась неожиданная возможность приобрести домъ на улицѣ Раутерстратъ 73 въ Гаагѣ». Онъ сталъ епископской резиденціей и тамъ же размѣстился мужской монастырь Свят. Василия Великаго. Позднѣе на первомъ этажѣ устроить женскій монастырь Св. Іоанна Крестителя. Семь монахинь, золотошвейная и иконописная мастерскіе. Есть гдѣ остановиться гостямъ.**

Архимандритъ Адріанъ вспоминаетъ о первосвятительскомъ визитѣ Владыки Іоанна:

«Владыка Іоаннъ былъ тѣмъ, кого можно только надѣяться встрѣтить хотя бы разъ въ жизни. Встрѣча съ нимъ не забудется никогда. Онъ былъ совершенно особенной личностью, соединяющей въ себѣ очень рѣдкіе качества. Я до сихъ поръ помню, какъ онъ пріѣхалъ къ намъ въ храмъ 15 лѣтъ назадъ. Маленькій, сутулый, съ необычнымъ лицомъ, спутанными волосами и бородой. У Владыки былъ серьезный дефектъ рѣчи, и его очень трудно было понимать, хотя онъ могъ говорить и по-нѣмецки, и по-французски, и по-английски.

*Іаковъ Антоніусъ Аккерсдаикъ (†1991) — епископъ Гааги и викарій Западно-Европейской епархіи (РПЦЗ). Возведенъ въ санъ Владыкой Іоанномъ въ Брюсселѣ въ 1965 году. Съ 1972 года въ Московской Патріархіи. Съ 1988 года на покой.

*Адріанусъ Антоній Корпорааль († 2002). Архимандрита Адріана изъ монастыря св. Іоанна Предтечи называютъ «Просвѣтителемъ Нидерландовъ» за то, что онъ перевелъ православные богослужебные тексты на голландскій языкъ.

**Позднѣе О. Адріанъ и женскій монастырь св. Іоанна Предтечи переѣхалъ на проѣздъ Кауперстраатъ 2 въ Гаагѣ.

Говорилъ онъ немного. Абсолютно спокойный, не обращая вниманія на суетящихся людей, онъ осматрѣлъ всю церковь, вошелъ въ алтарь, убѣдился, что тамъ все на мѣстѣ. Потомъ приложился къ каждой храмовой иконѣ по очереди, провѣрилъ всѣ книги въ церкви и приблизительно черезъ часъ уѣхалъ. Онъ хорошо относился къ голландскимъ священникамъ и просилъ обращаться къ нему, если возникнутъ какіе-либо трудности.

Однажды у насъ дѣйствительно возникли серьезные церковныя проблемы. Оставшись на долгое время практически безо всякого руководства, мы попросили помощи у Владыки. Такъ началось долгое и плодотворное общеніе съ нимъ. Владыка взялъ насъ и всю нашу Голландскую Церковь подъ свое покровительство, защищалъ насъ отъ различныхъ атакъ противъ насъ, возникающихъ изъ-за непониманія, а иногда просто изъ-за недоброжелательного отношенія къ нашей молодой, легко уязвимой общинѣ. Владыка часто къ намъ прїѣзжалъ и останавливался въ нашемъ монастырѣ, гдѣ чувствовалъ себя какъ дома. Посѣщалъ онъ и Лѣснинскій Свято-Богородицкій женскій монастырь во Франціи, а также Русскій Кадетскій Корпусъ въ Версалѣ.

Мы сразу замѣтили, что Владыка былъ очень строгимъ аскетомъ, какъ будто одинъ изъ святыхъ отцовъ-пустынниковъ пришелъ къ намъ изъ глубины вѣковъ, когда христіанство только начиналось. Онъ никогда не ложился въ кровать. Спалъ онъ мимолетно, порой всего нѣсколько минутъ, стоя во время молитвы, а ночью засыпалъ на нѣсколько часовъ, сидя въ креслѣ не опираясь на спинку кресла. Иногда онъ дремалъ по нѣсколько минутъ во время разговоровъ, которые его не интересовали, хотя при этомъ все слышалъ.

Но особенно поражала его молитвенная жизнь. Онъ каждый день служилъ Божественную литургію, внѣ зависимости отъ того, сколько народа присутствовало въ храмѣ. Онъ очень долго молился на проскомидіи. Вотъ уже дискось, куда складываются поминальныя частички, полонъ, а Владыка все вынималъ изъ кармановъ бумажки съ именами людей, письма со всѣхъ концовъ земли съ просьбой помолиться, особенно за болящихъ. Владыка пом-

нилъ имена всѣхъ, кого встрѣчалъ, понималъ ихъ нужды, и это было такимъ утѣшеніемъ. Во время Великаго Входа на Литургіи поминовеніе всѣхъ именъ начиналось заново и опять продолжалось очень долго. Изъ-за этого хору приходилось иногда пѣть Херувимскую по три раза. Послѣ литургіи Владыка оставался на нѣсколько часовъ въ алтарѣ. Онъ заботливо чистилъ Чашу, Дискось, убиралъ престоль и жертвенникъ. Затѣмъ съѣдалъ немного просфорнаго хлѣба и выпивалъ большое количество горячей воды. Въ храмѣ Владыка былъ очень строго,

никогда не позволялъ праздныхъ разговоровъ во время литургіи, особенно въ алтарѣ. Послѣ Божественной Литургіи онъ читалъ свою почту, поручая довѣренному лицу вскрывать конверты и отбирать особенно важное. Каждый день вслухъ Владыка вычитывалъ часы, иногда стоя въ поѣздѣ или плывя на пароходѣ, прямо среди людей (онъ очень много путешествовалъ).

Прежде всего Владыка работалъ о больныхъ и одинокихъ и посѣщалъ ихъ даже въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Онъ носилъ ремень вокругъ шеи, на которомъ висѣлъ кожаный чехоль съ тяжелой иконой — копіей Курско-Коренной чудотворной иконы Матери Божіей, вывезенной со Святой Руси. Посѣщая больныхъ, Владыка пѣлъ своимъ ломающимся голосомъ молебень, а потомъ причащалъ ихъ.

Владыка Іоаннъ очень любилъ дѣтей. Училъ ихъ, задавалъ имъ вопросы, посылалъ имъ открытки и дарилъ подарки. Дѣти всегда окружали его. Онъ смотрѣлъ ребенку прямо въ глаза, долго, по минутѣ, съ такой теплотой, что его сіяющій взглядъ обнималъ дитя, какъ обнимаютъ материнскія руки. Люди, встрѣтившіе Владыку, навсегда запоминали его глаза. Рѣчь Владыки было трудно понимать, но взглядъ его проникалъ прямо въ душу. Когда онъ на тебя смотрѣлъ, ты ощущалъ себя самымъ любимымъ человекомъ въ мірѣ въ этотъ моментъ».

Отъ Редакціи:

Брошюра и фотографіи были присланы Игуменней Макриной изъ Іоанновскаго женскаго монастыря. Она сохранилась тамъ въ единственномъ экземплярѣ. Переводъ съ датскаго Ричарда Беттса и Евгенія Кирьянова.

Владыка Іоаннъ съ Курско-Коренной иконой въ Нидерландахъ.

ГЛАВА III. ИСПОВѢДЬ ВѢРЫ

«Неудобный» Епископъ Іоаннъ

«Посмотрите, братія, кто вы, призванные: не много изъ васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ; но Богъ избралъ немудрое міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего не значащее избралъ Богъ, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась предъ Богомъ». (1 Кор. 1: 26-29). Эта библейская цитата, конечно, не о юродивыхъ, а о христіанахъ; она говоритъ о томъ, что проповѣдь Христа распятаго — безуміе для эллиновъ, а значитъ и для всѣхъ людей, мыслящихъ въ рамкахъ человѣческаго разума. Послѣдователи Христа причисляются къ безумцамъ, ибо признаютъ верховенство закона Христова, закона благодати, возвышающагося надъ всѣми другими — человѣческими законами.

Христіанинъ по опредѣленію противостоитъ міру, онъ не можетъ, не долженъ чувствовать себя здѣсь уютно, онъ — чуждой, иной, другой. Христіанинъ подверженъ томленію духа и жаждетъ правды будущаго вѣка. Отсюда приоритетъ внутренней жизни надъ внѣшней — и для христіанства вообще, и для юродства въ частности, только юродивые доходятъ въ этомъ до предѣла и зачастую переходятъ предѣлъ. Понять феноменъ юродства и извлечь изъ него надлежащіе уроки — задача насущная для вѣрующихъ. Этотъ непростой, отличающійся радикальностью образъ существованія, придаетъ духовной жизни человѣка объемъ и глубину, которыхъ нельзя достичь никакими другими способами. Само прикосновеніе къ темъ юродства замѣтно расширяетъ границы сознанія, спасая вѣрующаго человѣка отъ плоскоумія.

*«Приготовьте путь Господу, прямыми
сдѣлайте стези Ему» (Мѡ. 3:3).*

1. СВЯТОЙ ІОАННЪ БОСОЙ

Никакимъ «величественнымъ обликомъ убѣленнаго сѣдинами старца» Владыка Іоаннъ не обладалъ: маленькій, невзрачный, съ дефектомъ рѣчи, часто въ мятой рясѣ и босой. Нѣкоторымъ изъ окружавшихъ его людей бывало даже неловко за «такого епископа», вѣдь служилъ епископъ въ крупныхъ городахъ: Шанхаѣ, Парижѣ, Брюсселѣ, Санъ-Франциско.

Владыка Іоаннъ носилъ только самую простую одѣжду, въ любую погоду обходился легкими сандалями, а то и вовсе ходилъ босикомъ (для умерщвленія плоти). Свою обувь онъ попросту отдавалъ нищимъ, и такъ какъ это случалось довольно часто, быть босымъ Владыкѣ казалось болѣе привычнымъ. О немъ такъ и говорили — святой Іоаннъ Босой. Въ дни памяти опредѣленныхъ святыхъ онъ и служилъ босикомъ, причѣмъ требовалъ того же отъ сослужившихъ ему священниковъ, чѣмъ приводилъ ихъ въ недоумѣніе. «Многіе въ Парижѣ не понимали Владыку, — вспоминалъ протопресвитеръ Митрофанъ Зноско-Боровскій, —

ихъ смущалъ его внѣшній видъ, что онъ босой ходитъ. Рассказывалъ мнѣ П. С. Лопухинъ, что были жалобы на Владыку митрополиту Анастасію. Въ одной изъ жалобъ просили, чтобы Первосвятитель приказалъ Владыкѣ Іоанну носить ботинки. Митрополитъ Анастасій откликнулся на эту просьбу, написалъ Владыкѣ письмо, а обрадованные этимъ прихожане поспѣшили преподнести своему архипастырю ботинки. Владыка принялъ даръ, поблагодарилъ, но не надѣлъ, а носилъ ботинки... подъ мышкой. Снова жалоба митрополиту, снова онъ пишетъ Владыкѣ Іоанну о послушаніи и получаетъ отвѣтъ: «Ваше предписаніе исполнилъ, вы писали, чтобы я носилъ ботинки, но не написали, чтобы я ихъ надѣлъ, вот я и носилъ ихъ, а теперь надѣну. И Владыка зашагалъ по Парижу въ ботинкахъ».

2. СУГУБОЕ ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ

Элементы юродства можно обнаружить въ жизни многихъ подвижниковъ благочестія. Какъ правило, штрихи юродства проявляются на стыкѣ

внутренняго міра христіанина съ міромъ внѣшнимъ, когда подвижникъ попросту не желаетъ погружаться въ ту или иную человѣческую стихію, не желаетъ слѣдовать какимъ-то обыденнымъ правиламъ и нормамъ, потому что они мѣшаютъ Богу въ немъ расти, или подвижникъ не готовъ къ встрѣчѣ съ внѣшнимъ міромъ, пребывая глубоко внутри, наединѣ съ Богомъ. Вспомнимъ для примѣра преподобнаго Серафима Саровскаго, падавшаго на колѣни и утыкавшагося лицомъ въ землю, если кто приходилъ къ нему въ пустыню неожиданно и заставлялъ его врасплохъ. Преподобный просилъ простить его и оставался въ этомъ неудобномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока смущенный посѣтитель не уходилъ. Старецъ просто не былъ готовъ къ встрѣчѣ съ другимъ человѣкомъ.

Святой праведный Іоаннъ Кронштадтскій тоже многихъ смущалъ необычнымъ поведеніемъ. Его принимали за юродиваго, когда поздно вечеромъ онъ появлялся на улицахъ Кронштадта со скрещенными на груди руками. Такъ онъ гулялъ и молился, приглядываясь къ бѣднымъ домамъ, нерѣдко заходилъ «на огонекъ», помогать по хозяйству, стиралъ, нянчилъ дѣтей. Нестандартное, сходное съ юродствомъ поведеніе подвижниковъ, выходящее за рамки общепринятого, не такая ужъ рѣдкость. Однако направлено оно не на эпатированіе, какъ можетъ показаться, а на сохраненіе въ себѣ и окружающихъ людяхъ человѣчности. Оно есть результатъ сугубаго человѣколюбія предавшей Богу души, растущаго Боголюбія.

3. БОГЪ ЕГО СЛЫШАЛЪ

Владыка Іоаннъ принялъ монашескій постригъ въ 30 лѣтъ. Съ тѣхъ поръ молитва — общеніе съ Богомъ и святыми — становится для него большей реальностью, чѣмъ всѣ дѣла, заботы и переживания земной жизни. Въ молитвѣ онъ искалъ воли Божіей, съ которой свѣрялъ всѣ свои дѣйствія. Молитва какъ живая связь съ Богомъ была источникомъ «чудесъ» Владыки Іоанна: онъ молился — Богъ его слышалъ. «Всѣ мы становимся на молитву, а Владыкѣ Іоанну на нее становиться не нужно: онъ всегда въ ней пребываетъ...», — говорилъ одинъ изъ его духовныхъ дѣтей, Іеромонахъ Меѳодій.

Чтобы такъ молиться — дать мѣсто духу — надо стѣснить плоть, въ этомъ смыслѣ любой аскетики. Со времени монашескаго пострига Іоаннъ Максимовичъ никогда не ложился въ кровать, спалъ сидя и лишь нѣсколько часовъ, отводя ночь для молитвы. Ълъ, часто смѣшивая всѣ блюда: супъ, гарниръ, компотъ, — чтобы земная пища не казалась удовольствіемъ.

Съ епископствомъ въ 38 лѣтъ Владыка Іоаннъ не измѣнилъ аскетической практики, хотя очень измѣнилась его жизнь: никакого уединенія, всегда рядомъ люди, ихъ просьбы, ихъ распри. Нерѣдко монахи, на примѣръ, святой Сергій Радонежскій, которому предлагали стать епископомъ, рѣшительно отказывались, боясь гордости, боясь, что это нарушитъ ихъ молитвенную жизнь, часто съ большимъ трудомъ выстраиваемую. Въдѣ епископъ — это все равно что большой начальникъ, администраторъ, которому надо все время рѣшать вопросы съ людьми.

4. «НЕ ПО ПРАВИЛАМЪ»

Іеромонахъ Іоаннъ тоже не хотѣлъ быть епископомъ. Даже, какъ аргументъ, привелъ свое косноязычіе, въдѣ епископу нужно говорить рѣчи и проповѣди. Но ему отвѣтили, что и Моисей былъ косноязычнымъ, и ничего. Когда онъ сталъ епископомъ, замѣчали, что онъ порой юродствуетъ: странно выглядеть, вѣдетъ себя «не по правиламъ», и свои странности никакъ не объясняетъ. Нѣкоторыхъ это раздражало — епископамъ не положено, онъ же не пустыжникъ какой, на него люди смотрятъ! Но для Владыки Іоанна, который зналъ, чего хочетъ отъ него Богъ, было не такъ важно, какъ смотрятъ на него люди. Его юродство было Христа ради — когда правда Христова важнѣе всѣхъ правдъ, обычаевъ и понятій человѣческихъ.

Блаженнаго епископа часто критиковали за нарушенія принятаго порядка вещей. Онъ опаздывалъ на службы (не по личнымъ мотивамъ, а задерживаясь у больныхъ или умирающихъ) и не разрѣшалъ начинать безъ себя, а когда служилъ — богослуженія бывали очень долгими. Онъ имѣлъ обыкновение показываться въ разныхъ мѣстахъ безъ предупрежденія и въ неожиданное время, на примѣръ часто посѣщалъ больницы ночью. «Однажды, когда

Владыка Іоаннъ часто ходилъ босикомъ и однажды ему отъ священноначалія поступило предписаніе: носить ботинки. Епископъ носилъ ихъ, перекинувъ съ завязанными шнурками черезъ плѣчо. *Рисунокъ юнаго художника изъ Ганновера Владимира, ему 6 лѣтъ.*

Владыка былъ въ Марселѣ, онъ рѣшилъ отслужить панихиду на мѣстѣ убійства сербскаго Короля Александра. Никто изъ клира изъ ложнаго стыда не захотѣлъ служить съ нимъ. И дѣйствительно, виданное ли дѣло — служить посреди улицы! Владыка пошелъ одинъ. Жители Марселя были ошарашены появленіемъ священнослужителя въ необычныхъ одѣждахъ, съ длинными волосами и босого, расхаживающаго съ чемоданомъ и метлой посреди улицы. Когда Владыка вычистилъ метлой небольшую часть тротуара, онъ досталъ изъ чемодана кадильницу, возжегъ ее и началъ служить панихиду», — вспоминала одна изъ его духовныхъ дочерей.

Временами его сужденія казались противорѣчащими здравому смыслу, а дѣйствія — странными и онъ не объяснялъ ихъ. Кого-то смущалъ внѣшній видъ епископа, поскольку онъ не стиралъ и не гладилъ свой подрясникъ, не расчесывалъ волосы и бороду.

Владыка не былъ непогрѣшимъ, онъ бывалъ неправъ и безъ колебаній признавалъ это, когда обнаруживалъ. Но обычно онъ все же бывалъ правъ, а кажущаяся странность нѣкоторыхъ поступковъ и сужденій вполнѣ обрѣтала глубокій духовный смыслъ. Жизнь Блаженнаго Іоанна въ основѣ своей была прежде всего духовной, и если это нарушало заведенный порядокъ вещей, то лишь для того, чтобы заставить людей очнуться отъ духовной спячки. Юродивый всегда невольно провокаторъ, онъ — будильникъ, онъ — ускоритель, катализаторъ процессовъ пробужденія отъ духовной спячки.

5. ПРОЗРѢНІЕ ДУХОВНЫХЪ ОЧЕЙ

Георгій Оедотовъ, авторъ изслѣдованія о святыхъ юродивыхъ Древней Руси, указываетъ на слѣдующіе моменты, соединяющіеся въ парадоксальномъ подвигѣ юродства. Это, во-первыхъ, аскетическое поправленіе тщеславія, всегда опаснаго для монашескаго аскезы. Въ этомъ смыслѣ юродство есть притворное безуміе или безнравственность съ цѣлью поношенія отъ людей. Второй моментъ — выявленіе противорѣчій между глубокой христіанскою правдой и поверхностнымъ здравымъ смысломъ и моральнымъ закономъ съ цѣлью посмѣянія міру. И наконецъ, юродство — это служеніе міру въ своеобразной проповѣди, которая совершается не словомъ и не дѣломъ, а силой Духа, духовной властью личности, нерѣдко облеченной пророчествомъ. Даръ пророчества приписывается почти всѣмъ блаженнымъ. Прозрѣніе духовныхъ очей, высшій разумъ и смыслъ являются наградой за поправленіе человѣческаго разума подобно тому, какъ даръ исцѣленій почти всегда связанъ съ аскезой тѣла, съ властью над матеріей собственной плоти.

Владыка Іоаннъ часто слышалъ и выполнялъ даже невысказанныя просьбы. Вспоминаетъ госпожа

Лью, одна изъ его духовныхъ дочерей: «Въ Санъ-Франциско мой мужъ попалъ въ автокатастрофу. Зная силу его молитвъ, я подумала: «Если бы пригласить Владыку къ мужу, мужъ бы поправился», но я боялась это сдѣлать изъ-за занятости Владыки. И вдругъ Владыка приходитъ къ намъ самъ, въ сопровожденіи нѣкоего господина, который его привезъ. Онъ пробылъ всего пять минутъ, но я вѣрила — мужу станетъ легче. И, дѣйствительно, послѣ этого посѣщенія Владыки мужъ сталъ поправляться. Позже я встрѣтила человѣка, привезшаго къ намъ Владыку, и тотъ разсказалъ, что онъ везъ Владыку въ аэропортъ, какъ вдругъ Владыка говоритъ ему: «Бѣдемъ сейчасъ къ Л.». Тотъ возразилъ, что они опоздають на аэропланъ, и что сію минуту повернуть онъ не можетъ. Тогда Владыка сказалъ: «Вы можете взять на себя жизнь человѣка?» Дѣлать было нѣчего, и онъ повезъ Владыку къ намъ. На аэропланъ, однако, Владыка не опоздалъ, потому что задержали рейсъ ради Владыки».

Онъ постоянно молился, ежедневно служилъ Божественную литургію (мало кто выдерживалъ такой ритмъ, поэтому часто Владыка служилъ одинъ — самъ читалъ и пѣлъ всю службу), причащался каждый день, строго постился — ѣлъ только одинъ разъ поздно вечеромъ, а Великимъ и Рождественскимъ постомъ вкушалъ только просфоры. Но во всемъ, что касалось службы, Владыка былъ очень строгъ къ себѣ и къ остальнымъ. Онъ никогда не разговаривалъ въ алтарѣ и послѣ службы оставался въ немъ на нѣсколько часовъ, а какъ-то замѣтилъ: «Какъ трудно оторваться отъ молитвы и перейти къ земному!».

6. ПРОТИВОСТОЯНІЕ МІРУ

Склонный къ юродству человѣкъ живетъ интенсивной внутренней жизнью. Интенсивность жизни христіанина рождается изъ сопротивленія міру, какъ противодействие ему: чѣмъ сильнѣе давленіе извнѣ, тѣмъ активнѣе внутреннее противостояніе. Вѣрно и обратное утвержденіе: чѣмъ напряженнѣе внутренняя жизнь человѣка, тѣмъ сильнѣе давить на него міръ.

Въ 1962 году Владыку Іоанна переводятъ въ Санъ-Франциско въ отвѣтъ на настойчивыя просьбы тысячъ русскихъ мѣстныхъ прихожанъ, хорошо знавшихъ его еще по Шанхаю: строительство кафедральнаго собора въ Сан-Франциско было приостановлено изъ-за разногласій въ приходѣ. Онъ разобралъ дѣло, нашелъ безпорядокъ въ финансахъ и отчетной документациіи и призвалъ должниковъ къ отвѣту. Должники послали жалобы въ Синодъ. Тамъ этими жалобами какъ удобнымъ поводомъ воспользовались недоброжелатели Владыки: они подняли вопросъ о «незаконности» его назначенія на кафедру въ Санъ-Франциско и отзывѣ. Въ Синодѣ

было немало тѣхъ, кто презиралъ «гугниваго» и «причудливаго» епископа какъ «недостаточно тонкаго богослова» или «плохого администратора». А главное, они боялись, что живой святой-чудотворецъ, пріѣхавшій на ведущую кафедру самой значимой епархіи Русской Зарубежной Церкви, являлся самой реальной кандидатурой на мѣсто уже очень больного первоиерарха.

Дѣятельность недоброжелателей принесла свои плоды. Русская община въ Санъ-Франциско пришла въ смятеніе отъ «партійной борьбы». На приходскихъ собраніяхъ Владыку и его сторонниковъ сопровождали крики и оскорбленія. Нѣкоторые женщины ругали Владыку Іоанна и даже плевали на него. Одна прихожанка съ ужасомъ вспоминала, какъ ея мать, подбѣжавъ, плюнула ему въ лицо — сразу послѣ богослуженія. Правда и то, что нѣкоторые изъ почитателей Владыки открыто заступались за него. Напримѣръ, Игуменья Аріадна громко, съ посохомъ въ рукахъ обличила въ соборѣ тѣхъ, кто оскорблялъ живого святого.

9-го Іюля 1962 года въ *San Francisco Examiner* на первой полосѣ появилось сообщеніе о судѣ надъ русскимъ архиепископомъ вмѣстѣ съ его фотографіями въ залѣ суда. Процессъ длился четыре дня. Рядомъ съ Владыкой въ судѣ были и самые близкіе его друзья: архиереи Савва Эдмонтскій, Леонтій Чилійскій, Нектарій Сіэтлійскій, Игуменья Аріадна. Судья, католикъ Э. О'Дэй, не могъ скрыть своихъ симпатій къ Владыкѣ Іоанну и разрѣшилъ ему — впервые въ исторіи Санъ-Франциско — произносить молитву передъ началомъ каждой сессіи. Дѣло по обвиненію Владыки Іоанна, какъ совершенно несостоятельное, было прекращено и онъ признанъ свободнымъ ото всѣхъ обвиненій въ денежной коррумпіи. Въ Синодѣ также вынуждены были признать, послѣ личнаго визита первоиерарха Зарубежной Церкви митрополита Анастасія въ Санъ-Франциско, статусъ Архиепископа Іоанна какъ постоянного іерарха Санъ-Франциско и Западной Америки. Сами противники понимали абсурдность своихъ юридическихъ претензій. Ихъ главной цѣлью было морально уничтожить неудобнаго Владыку. Въ тѣ дни Блаженный Іоаннъ написалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: «Если вы услышите, что я умеръ, знайте, что меня убили». Но, хорошо знавшій законы духовной жизни, онъ никого не осуждалъ. Когда его спросили, кто былъ виноватъ въ этой смутѣ, онъ отвѣтилъ: «Дьяволъ».

7. ПРОМѢНЯВШІЙ СЕБЯ НА БОГА

«Будьте какъ дѣти!», — призываетъ Господь, и юродивые становятся воистину дѣтьми по своему человѣческому разуму, когда взыскуютъ предѣльной правды, не желая считаться съ условностями міра сего. Юродство Христа ради — это полный отказъ отъ человѣческой системы цѣнностей въ пользу Бога. При этомъ все вторичное, внѣшнее, стоящее во главѣ угла у обычныхъ людей, отбрасывается какъ ничтожное, ничего не значащее и не заслуживающее вниманія: деньги, статусы, профессія, положеніе въ обществѣ, слава, власть, семья, даже собственные здоровье и физическая жизнь.

Можно сказать, что юродивый Христа ради — это человѣкъ, промѣнявшій себя на Бога. Не зря юродивыхъ называютъ блаженными, вѣдь высшій смыслъ человѣческой жизни какъ разъ въ томъ и состоитъ, чтобы обрѣсти блаженство полноты въ Богѣ. Юродивый идетъ къ Богу напрямую, быстро, освободившись отъ необходимости размѣниваться по мѣлочамъ — это путь не для всѣхъ. Онъ годится только для людей опредѣленнаго душевнаго склада. Это спасеніе во время крушенія (пока нѣтъ ощущенія бытійной катастрофы, пока нѣтъ опыта ея преодоленія — не можетъ быть и вѣрнаго пониманія юродства), въ нѣкоторомъ родѣ это жизнь послѣ смерти, послѣ отказа отъ жизненныхъ функцій, безъ которыхъ обычный человѣкъ въ мірѣ немислимъ. Исторія блаженной Ксеніи Петербургской — хорошая иллюстрація къ сказанному.

Разобраться въ причинахъ, почему человѣкъ встаетъ на путь юродства не такъ просто. Существуетъ мнѣніе, что каждый отдѣльный случай — особенный, не похожій на другіе. Общимъ мѣстомъ можно считать лишь призваніе. Юродивымъ человѣкъ становится не потому, что самъ такъ рѣшилъ, не потому что захотѣлъ, принялъ рѣшеніе стать «безумнымъ» и осуществилъ его — это врядъ ли возможно, уже хотя бы потому, что въ такомъ поступкѣ было бы больше гордости, чѣмъ смиренія. Просто стремящійся къ Богу человѣкъ столкнулся съ такой реальностью себя самого, которая по-другому существовать и двигаться къ Богу не можетъ. Стоять на мѣстѣ онъ тоже не можетъ — остановка для него равнозначна гибели. Такимъ былъ и Блаженный Іоаннъ Максимовичъ — прямая линія, проведенная изъ сердца къ Богу.

Христось Воскресе! Послѣдняя земная Пасха. Санъ-Франциско.

ПИСЬМА ПАЛОМНИКУ

1. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ОТЪ О. ГЕРМАНА

Получила новый “РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ” № 55, интересный какъ всегда. Такое чувство, что получила благословеніе отъ О. Германа.

Особенно тронула статья объ О. Никодимѣ Карульскомъ. Даже онъ иногда засыпалъ во время молитвы. Съ любовью о Господѣ,

Ирина Лукьянова.

2. ВИДѢХОМЪ СВѢТЪ ИСТИННЫЙ

Послѣ кончины О. Германа я все никакъ не решалась написать свои воспоминанія. Но тотъ неизгладимый слѣдъ, оставленный имъ въ моей душѣ, тѣ свѣтъ и тѣпло, которые онъ такъ щедро излучалъ своей отеческой заботой и мудростью, и то, какой чудный — добрый и мудрый, пламенной вѣры Божій человекъ это былъ, и какъ онъ любилъ всѣхъ своихъ чадъ и всѣхъ людей, къ нему приходившихъ, помогаетъ мнѣ передать нѣкоторые воспоминанія на бумагѣ.

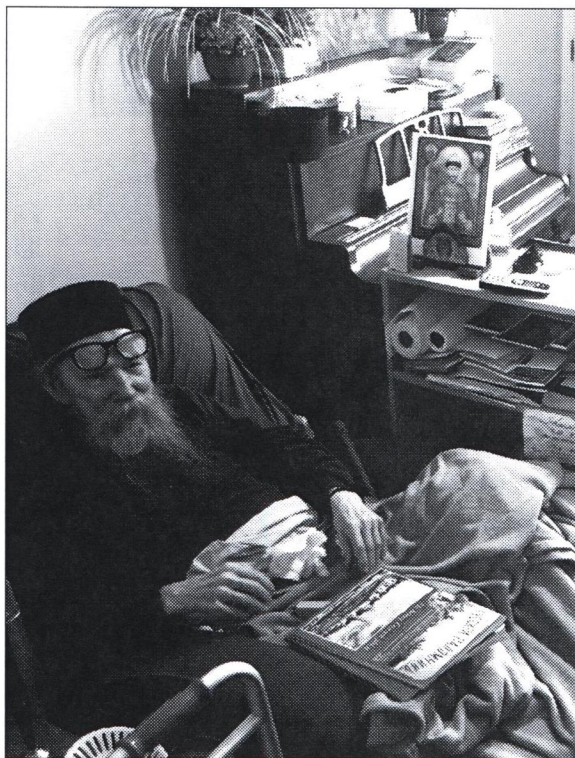
Въ 2003 году, когда я крестилась, я просила Господа послать мнѣ духовнаго учителя, вѣдь, будучи педагогомъ и очень желая жить духовной жизнью, я понимала, что нужно, прежде всего, въ духовномъ направленіи имѣть мудраго, знающаго руководителя, духовнаго педагога.

И Господь послалъ. Въ Іюнь 2012 года я переѣхала въ Миннесоту, а въ концѣ Октября, въ ту церковь, куда я ходила тогда (Церковь Воскресенія, которая также и Монастырь Св. Серафима Саровскаго), пріѣхалъ О.

Германъ, и тамъ поселился. Сначала я заходила къ нему въ комнату просто навѣстить, испросить благословенія всякій разъ, когда я приходила въ церковь. Потомъ стала приходиться чаще — во внѣцерковное время.

Увидѣвъ вначалѣ О. Германа, я не знала, что это за человекъ, и первая картина встрѣчи съ нимъ была слѣдующей.

Маленькая комнатка подъ церковью. Въ одной половинѣ этой комнатки помѣщена кровать, похожая на кресло съ электрическимъ управленіемъ, вплотную справа отъ кровати — столикъ съ телефономъ, вплотную слѣва — небольшая книжная полочка съ бумагами и книгами, на ней стоитъ портретъ Императора Павла Перваго, надъ ней, на стѣнѣ, — небольшая фотографія О. Серафима (Роуза). На креслѣ-кроватьи съ приподнятой спинкой сидитъ, лицомъ очень напоминающій и Прп. Варсонофія Оптинскаго и Прп. Паисія Величковскаго, старецъ, который почти что всегда, можно сказать, прикованъ къ постели болѣзнью Паркинсона, всѣ движенія котораго нѣсколько замедленны, руки трясутся, человекъ, который съ трудомъ произноситъ слова и даже иногда приходится просить его повторить то, что онъ только что сказалъ. Но, если не въ первое мгновеніе, то черезъ пару минутъ общения можно было понять, что это былъ нѣкогда со ско-

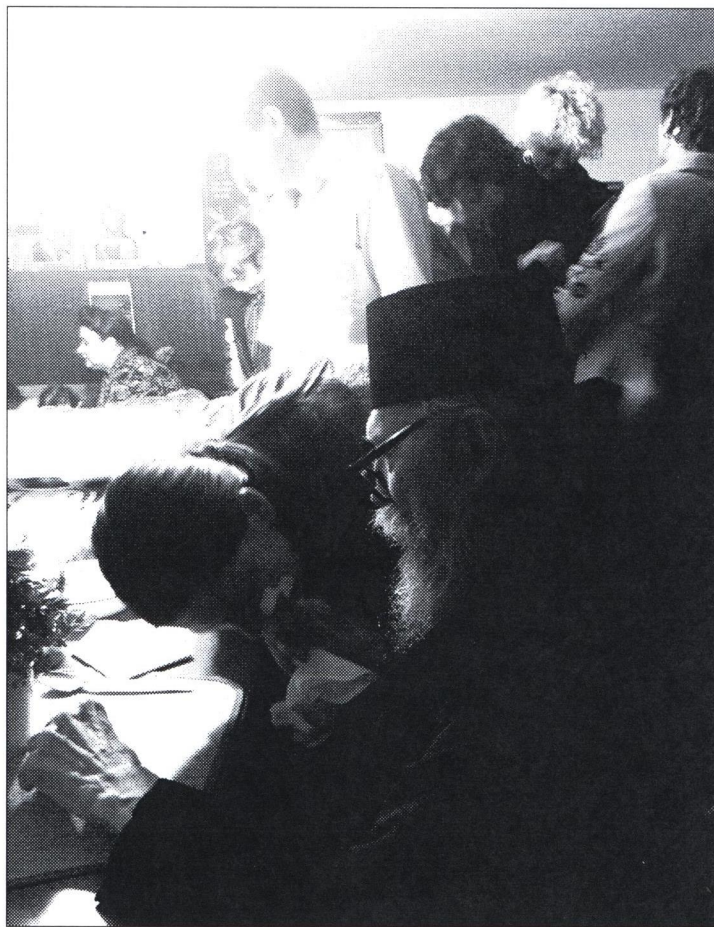
Свѣтящійся радостью Отецъ Германъ въ своей монашеской кельѣ. — Новый номеръ Паломника полученъ изъ Россіи!

ростью молніи двигающійся человекъ, голосъ котораго былъ мощнымъ и внушительнымъ, что это

былъ человекъ, обладающій пламенной силой — лицо, свѣтящееся улыбкой и источающее жизне-радостность, и, конечно же, то, что и какъ онъ говорить, подтверждали, что передъ вами — сильная личность. И даже настолько сильная, что въ иные моменты трудно было догадаться, что этотъ свѣтящійся улыбкой человекъ можетъ также во время разговора съ вами испытывать и мучительную физическую боль, вызванную состояніемъ его здоровья. Онъ подѣлился со мной: «Видите ли, Галочка (а онъ всегда меня называлъ очень ласково «Галочка» или «дорогая» и отъ его такого обращенія чувствовалось необычайное тѣпло), я всегда былъ очень активнымъ, и сейчасъ мнѣ трудно, т. к. многое хочу сдѣлать, но нѣтъ физическихъ силъ». Очень трудно было ему потому, что въ немъ оставалась неизмѣнной та фантастическая сила и внутренняя энергія его болѣе молодыхъ лѣтъ, но физически онъ не могъ трансформировать ее въ свою дѣятельность. И вотъ это было сильнымъ для него испытаніемъ.

Однажды онъ сталъ спрашивать меня, и, узнавъ, что я музыкантъ, очень обрадовался и заговорилъ со мной о музыкѣ, началъ задавать вопросы, интересоваться моимъ мнѣніемъ по различнымъ музыкальнымъ темамъ. Оказалось, напримѣръ, что и для него и для меня Юганъ Себастьянъ Бахъ былъ любимымъ композиторомъ, и что, напримѣръ, любимымъ скрипичнымъ концертомъ у насъ обоихъ былъ концертъ Мендельсона. Онъ рассказывалъ мнѣ, какое вліяніе на него оказала опера Верди «Ля Форца дель Дестино» («Сила судьбы») — это была любимая опера О. Германа, и, каждый разъ, когда онъ произносилъ само это название «Ля Форца дель Дестино», его лицо оживлялось (очень трогательно онъ рассказывалъ о первомъ просмотрѣ одноименного фильма-оперы). Слѣдующей любимой оперой была опера Доницетти «Анна Болейнъ». Любимымъ фортепیانнымъ концертомъ былъ концертъ Моцарта 23-ій, а любимой симфоніей — 1-ая симфонія Чайковского. Какъ было чудесно слышать о томъ, какую поворотную роль сыграла въ жизни О. Германа ораторія «Мессія» Генделя, которую и я несказанно любила и играла въ оркестрѣ много разъ. Очень О. Герману нравилась музыка «Туонельскаго Лебедя» Сибелиуса. Онъ считалъ ее одной изъ самыхъ красивыхъ музыкальных зарисовокъ природы. А также любилъ онъ сопоставлять музыкальное произведение и картину. Напримѣръ, любилъ любоваться картиной Клода Лоррена «Закладанный Замокъ» подъ музыку «Старога Замка» изъ «Картинокъ съ выставки» Мусоргскаго.

О. Германъ обладалъ такими глубокими свѣдѣніями о музыкѣ, которые меня поражали и восхищали. Поначалу я даже была увѣрена, что онъ умѣетъ играть на какомъ-нибудь инструмѣнтѣ.

Прихожане Воскресенскаго храма полюбили старца.

Каково же было мое удивление, когда онъ повѣдалъ, что музыкѣ не учился. Причемъ надо замѣтить, я не спрашивала, а просто въ какой-то моментъ подумала: «Интересно, бралъ ли О. Германъ уроки музыки?» И онъ, какъ бы услыша мой произнесенный вопросъ, далъ на него отвѣтъ. (Кстати, такъ часто бывало, что онъ давалъ отвѣты на вопросы, которые я еще не спросила.) Во всякомъ случаѣ, для меня О. Германъ съ его тонкой, чувствительной, художественной, музыкальной, артистической натурой, былъ чудеснымъ музыкантомъ. Вообще, онъ искусство очень любилъ, казалось, что оно у него въ крови.

Горячую любовь О. Германъ питалъ къ русской музыкѣ. Литургія Чайковского, Всеношное Рахманинова, музыка Лядова и т. д., были его утѣшеніемъ. Изъ пѣвцовъ очень любилъ слушать Марію Ланца, Марію Калласъ, Лину Мкртчанъ. О Линѣ Мкртчанъ О. Германъ отзывался съ сердечной теплотой и почиталъ ея необыкновенный талантъ.

Особымъ лейтмотивомъ была для О. Германа тема красоты. Я понимала О. Германа какъ утверждающаго, что именно настоящей Божественной красотой можно и нужно учить, проповѣдовать, лечить, наставлять и т. д. И эта красота должна быть во всемъ, и къ ней надо стремиться. Къ сожалѣнію,

ему приходилось констатировать, что искусство нынѣшняго времени служить совсѣмъ не Богу, не красотѣ.

Будучи надѣленнымъ даромъ рассказчика, О. Германъ очень живо и красочно говорилъ не только о событіяхъ, съ нимъ происходившихъ, но и о книгахъ, и о людяхъ, ему дорогихъ. Напримѣръ, съ большой теплотой дѣлился своими воспоминаніями объ О. Серафимѣ (Роузѣ), о Владыкѣ Іоанне (Максимовичѣ). Меня увлекало и чтеніе о Владыкѣ, особенно книга «Цѣна Святости», но слышать воспоминанія самого О. Германа, который лично общался съ Владыкой, было особенно трогательно. Много разъ бывало такъ, что когда я читала батюшкѣ, онъ вдругъ закрывалъ глаза и казалось, что онъ уснулъ. Я останавливала чтеніе, но тогда онъ «просыпался» и просилъ меня продолжать, или задавалъ какіе-то вопросы, относящіеся къ читаемому. Это мнѣ всегда напоминало о подобныхъ случаяхъ, происходившихъ съ О. Германомъ — Глѣбомъ во время общенія съ Владыкой Іоанномъ, когда казалось, что Владыка впалъ въ сонъ, но на самомъ дѣлѣ не спалъ, и все слышалъ. Къ слову скажу, что часто казалось, что О. Германъ спитъ, но потомъ замѣчаешь, что въ рукахъ четки перебираетъ, т. е. находился въ молитвенномъ напряженіи.

Также онъ рассказывалъ о своихъ знаменитыхъ родственникахъ, среди которыхъ были художникъ Богданъ Бѣльскій и выдающійся хореографъ Михаилъ Фокинъ (кстати, среди прочихъ музыкальных произведеній, которые очень любилъ Отецъ. Германъ, была и знаменитая пьеса Камилля Сенъ-Санса «Лебедь» изъ «Карнавала животныхъ». Когда я пришла къ нему со скрипкой, онъ попросилъ меня сыграть ему эту вещь. Она ему была дорога и какъ сама по себѣ прекрасная музыка, и какъ музыка, къ которой Михаилъ Фокинъ создалъ свой шедевр «Умиравшій Лебедь» для Анны Павловой).

А съ какой любовью онъ всегда отзывался о своемъ отцѣ, и тотъ фактъ, что онъ былъ съ дѣтскаго возраста лишенъ своего отца, былъ болью его сердца. Все свое дѣтство и молодость онъ ждалъ возвращенія отца — каждый день. Развѣ это не трогательно? Развѣ это не примѣръ любви къ родителю? Онъ рассказывалъ, какъ онъ помнилъ образъ своего отца, и что этотъ образъ не былъ такимъ, какимъ сохранили его фотографіи.

Кстати, о книгахъ и фильмахъ. О. Германъ говорилъ о важности чтенія книгъ — въ первую очередь духовныхъ (среди нихъ обязательно свято-отеческихъ), и хорошей художественной литературы. Очень считалъ важными книги «Откровенные рассказы странника», Гоголя «О Божественной Литургии» и «Переписку съ друзьями», очень совѣ-

товалъ читать Концевича. Изъ художественной литературы (западной) среди его любимыхъ книгъ были «Мобу Дикъ» Г. Меллвила и «Хижина дяди Тома» Г. Бичеръ-Стоу. А нѣкоторые произведенія, которые тоже изъ области художественной литературы, совѣтовалъ не читать или даже предостерегалъ отъ чтенія. О. Германъ составилъ также цѣлый списокъ фильмовъ (американскихъ), которые онъ рекомендовалъ, особенно молодымъ, смотрѣть. Батюшка рассказы-

Андрѣй и Лена Лабай на праздничной трапезѣ съ батюшкой.

Леночка получила пирожокъ изъ рукъ именинника.

валъ свои воспоминанія о войнѣ и какъ его переживанія и волненія отъ войны отразились на немъ. Рассказывалъ, какъ будучи десятилѣтнимъ отрокомъ, когда онъ съ матерью и сестрой жилъ въ Германіи, онъ отсталъ отъ матери и потерялся, и въ этотъ моментъ началась бомбовая атака. Страхъ, который онъ пережилъ, остался шрамомъ въ его душѣ на всю его жизнь.

Отецъ Германъ зналъ нѣсколько языковъ. Помимо русскаго и англійскаго языковъ, О. Германъ владелъ еще и латышскимъ, и французскимъ и зналъ нѣмецкій (про нѣмецкій онъ говорилъ, что знаетъ его немного, но мнѣ кажется, что онъ владелъ имъ очень хорошо, и что онъ просто отъ скромности такъ говорилъ).

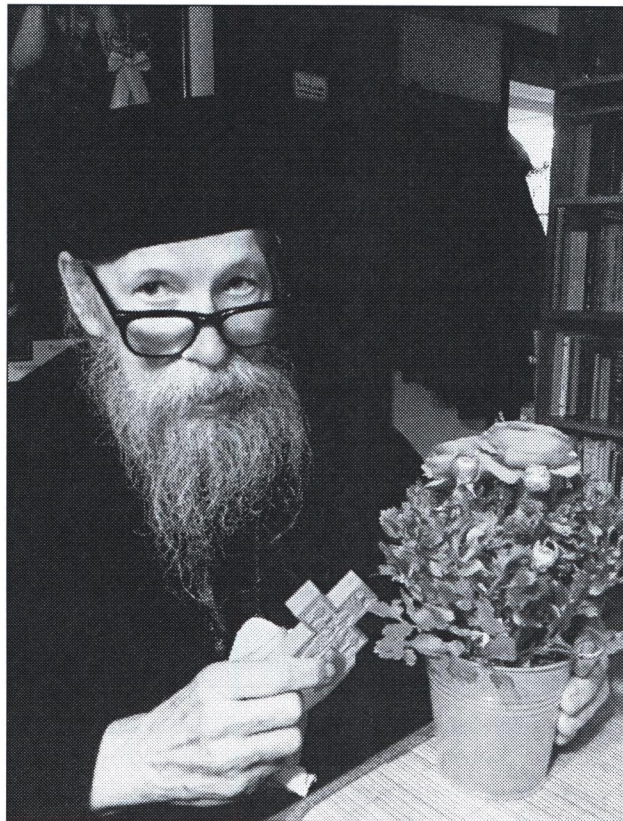
А какъ О. Германъ могъ утѣшить, ободрить, вдохновить! Какъ онъ видѣлъ сердце человѣка! Однажды мнѣ было такъ плохо (душевно). Я въ слезахъ сѣла за руль и не могла дожидаться, когда приѣду къ батюшкѣ. Мнѣ такъ хотѣлось увидѣть его. Приѣзжаю, прихожу къ нему въ такомъ состоянii, ничего не могу сказать, только плачу. А онъ мнѣ говоритъ такъ спокойно и ласково: «Ты хотѣла меня видѣть? Что случилось?» Я была удивлена: «Какъ онъ узнал, что я хотѣла его видѣть?» Встрѣча съ нимъ меня успокоила. Что онъ мнѣ говорилъ въ тотъ день, я не помню, иногда просто посидѣть рядомъ было утѣшительнымъ, но вообще онъ могъ сказать буквально одно-два слова и какъ-то становилось сразу легче, или отвѣтъ на волнующую проблему былъ полученъ. Уѣзжала я домой въ тотъ день совсѣмъ спокойная и умиротворенная. Вотъ такъ батюшка всегда дарилъ всѣмъ любовь, ласку, утѣшеніе. Онъ никогда никому ни въ чемъ не отказывалъ. А вообще батюшка, когда я начинала волноваться, первое, что говорилъ, — это: «Успокойся». Говорилъ еще: «И ничего не бойся». Онъ повторялъ, что страхъ — это отсутствіе вѣры въ Бога. Бывало и такъ, что я расскажу ему то, о чемъ переживаю, а онъ мнѣ скажетъ, напримѣръ, такъ: «Прочитай Евангеліе отъ Матѣея, главы 5, 6, 7 и успокойся». Или такъ: «Въ теченіе двухъ недѣль прочитай все Евангеліе». А когда

я шла преподавать или играть въ оркестрѣ, то батюшка всегда благословлялъ меня и съ горячимъ чувствомъ восклицалъ: «Помоги тебѣ Богъ!» Это была такая сильная молитва, что помощь непременно поступала. Также и если кто-то собирался въ путешествіе или кому-то предстояло какое-нибудь испытаніе, О. Германъ всегда молился за того человѣка, всегда спрашивая, въ которомъ часу поѣздка, или выступленіе, или экзаменъ и т. д. О. Германъ просилъ и насъ молиться за него.

Однажды спросилъ батюшка меня, какъ мнѣ городская жизнь, отвѣчаю, хоть и не ропщу, но городъ съ его автомобилями, заводами, выхлопами, выбросами, съ его шумомъ, съ компьютерами, телевизорами — это совсѣмъ не мое, мнѣ бы куда-нибудь въ лѣсъ, гдѣ тишина, деревья, птички,

цвѣточки. О. Германъ пріятно удивился и сказалъ, что мы мыслимъ одинаково. Говорилъ, что онъ очень не любитъ машины, и рассказывалъ, что его интересы разнились отъ интересовъ его сверстниковъ, которые въ большинствѣ своемъ были заинтересованы въ трехъ вещахъ: деньги, машины и спортъ, а не духовнымъ миромъ.

Какъ-то, услышавъ въ новостяхъ очередныя неприятыя вѣсти о военныхъ конфликтахъ, о низкомъ нравственномъ состоянii общества, батюшка задаетъ мнѣ вопросъ: «Какъ ты думаешь, почему такъ все происходитъ?» Я отвѣчаю: «Думаю, что это потому, что все нехорошія вещи пропаган-

День Рожденія, 80-лѣтіе. Подарокъ отъ прихожанъ.

дируются вездѣ, и все искаженные понятія спеціально «вбиваются» въ человѣческіе мозги и души, особенно въ дѣтскія. Думаю, что если игрушки для дѣтей — это монстры или развратницы Барби (въ противовѣсъ нашимъ добрымъ и чистымъ Настенькамъ и Аленушкамъ), или машинки, у которыхъ физиономіи съ нечистыми ухмылками, если и въ фильмахъ, книгахъ, журналахъ сплошь убійства, драки, уродливые образы, ото-всюду принужденіе человѣческой души на грѣхъ, на невождержаніе, все направлено на то, чтобы измѣнить человѣческое сознаніе, что то, что раньше было стыдомъ, сейчасъ — хорошо; если дѣтей пичкаютъ современными рокомъ, техно, металломъ и т.

д., и называютъ это музыкой, а Моцарта и Баха спеціально убираютъ (можно сказать и «убиваютъ»), а также если дѣтей «подсаживаютъ» на компьютеры и мобильные телефоны съ озлобляющими и отупляющими играми и мультфильмами — чего же другого можно ожидать. Человѣка насильственно пытаются сроднить со всѣмъ этимъ зломъ, внѣдрить это зло въ душу его съ младенчества». Мы долго такъ общались и О. Германъ одобрялъ мои отвѣты на его вопросы. Онъ просилъ меня записать все, что я сказала. Я набросала на бумагѣ черновикъ, но составить это въ статью, къ сожалѣнію, не успѣла, хотя онъ дважды меня спрашивалъ, сдѣлала ли я то, о чемъ онъ просилъ.

Когда я къ батюшкѣ приходила, онъ всегда что-то дарилъ или чемъ-то угощалъ. Причемъ, никогда не

могъ ѣсть одинъ — всегда дѣлился тѣмъ, что ему присылали или приносили. Къ нему приходило очень много людей — народъ просто текъ къ нему рѣкой. Если къ нему приходили дѣтки, онъ всегда имъ давалъ шоколадку, или конфетку, или книжку. О. Германъ сказалъ какъ-то мнѣ: «Всѣ мои духовные дѣти носятъ въ карманѣ маленькую Библию и блокнотъ съ перомъ». И подарилъ мнѣ карманнаго формата Новый Завѣтъ, который и ношу съ собой.

Насчетъ пищи О. Германъ былъ очень непривередливъ, т. к. она, естественно, не была у него на первомъ мѣстѣ, но онъ очень любилъ гречку съ грибами и съ авокадо, а изъ фруктовъ очень любилъ грейпфруты, и любилъ ихъ ѣсть ложкой изъ піалочки, очищенными отъ ихъ тоненькой пленки. Когда онъ пилъ кофе, онъ просилъ добавить туда «бѣлила», или «фальшивыя сливки». Я всегда смѣялась на такіе названія. Чувство юмора у него было очень доброе — даже въ своемъ больномъ состояніи онъ не забывалъ шутить.

Съ 7-го Февраля 2014 года Отецъ Германъ переѣхалъ въ Свято-Пантелеймоновскую церковь, въ его комнатѣ собирались молодые люди (насъ было пять человѣкъ — Игорь Кульковъ (медбратъ), Артуръ Поповичъ, Андрѣй и Лена Лабай и я). Мы часто читали акаѳистъ Владыкѣ Іоанну (напечатанный такъ, какъ его составили О. Германъ съ О. Серафимомъ). Читали по очереди, а О. Германъ былъ «запѣвалой» на «Радуйся» и «Аллилуйя». А когда онъ мнѣ звонилъ и оставлялъ сообщеніе, то часто начиналъ его съ напѣванія какой-нибудь мелодіи. Я до сихъ поръ слышу его голосъ...

Въ одинъ прекрасный день, когда всѣ мы собрались вокругъ О. Германа, онъ въ какой-то моментъ отослалъ меня изъ комнаты (очень деликатно, какъ всегда) и что-то говорить оставшимся тамъ. Потомъ уходитъ и вскорѣ возвращается Андрѣй. Но для меня все окружено какой-то тайной. И вдругъ О. Германъ достаетъ букетъ чудныхъ тюльпановъ и даритъ ихъ мнѣ, и говорить: «Это тебѣ отъ Владыки Іоанна!» Я изумилась отъ неожиданности, стала благодарить О. Германа, восклицать что-то. А онъ все съ улыбкой повторялъ:

«Это тебѣ отъ Владыки!» Я не могу передать словами своихъ чувствъ. Но затронуло и мое ледяное сердце то, какъ человѣкъ, такой добрый, старался обрадовать, сдѣлать пріятное. Лепесточки я сохранила.

На Свѣтлый Понедѣльникъ 2014-го года, О. Германъ переселился въ медучрежденіе. Однажды подходитъ ко мнѣ хозяйка и говорить, что она переживаетъ что О. Герману много звонять и даже ночью, и говорить, можетъ, лучше пусть онъ ночью спитъ? Я передала ей беспокойства О. Герману, на что онъ мнѣ отвѣтилъ: «Пастырь не выбираетъ, когда его чада звонятъ ему, и не составляетъ имъ расписанія, когда звонить, а когда не звонить».

Когда батюшка только пріѣхалъ въ Миннесоту,

тогда уже вышелъ юбилейный 50-ый номеръ «Русскаго Паломника», и онъ подарилъ мнѣ одинъ экземпляръ. Потомъ спрашивалъ мое мнѣніе, мои отзывы. Вскорѣ я стала помогать ему съ «Русскимъ Паломникомъ» — въ общемъ, стала окуна́ться въ міръ общенія съ Отцомъ Германомъ, и въ міръ «Русскаго Паломника», и отъ этого соприкосновенія у меня осталось

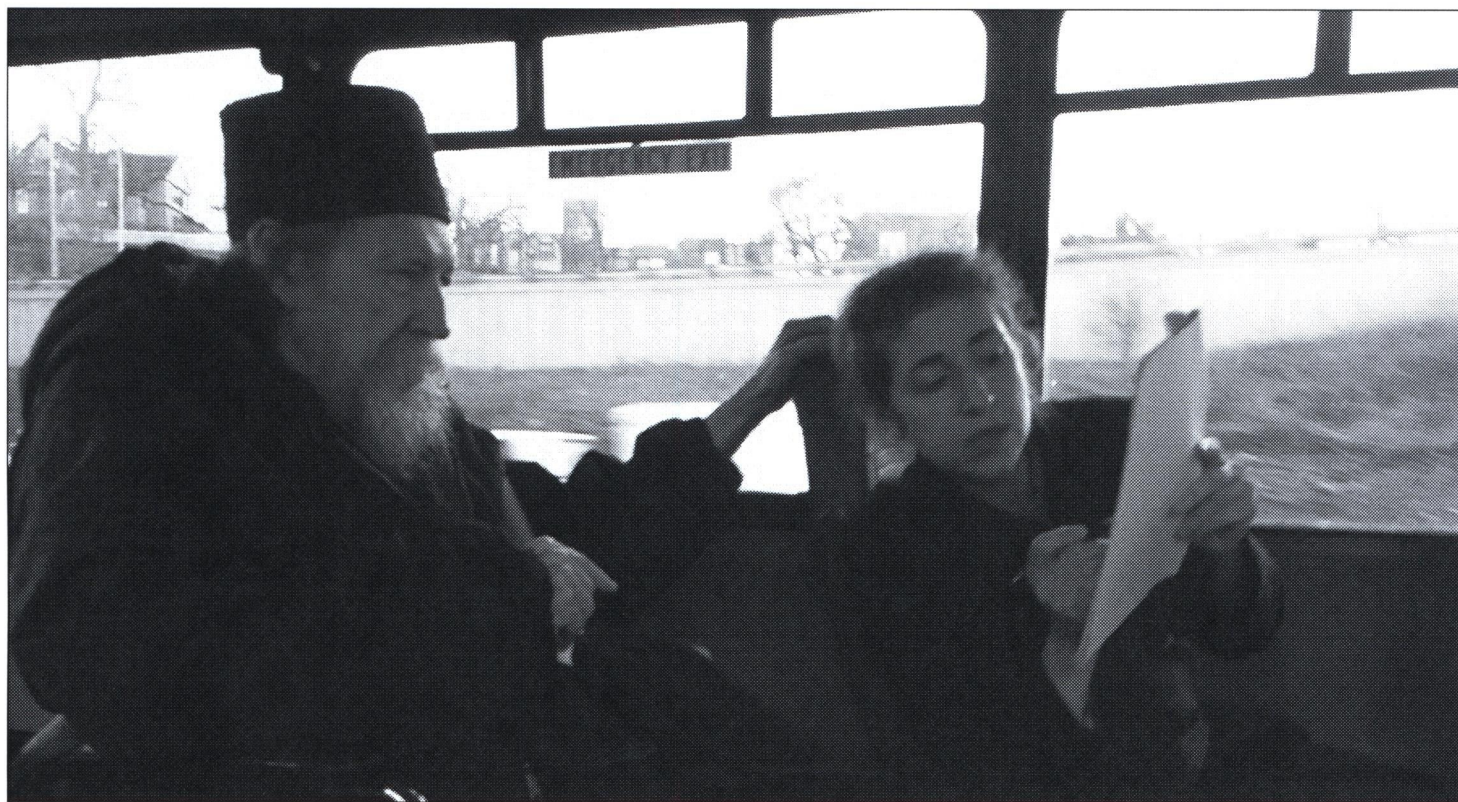

Въ мѣстномъ музеѣ изящныхъ искусствъ. Православная терапія красотой.

незабываемое впечатлѣніе. Во-первыхъ, меня поражала неимоверная трудоспособность О. Германа при его такомъ физически ослабленномъ состояніи. Я, будучи молодой и здоровой, съ трудомъ поспѣвала за нимъ. Тогда-то я дѣйствительно убѣдилась, что это человѣкъ огромной духовной силы. Въ моемъ сознаніи О. Германъ навсегда остался духовнымъ гигантомъ, вѣдь онъ выпустилъ множество книгъ, создалъ монастыри, открылъ православные книжные магазины, основалъ православный лицей, крестилъ огромное количество людей и т. д. И плюсъ ко всѣму — проповѣдовалъ. Я поражаюсь масштабамъ духовной дѣятельности Отца Германа — въ моихъ глазахъ онъ Апостолъ Америки.

Часто онъ меня просилъ найти такую-то статью или такую-то книгу. А я думаю, гдѣ же мнѣ ее искать? Ума не приложу. И какимъ-то чудодѣйственнымъ образомъ книга или статья находились.

О. Германъ обладалъ удивительной памятью. Когда онъ просилъ меня найти статью, онъ называлъ

О. Германъ съ авторомъ воспоминаній Галиной по дорогѣ къ врачу. Работа надъ «Русскимъ Паломникомъ» не прекращается.

не только названіе журнала, въ которомъ она была напечатана, но и годъ изданія и номеръ выпуска. Лишь иногда, говоря мнѣ цифры, онъ давалъ ихъ въ радиусѣ плюсъ минусъ одинъ.

«Русскій Паломникъ» былъ главнымъ дѣломъ послѣднихъ лѣтъ жизни О. Германа, и онъ даже упоминалъ, что на «Русскомъ Паломникѣ» лежитъ благословеніе Владыки Іоанна, которое исходитъ отъ благословенія Владыкой ихъ братства. Онъ все спѣшилъ, чтобы успѣть. Говорилъ, что то множество матеріала, которое у него есть, не должно уйти подъ спудъ, не должно пропасть, осѣсть на дно гдѣ-то — его необходимо преобразовать въ статьи, тѣмъ болѣе, что неизвѣстно, сколько еще продлится свобода въ Америкѣ.

Съ какой тщательностью батюшка составлялъ статьи, съ какой кропотливостью выбиралъ фотографіи и рѣшалъ, куда какую поставить! Какъ онъ заботливо относился къ оформленію — рѣшалъ, какъ будетъ выглядѣть обложка, какими должны быть рамки для фото, даже какого рисунка, стили заглавныя буквы выбрать для статей! Во всемъ чувствовалась горячая любовь къ возрожденному имъ изданію. И вотъ это все я видѣла воочию, и знаю, что это Божье благословеніе — видѣть примѣръ такой святой жизни въ реальности.

Работалъ О. Германъ до самого послѣдняго дня, даже работалъ по дорогѣ къ врачу, потому, что всегда передъ нимъ была его цѣль. Вообще, когда батюшку поднимали съ его одра болезненнаго и пересаживали

на инвалидное кресло — ему было тяжело; когда его везли въ этомъ креслѣ по дорогѣ до спеціального автобуса — то малѣйшая кочка или бугорокъ доставляли ему сильную боль; а ужъ тряска въ автобусѣ, на примѣръ, къ врачу, была просто мучительной. Все это О. Германъ выдерживалъ, и даже тогда мы брали съ собой готовящіяся статьи. Конечно же онъ хотѣлъ воплотить въ статьи всѣ многочисленные матеріалы, которые онъ собралъ за многія годы, стремясь передать это будущимъ поколѣніямъ, потому что это сокровища.

«Русскій Паломникъ» — это наслѣдство, которое надо передать дѣтямъ, — говорилъ О. Германъ, — и какъ важно воспитать дѣтей въ стремленіи къ этимъ дарамъ». Какъ онъ хотѣлъ, чтобы люди желали приобрѣтать эти сокровища, какъ онъ скорбѣлъ, когда люди дѣлали другой выборъ, и какъ, наоборотъ, радовался, когда встрѣчалъ людей, стремящихся къ духовнымъ богатствамъ.

Въ воскресенье 29-го Іюня 2014 года послѣ службы въ церкви въ 3 часа дня я пришла къ О. Герману и онъ, улыбаясь, сразу же далъ мнѣ одну книгу (ему только что ее прислали и онъ хотѣлъ подѣлиться ею со мной), и говоритъ: «Тамъ есть одна статья, которую я хотѣлъ бы, чтобы ты прочтала. А завтра принеси книгу мнѣ». Я спрашиваю: «Вы не говорите мнѣ названіе статьи, а я догадаюсь, что это за статья?» Онъ говоритъ: «Да, только сейчасъ книгу не открывай. Придешь домой — потомъ». (Я статью прочтала въ тотъ же вечеръ, но на слѣдующій день

мнѣ не суждено было уже обсуждать ее съ О. Германомъ — я не застала его въ живыхъ). Въ тотъ воскресный день мы вмѣстѣ поѣли и сѣли работать надъ «Русскимъ Паломникомъ». О. Германъ старался составить статью о Лермонтовѣ. Я читала для него, искала свѣденія, которые онъ просилъ, и т. д. Онъ сокрушался, что силы его покидаютъ. За послѣднее время онъ сталъ чаще повторять: «Я совершенно безъ силъ!» Чуть послѣ 5-ти вечера ему стало нехорошо, и въ теченіе часа состояніе его ухудшилось. Это не было чѣмъ-то очень необычнымъ — подобные состоянія случались съ нимъ и раньше. Сказавъ, что онъ просто усталъ и ему нужно отдохнуть, онъ велѣлъ, чтобы я шла домой. Я вышла отъ него въ 6 вечера, предупредила хозяйку-медсестру о его состояніи и, выходя, повстрѣчала Игоря, который какъ разъ шелъ къ О. Герману, и подумала: «Хорошо, что хоть кто-то изъ своихъ побудетъ съ О. Германомъ». Послѣ 9-ти вечера я позвонила хозяйкѣ справиться о состояніи О. Германа. Она сказала, что вечеромъ О. Германъ чувствовалъ себя «окей», какъ говорятъ въ Америкѣ. Однако ночью его самочувствіе ухудшилось и утромъ онъ не могъ даже принять лекарство, не могъ глотать. Затѣмъ ему стало еще хуже, пульсъ сталъ ослабѣвать. Вызвали скорую помощь, но помочь не могли. О. Германъ отдалъ душу Богу въ 9:05 утра, 30-го Іюня 2014 года.

Очень больно писать обо всемъ этомъ, т. к. я даже представить себѣ не могла, что не буду приходить къ О. Герману, не буду видѣть его, общаться съ нимъ, слышать его голосъ, его наставленія. Онъ всегда просилъ не оставлять его, но я чувствую, что это онъ, кто не хотѣлъ оставлять насъ для нашего спасенія.

Какъ мнѣ стало не хватать О. Германа, трудно даже словами передать. Раньше онъ мнѣ все время звонилъ и я ему звонила. Нѣкоторое время по кончинѣ О. Германа, когда я выѣзжала изъ дома, по привычкѣ заворачивала на дорогу, по которой ѣздила къ нему. Потомъ вспоминаю, что его уже тамъ нѣтъ и

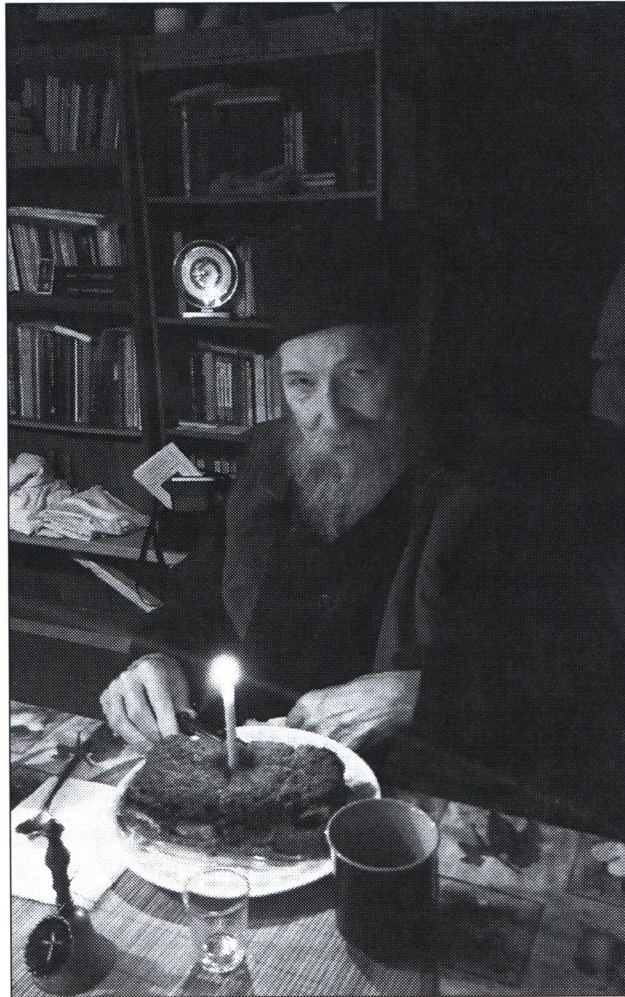
надо ѣхать въ другую сторону. И хотя на душѣ было очень тяжело, но возникало чувство, что О. Германъ не оставилъ свою паству. Я, конечно, уже не могла подойти къ нему, какъ раньше, словами спросить, что хотѣла, но если у меня возникалъ вопросъ, будь то въ отношеніи вѣры или житейскихъ проблемъ, — тутъ же Господь посылалъ отвѣтъ, словно О. Германъ отвѣчалъ мнѣ. И большей частью отвѣтъ находился въ выпускахъ «Русскаго Паломника»: беру журналъ наугадъ изъ стопки, а тамъ — статья, какъ разъ на ту

тему, что меня волновала. Я считаю, что это Божьи чудеса.

Вообще, мнѣ кажется, что есть какая-то непостижимая Божья тайна въ томъ, что три воскресенья подрядъ О. Германъ отмѣчалъ день своего Ангела: первое воскресенье — былъ день Всѣхъ Святыхъ, слѣдующее воскресенье — День Всѣхъ Русскихъ Святыхъ, и послѣднее воскресенье О. Германа былъ День Всѣхъ Святыхъ въ Землѣ Американской Присіявшихъ. И въ это же послѣднее воскресенье въ Калифорніи праздновали день Св. Владыки Іоанна Шанхайскаго (память котораго, вообще-то 2-го Іюля). А въ самый день Св. Владыки Іоанна 2-го Іюля, гробъ съ тѣломъ О. Германа былъ привезенъ изъ Миннесоты въ Калифорнію, г. Санта Роза, въ церковь Успѣнія Пресвятой Богородицы, чтобы быть похороненнымъ на слѣдующій день. Сорокъ дней попало на 8-ое Августа — канунъ дня прославленія Прп.

Германа Аляскинскаго — небеснаго покровителя О. Германа, прославленію котораго онъ послужилъ собираніемъ матеріаловъ къ его житію и написаніемъ его святаго образа. Я вижу въ этомъ Божіе указаніе, что онъ угодилъ своему небесному покровителю и сподобился особенной къ нему близости.

По смерти О. Германа я почувствовала, что мнѣ дорогъ каждый человѣкъ, которому О. Германъ былъ дорогъ, потому что отъ такого пламени, которое горѣло въ его душѣ невозможно, чтобы хоть одна искорка не попала въ душу, невозможно не

О. Германъ былъ удивительно праздничный человѣкъ, отъ него исходила и передавалась радость и энергія.

*Празднованіе памяти Прп. Паисія Величковскаго
15-го Ноября 2012 года.*

Успѣть зажечь искорку въ душѣ, до послѣдняго момента. — Въ этомъ былъ весь Отецъ Германъ.
Онъ никогда ничего не откладывалъ на завтра.

возгорѣться самому. А прїѣхавъ въ Калифорнію на похороны О. Германа, я вдругъ обнаружила, что я все пою и пою въ умѣ молитву конца литургіи «Видѣхомъ Свѣтъ истинный, прїяхомъ Духа Небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, нераздѣльной Троицѣ поклоняемся, та бо насъ спасла есть», — общеніе съ батюшкой дѣйствительно просвѣщало этимъ Свѣтомъ, который онъ въ себѣ несъ, и который, излучаясь отъ него, благодатно распространялся на людей, соприкасавшихся съ нимъ и желавшихъ общенія съ нимъ.

Отпѣваніе и заупокойная литургія проходили въ Церкви Успѣнія Богородицы въ городѣ Санта Роза. Похороны были на православномъ кладбищѣ въ городѣ Севастополь, недалеко отъ Санта Розы. Сослужило много священниковъ во главѣ съ Болгарскимъ епископомъ Даніиломъ.

Мѣсяца за четыре до своей кончины, когда О. Германъ жилъ при Свято-Пантелеймоновскомъ храмѣ, онъ сказалъ, что хотѣлъ бы, чтобъ я пѣла въ хорѣ на его похоронахъ Софроніевскую Херувимскую. Эта была его любимая Херувимская. И это его пожеланіе было исполнено. А незадолго до кончины О. Германъ сталъ дѣлать нѣкоторые распоряженія насчетъ «Русскаго Паломника», а также говорилъ мнѣ: «Я хотѣлъ бы, чтобъ ты связалась съ тѣмъ-то и тѣмъ-то, и общалась съ ними». Я связалась. Общеніе съ этими людьми оказалось очень теплымъ, — я нашла друзей и единомышленниковъ.

Однажды я воскликнула батюшкѣ: «Вы вѣрите, что все, что я просила у Бога, Богъ далъ мнѣ?» Онъ отвѣтилъ спокойно и съ улыбкой: «Вѣрю!» И добавилъ: «Благодари Бога за все!» Вообще О. Германъ очень часто повторялъ, что нужно быть благодарнымъ Богу за все. И я благодарна Богу за все, и за О. Германа. Кажется, что со мной на землѣ былъ Ангель Хранитель, и, такое чувство, что сейчасъ у меня ихъ два на небесахъ. Мнѣ кажется, что О. Германъ молится за меня и за всѣхъ, кому онъ былъ дорогъ, а въ моей скорби мнѣ легче представить, что онъ сказалъ бы, какъ онъ сказалъ бы, т. к. я отъ личного общенія съ нимъ представляю его рядомъ и сейчасъ. Какое это было благословеніе Господне!

Будучи такимъ добрымъ батюшкой, онъ могъ пробудить добрые чувства въ человѣкѣ. Именно къ нему можно примѣнить чудные слова Пушкина: «И долго буду тѣмъ любезенъ я народу, что чувства добрые я лирой пробуждалъ».

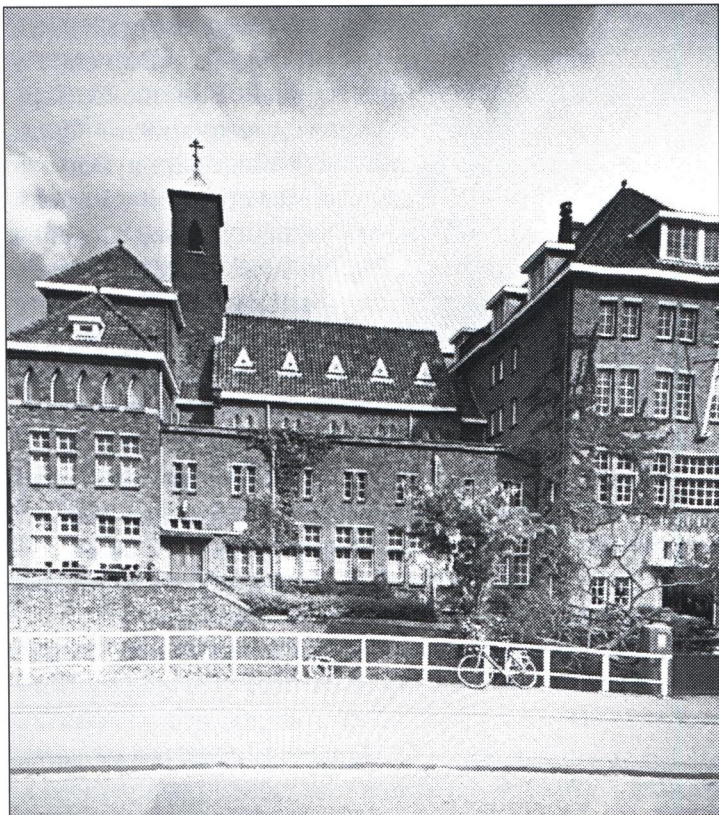
О. Германъ примѣромъ училъ, какъ надо жить, работать, какимъ надо быть. Я такъ благодарна Богу за все, конечно, но особенно за то, что у меня въ жизни былъ примѣръ О. Германа, черезъ котораго, чудный Свѣтъ, зажегшійся для меня при крещеніи, сталъ свѣтить ярче отъ встрѣчи съ нимъ. Царствіе Небесное О. Герману. И Слава Богу за все!

Галина Аджунцъ
Миннесота, Миннеаполисъ
США. Августъ 2016

3. ОТЕЦЪ ГЕРМАНЪ НАПРАВИЛЪ НАСЪ

Когда мы начали изучать Православіе, О. Германъ приучилъ насъ къ мысли о важности почитанія святыхъ, имѣющихъ отношеніе къ той мѣстности, гдѣ мы живемъ. Сами О. Серафимъ Роузъ и О. Германъ получили благословеніе отъ Святого Архиепископа Іоанна основать монастырь въ горахъ Калифорніи, и О. Германъ рассказывалъ намъ, что Владыка всегда напоминалъ имъ о важности почитанія святыхъ. Поэтому, когда я переѣхала въ Голландію со своимъ мужемъ, чтобы открыть небольшую миссію, О. Германъ, благословившій насъ, беспрестанно повторялъ намъ, что мы должны установить духовное общеніе съ Западно-Европейскими святыми. Онъ также рассказывалъ намъ о Блаженномъ Іоаннѣ Максимовичѣ, являющимся однимъ изъ первыхъ миссіонеровъ, принесшихъ Православіе въ Голландію.

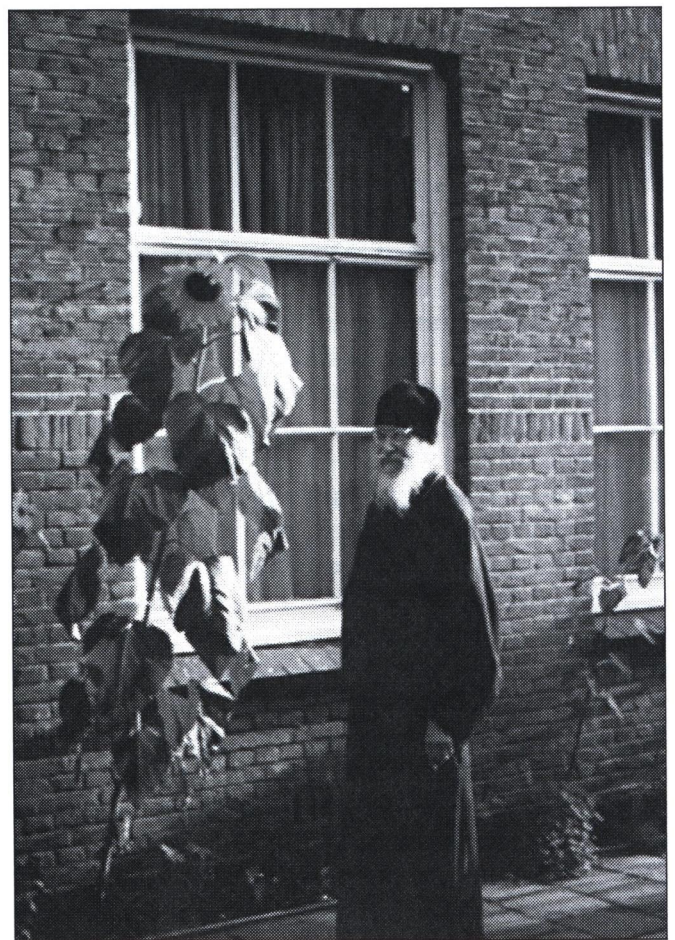
Отецъ Адріанъ Корпорааль, одинъ изъ первыхъ монаховъ въ Голландіи, посвятилъ свою жизнь переводу православныхъ службъ съ греческаго на голландскій языкъ. Онъ основалъ монастырь св. Іоанна Предтечи въ Голландіи въ Гаагѣ. Этотъ монастырь до сихъ поръ дѣйствуетъ какъ женскій, и совсѣмъ недавно, въ маѣ 2016 года, умерла послѣдняя монахиня, которую постригалъ самъ Владыка

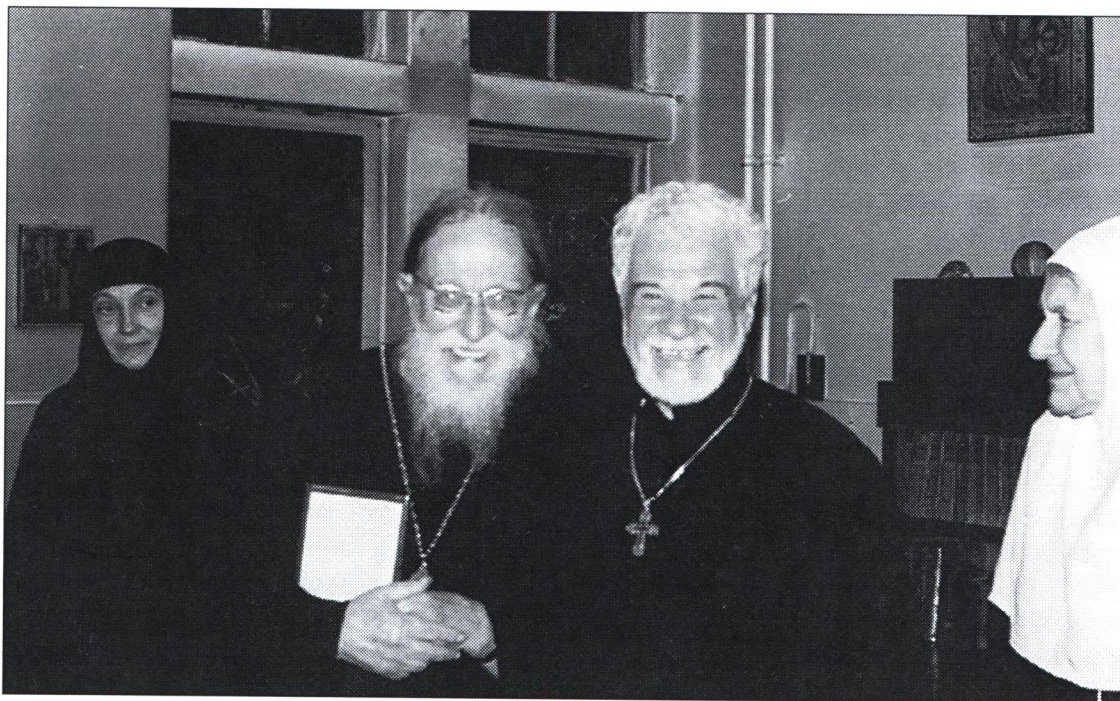
Резиденція Голландскаго Епископа въ Гаагѣ, тамъ же помѣщался мужской монастырь и женская обитель Іоанна Предтечи. Зданіе было чудеснымъ образомъ приобрѣтено по молитвамъ Святителю Іоанну Максимовичу. Фото 2016 г.

Іоаннъ. Монахинѣ Магдалинѣ было 94 года. Въ монастырь остались игуменья Макрина, знавшая Владыку Іоанна, но постригавшаяся не у него, такъ какъ въ свое время хотѣла принять монашество изъ рукъ Голландскаго епископа. Осталась въ обители также сестра Анна, которая будучи моложе, несеть заботы по поддержанію огромнаго монастыря и печатного дѣла, практически одна, полагаясь только на Бога и нѣсколькихъ помощниковъ.

Сразу послѣ того, какъ мы открыли нашу православную миссію съ книжнымъ магазиномъ *Het Pad van Valaam* и иконной лавкой въ одномъ изъ фешенебельныхъ районовъ Амстердама, О. Германъ направилъ насъ въ этотъ монастырь для помощи тогда еще живому О. Адріану. О. Германъ хотѣлъ, чтобы мы стали частью этого монастыря и помогали миссіи О. Адріана, что мы и дѣлали вплоть до кончины О. Адріана въ 2002 году. Результатомъ нашихъ агиографическихъ и историческихъ изслѣдованій и переводовъ съ датскаго стала публикація болѣе 700 житій мѣстнотимыхъ святыхъ, многіе изъ которыхъ были въ забвеніи. О. Германъ воспринималъ Архимандрита Адріана какъ послѣднее связующее звено въ Голландіи со Святителемъ Іоанномъ.

Архимандритъ Адріанъ (Корпорааль), голландскій миссіонеръ, основатель Іоанновскаго монастыря, гдѣ была начата работа по переводу богослужебной литературы на датскій языкъ и была завершена монахинями послѣ его кончины.

Слѣва направо: Мать Іоанна, только что возведенная въ игуменьи обители Рождества Богородицы въ городѣ Астенѣ, въ Нидерландахъ. До этого мать Іоанна жила около кафедральнаго собора Всѣхъ Скорбящихъ Радости въ Санъ-Франциско, гдѣ почиваютъ мощи Владыки Іоанна. Жизнь Владыки Іоанна настолько вдохновила ее, что она приняла постригъ съ его именемъ. Слѣдующимъ послѣ Матери Іоанны стоитъ О. Адріанъ, а затѣмъ О. Георгій Калчіу († 2006), одинъ изъ великихъ православныхъ исповѣдниковъ XX-го вѣка, пріѣхавшій въ Голландію, чтобы дать серію лекцій голландскимъ православнымъ о своей жизни во Христѣ. Справа отъ О. Георгія, монахиня Магдалина, недавно отошедшая ко Господу, въ маѣ 2016 года, ее постригалъ Владыка Іоаннъ въ Голландіи.

Такъ какъ О. Германъ настаивалъ на томъ, чтобы мы были ближе къ своимъ мѣстнымъ святымъ, мы начали совершать паломничества по Голландіи, Бельгіи, Франціи и Англіи, вдохновляясь примѣромъ святыхъ этихъ странъ, несшихъ Православіе и Евангеліе Иисуса Христа. Здѣсь списокъ нашихъ Бельгійскихъ и Голландскихъ святыхъ:

Святой Серватій, Епископъ Тонгерена и Маастрихта. Память 26 (13-го) Мая (†384).

Святой Амандъ, Апостоль Фландріи и епископъ города Маастрихта. Память 19 (6-го) Февраля (†679)

Святой Ремакль, Епископъ Маастрихтскій. Память 16 (3-го) Сентября (†677)

Святой Ламбертъ, Священномученикъ, епископъ Маастрихта. Память 30 (17-го) Сентября (†704)

Святой Бонифатій, Апостоль Фризозъ и Саксоновъ. Память 18 (5-го) Іюня (†755)

Святой Виллибордъ, Архиепископъ Утрехта и Апостоль Фризозъ. Память 20 (7-го) Ноября (†739)

Святой Свидбертъ, Святой епископъ-миссіонеръ во Фрисландіи. Память 14 (1-го) Марта (†713)

Святая Гертруда, Настоятельница въ Нійвелѣ, покровительница ирландскихъ миссіонеровъ въ Нидерландахъ. Память 30 (17-го) Марта (†659)

Святые Фурсей, Фойліанъ и Ултанъ, Ирландскіе миссіонеры. Память 29 (16-го) Ноября, 13-го Ноября

(31-го Октября) и 14 (1-го Мая) соотвѣтственно (VII вѣкъ)

Святой Лебюнъ, Англо-Саксонскій миссіонеръ во Фрисландіи. Память 29 (16-го) Ноября (†773)

Святой Ерунь (Джеромъ), Англо-Саксонскій миссіонеръ въ Ноордвейкѣ. Память 30 (17-го) Августа (†857)

Святая мученица Кунера, дѣва Рененская. Память 25 (12-го) Іюня (†451)

Святая мученица Димфна, Покровительница душевнобольныхъ. Память 28 (15-го) Мая (VII вѣкъ)

Святая Дѣва Ода, Память 11-го Декабря (28-го Ноября) (†726)

Святой Баво, Затворникъ изъ города Гента. Память 14 (1-го) Октября (†659).

Сегодня Нидерланды озаряетъ благословеніе трехъ православныхъ монастырей. Самый старый изъ нихъ — въ Гаагѣ, былъ основанъ въ 1954 году. Въ монастырѣ подвизаются три монахини. Во второмъ, въ провинціи Фрисландія пока есть только настоятель Іеромонахъ Евсевій. Монастырь въ Астенѣ — самый крупный: здѣсь живетъ семь сестеръ подъ чуткимъ попеченіемъ коренной голландки игуменьи Маріи.

Наши паломничества продолжаются и понынѣ.

*Пресвитера Констанція Смитъ Мусъ
Амстердамъ, НИДЕРЛАНДЫ. Осень 2016*

4. ХОМЯКОВЪ И КИРЬЕВСКИЙ

*Письмо изъ прошлаго по темъ публикациі обь
Иванъ Кирьевскомъ въ РП № 55*

Письмо Отца Серафима (Роуза)

30-го Іюня 1974 г.,

Свв. 12-ти апостоловъ,

Свят. Софронія Иркутскаго.

Дорогой братъ о Христѣ Алексѣй,

...Смотрѣли матеріаль для твоего «Никодима», все выглядит неплохо. Но, какъ ты и предчувствовалъ, у насъ все-таки есть нѣкоторыя замѣчанія по Хомякову, и фактически матеріаль, который ты послалъ, даетъ намъ возможность сказать основное и, Богъ дастъ, вдохновить тебя на очень важный проектъ.

1. Самъ Хомяковъ, конечно, довольно взвѣшенъ въ своихъ взглядахъ (насколько далеко они пока простираются). Но въ нѣкоторыхъ кругахъ значеніе его довольно-таки переоцѣнено (частично благодаря тому факту, что онъ — прадѣдушка отца Георгія Граббе!), какъ явствуетъ изъ матеріала, который ты послалъ:

а. Фраза «Хомяковъ и его ученики» — это вводящій въ заблужденіе контекстъ, какъ будто школа мірской философіи взялась передавать истинное Православное ученіе, въ то время какъ собственно «Богословы» Церкви устранились. Въ дѣйствительности, Хомяковъ былъ однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ мыслителей, которые, попавъ подъ здоровое православное вліяніе, пришли къ тѣмъ же выводамъ насчетъ вліяній съ Запада, и въ цѣломъ онъ менѣе важенъ въ этомъ отношеніи, чѣмъ его другъ Иванъ Кирьевскій, который поддерживалъ тѣсную связь съ оптинскими старцами и свято-отеческой традиціей (чего Хомяковъ не дѣлалъ — онъ является болѣе мірской фигурой, фактически болѣе примѣчательнъ какъ поэтъ, чѣмъ Богословъ, онъ не находилъ необходимости даже какъ-нибудь сѣздить въ Оптину! Какъ основатель «школы» (славяно-филовъ) съ «учениками» Хомяковъ не представляетъ большого значенія, поскольку школа эта перемѣшалась со множествомъ чисто романтическихъ понятій, основанныхъ на германскомъ идеализмѣ, русскомъ фольклорѣ и такъ далѣе. Заключение Самарина (мыслителя, не очень близкаго къ Церкви), что «именно Хомяковъ первый взглянулъ на латинизмъ и протестантизмъ съ церковной точки зрѣнія» — очень преувеличено, если бы это было правдой, тогда дѣйствительно Церковь была бы «въ зависимости» и была спасена только мірскими философами. Въ дѣйствительности до него было много людей, наиболѣе замѣтно продолжавшихъ всю традицію Паисія — Оптиной, но которые не такъ хорошо извѣстны, потому что не принимали прямого

участія въ русской «интеллектуальной исторіи» XIX-го вѣка.

б. Лучшее продолженіе всего этого вопроса таково: «школьная» традиція православнаго Богословія (можно сказать, «установленные» Русской Церковью Свнодъ, семинаріи, монастыри въ большихъ городахъ и такъ далѣе) дѣйствительно была подвержена чуждому вліянію съ Запада — не въ преподаваніи какого-нибудь новаго ученія (ибо ученіе всегда оставалось православнымъ), а въ приспособленіи къ западному образу мышленія и церковной организации (Свнодъ сталъ на мѣсто Патріарха; большіе монастыри разсматриваются какъ «официальныя учрежденія», настоятели въ которыхъ часто замѣняются, вмѣсто того, чтобы вести тамъ свою жизнь подъ руководствомъ старца и такъ далѣе). Въ какой-то степени эти преобразования были неизбежнымъ слѣдствіемъ современныхъ условій (или интеллектуальныхъ, когда дѣлается попытка обратить въ Православіе римскихъ католиковъ или протестантовъ, сохранивъ использование ими своихъ языковъ, или физическихъ — ростъ числа монаховъ и монастырей вель къ тому, что только немногіе изъ нихъ смогли сохраниться какъ сокровенныя духовныя сообщества).

НО ВЪ ТО ЖЕ САМОЕ ВРЕМЯ ЧИСТѢЙШАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦІЯ СОХРАНИЛАСЬ ВЪ РОССІИ ВЪ ЦѢЛОСТИ, такъ сказать, въ невидимомъ или полу-сокровенномъ видѣ. Еще до того, какъ въ началѣ XIX-го вѣка ученики старца Паисія возродили истинную древнюю монашескую традицію, даже во время открытыхъ гоненій Православія при Петрѣ и Екатеринѣ истинная монашеская традиція продолжала существовать въ Россіи при саровскихъ старцахъ (до преподобнаго Серафима), блаженномъ Ѳеодорѣ Санаксарскомъ и др. Именно ихъ вліяніе и вліяніе блаженнаго Паисія привело къ прославленному «православному возрожденію» XIX-го вѣка въ Россіи, въ которомъ Хомяковъ принялъ только внѣшнее участіе.

в. Замѣчанія Самарина, которые ты цитируешь, показываютъ, что ему неизвѣстно о этомъ чистомъ потокѣ Православія, который никогда не изсякалъ въ Россіи — фактически онъ самъ подъ «западнымъ вліяніемъ», если не понимаетъ значенія именно Богослововъ восточныхъ послѣ раскола (которыхъ отличаетъ Кирьевскій). Упадокъ православнаго Богословія наступаетъ только съ паденіемъ Византіи въ XV-мъ вѣкѣ.

2. Самый здравый подходъ ко всему этому вопросу состоитъ въ томъ, чтобы, признавая существованіе западныхъ вліяній въ церковной жизни, НЕ ПРИДАВАТЬ ИМЪ НЕНУЖНАГО ЗНАЧЕНІЯ, основывая тѣмъ самымъ «негативную» школу критики, а скорѣе усиливать позитивную традицію Русскаго Православія и фактически видѣть въ ней

главное течение Православия, которое сегодня является для насъ образцомъ. Сегодня почти никто этого не видитъ, и весь вопросъ о «западномъ вліяніи» поэтому отчасти разбалансированъ и подверженъ противоположнымъ мнѣніямъ разныхъ «школъ»; намъ не слѣдуетъ принадлежать ни къ одной изъ этихъ «школъ» (даже если ихъ взгляды и окажутся правильными), а скорѣе слѣдуетъ держаться за проверенное вѣками чистое Православіе.

3. Выводъ: для тебя было бы гораздо полезнѣе напечатать серію статей о КИРѢВСКОМЪ, а не о Хомяковѣ, онъ гораздо важнѣе, и онъ принадлежитъ къ основному теченію чистой православной традиции, а не является членомъ какой-то временной «школы», какъ Хомяковъ.

Мы посылаемъ тебѣ отдѣльно біографію Кирѣвскаго, которая достаточно хорошо освѣщаетъ внѣшніе событія его жизни (мы вышлемъ тебѣ нѣсколько исправленій касательно родства его и его жены со старцами). Ты могъ бы о немъ напечатать весьма поучительную серію, напримѣръ:

а. Біографія, обращение изъ «западничества» (германскій идеализмъ) въ Православіе благодаря тому, что черезъ жену свою (духовную дочь Преподобнаго Серафима), соприкоснулся съ чистымъ Православіемъ. Его мірская жизнь при духовной дисциплинѣ.

б. Его обсужденіе различій между западнымъ и православнымъ менталитетомъ; вся его концепція различія между западнымъ «духовнымъ самоудовлетворѣніемъ» и православнымъ покаяніемъ исключительно важна для обращенныхъ.

в. Возвращеніе къ Отцамъ какъ отвѣтъ на западную «философію» и ея тупикъ. Его работа по переводу Отцовъ. Значеніе позднихъ Отцовъ (Преп. Симеонъ Новый Богословъ, преподобный Григорій Синаитъ, святитель Григорій Палама и такъ далѣе).

г. Осознаніе имъ необходимости православной философіи — не просто Богословіе и догматы, а всей философіи жизни и мышленія, основанной на Отцахъ. (Именно отсутствіе или недостатокъ ее запутали нѣкоторыхъ людей въ вопросахъ эволюціи и другихъ, «о которыхъ Отцы не говорили».)

Посмотри книжку, которую мы посылаемъ, и прочти нашу рецензію на нее въ *Православное Слово* № 52, и сообщи намъ свои соображенія по этому

поводу. Всѣ тексты, которые тебѣ требуются, мы можемъ послать на пленкахъ.

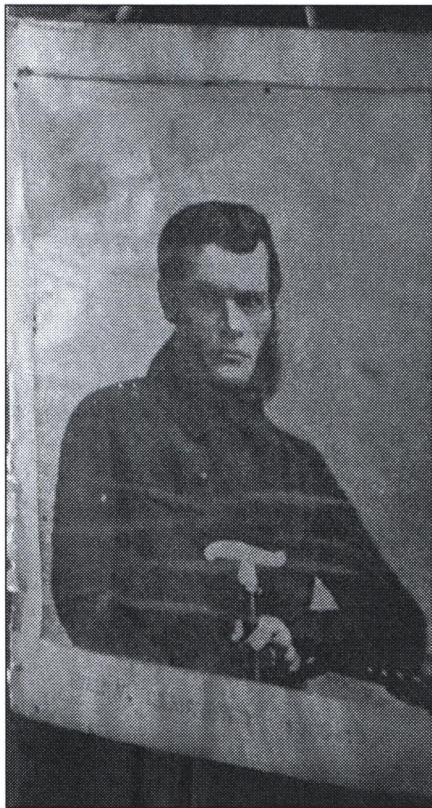
Еще одна мысль по поводу того, почему сегодня Кирѣвскій не только болѣе близокъ къ святымъ Отцамъ, но и болѣе для насъ подходитъ, чѣмъ Хомяковъ: Хомяковъ, совсѣмъ не будучи близокъ къ монашеской святоотеческой традиции, черпалъ свое вдохновеніе болѣе изъ русской національной традиции (которая, конечно, воплощаетъ Православіе, но имѣетъ также свою чисто националистическую сторону, которая для другихъ православныхъ народовъ не имѣетъ особаго значенія) и от Пушкина. Такимъ образомъ, онъ является частью славянофильскаго движенія (равнаго отчасти романтическому национализму). Но Кирѣвскій, какъ постоянно подчеркивали для насъ Концевичи, прежде всего, «византистъ», то есть ученикъ святоотеческаго Православія и монашеской традиции, въ руслѣ которой оно передавалось, и онъ подчеркиваетъ, что главное значеніе имѣетъ не русское воплощеніе Православія, а само православное зерно. Кирѣвскій не славянофилъ — какъ бы ни пытался его біографъ помѣстить въ эту удобную категорію!

Идеи Хомякова, въ основномъ, правильныя, но онъ тяготеетъ болѣе къ интеллектуальной, академической традиціи русскаго Богословія — фактически, къ той самой традиціи, что и тѣ, кто были подъ «западнымъ вліяніемъ», только онъ всталъ на противоположную интеллектуальную точку зрѣнія. А Кирѣвскій придерживался святоотеческой традиціи, и сочиненія его

поэтому гораздо цѣннѣе, поскольку они не принадлежатъ просто одной изъ современныхъ «школъ мышленія» (хотя взгляды этой школы могутъ быть правильными). Кирѣвскій былъ настоящимъ «обращеннымъ», поэтому болѣе глубокимъ и знающимъ, но онъ былъ, кромѣ того, и міряниномъ (съ такими земными проблемами, какъ любовь къ шахматамъ и куренію!) и поэтому могъ, навѣрно, убѣдить многихъ чистосердечныхъ современныхъ мірянъ въ умѣстности святоотеческаго Православія.

... Молись о насъ. Напиши о своихъ идеяхъ.

П.С. Большинство замѣчаній на поляхъ біографіи Кирѣвскаго принадлежатъ миссисъ Концевичъ — нѣкоторыя изъ нихъ очень цѣнныя. Такъ, на стр. 262 она пишетъ: «Кирѣвскій стоялъ за византизмъ; Хомяковъ не понималъ духовнаго Богословія».

Портретъ Кирѣвскаго изъ иллюстрацій дореволюціоннаго *Русскаго Паломника* въ кельѣ О. Серафима Роуза.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ въ 1837 году.
Съ акварельнаго портрета, сдѣланнаго самимъ поэтомъ.

*Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.*

*Я раньше началъ, кончу ранъ,
Мой умъ немного совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанъ,
Надѣждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.*

*Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои расскажетъ думы?
Я — или богъ — или никто!*

Иноеская Лура

175-лѣтіе конѣины поэта

Михаиль Юрьевичъ Лермонтовъ

И въ небесахъ я вижу Бога

ЛЕРМОНТОВЪ далъ первый толчокъ тому движенію, которое впослѣдствіи благодаря Гоголю, Достоевскому и Толстому сдѣлало русскую литературу литературой исповѣди, вознесло на высоту недостижимую, сдѣлало искусствомъ подлинно религіознымъ, сказалъ о немъ В. Ходасевичъ. За свою недолгую жизнь онъ создалъ огромное количество философскихъ, патріотическихъ стихотвореній, о жизни и смерти, о вѣчности, о добрѣ и злѣ, о любви, о дружбѣ, о поискѣ смысла жизни. Исповѣдальное творчество Лермонтова продолжаетъ вдохновлять и окрылять насъ, а это всегда остается главной миссіей поэта.

Когда читаешь его стихи, охватываетъ странное чувство. Въ нихъ такая глубокая горечь и печаль, что сердце невольно сжимается отъ боли. Противорѣчія между поэтомъ и окружавшимъ его міромъ углублялись и расширялись, они были связаны и съ личной жизнью, и съ атмосферой, въ которой онъ жилъ. Недаромъ онъ говорилъ: «Я поэтъ другой эпохи». И при всемъ этомъ онъ не сталъ мрачнымъ отрицателемъ жизни. Онъ страстно любилъ ее, вдохновляемый мыслями о Родинѣ, мечтами о свободѣ, стремленіемъ къ дѣйствию, подвигамъ, поступкамъ. Онъ былъ человекомъ высокаго ума, чести и благородства. Поэзія Лермонтова — это мятежъ, отсюда и боль, чувство одиночества, тоска и горечь, которые естественнымъ образомъ стали мотивами его творчества. Эта боль страданія, одиночества, сомнѣній и разочарованій свойственна тому, кто любитъ жизнь и цѣнитъ ее какъ путь къ совершенству — къ Богу.

МОЛИТВА

Въ минуту жизни трудную
Тѣснится ль въ сердцѣ грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко —
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

1839

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла,
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Иордана
Востока лучъ тебя ласкать,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
Все такъ же ль манить въ лѣтній зной
Она прохожего въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольний прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?..

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Груститъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль, Божьей рати лучший воинъ,
Онъ быть съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?..

Заботой тайною хранима
Передъ иконою золотой,
Стоишь ты, вѣтъ Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампы,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

1837

* * *

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянѣющимъ вечеромъ или утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Приветливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ, —
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога.

1837

* * *

Выхожу одинъ я на дорогу;
Сквозь туманъ кремнистый путь блѣститъ;
Ночь тиха. Пустыня вѣмлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно?
Жду ль чего? жалью ли о чѣмъ?

Уж не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я бѣ хотѣлъ забыться и заснуть!

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы...
Я бѣ желать навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ дыша вздымалась тихо грудь;

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ летѣлъ,
Про любовь мнѣ сладкий голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ вѣчно зеленѣлъ
Тѣмный дубъ склонялся и шумѣлъ.

1841

МОЛИТВА

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ Твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью или покаяніемъ,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ мірѣ безроднаго;
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ душу достойную;
Дай ей спутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную —
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

1837

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотреть мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жь дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещеть мутный валь;
Злой чечень ползетъ на берегъ,
Точить свой кинжалъ;
Но отецъ твой старый воинъ,
Закаленъ въ бою:
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное житье;
Смѣло вденешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слѣзъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жь, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

1840

Семейная картинная галерея. Портреты матери, отца и бабушки поэта.

ГЕННАДІЙ ДОБРОВЪ НА ВАЛААМЪ.

Живописецъ Земнаго Плача ГЕННАДІЙ ДОБРОВЪ (ГЛАДУНОВЪ)

Память 15-го Марта (1937–2011)

О ВАЛААМСКИХЪ “ЮРОДАХЪ”

Изъ воспоминаній художника, писавшаго Валаамъ и его невольныхъ насельниковъ въ 70-ые годы 20-го вѣка. Записи любезно предоставлены Людмилой Добровой, вдовой художника, изъ готовящагося къ изданію двухтомника “Ночныя лѣтописи Геннадія Доброва”.

Воспоминанія предваряются краткими свѣденіями о его становленіи какъ художника и какъ личности.

“У Земли, у Вселенной есть свои скорби, свое горе. Но плачетъ Земля не слезами — пьяницами, уродами, недоразвитыми дѣтьми, неухоженными, покинутыми стариками, калеками, больными...”

Д. С. Лихачевъ

1. ДВА ДОБРОВА — УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКЪ

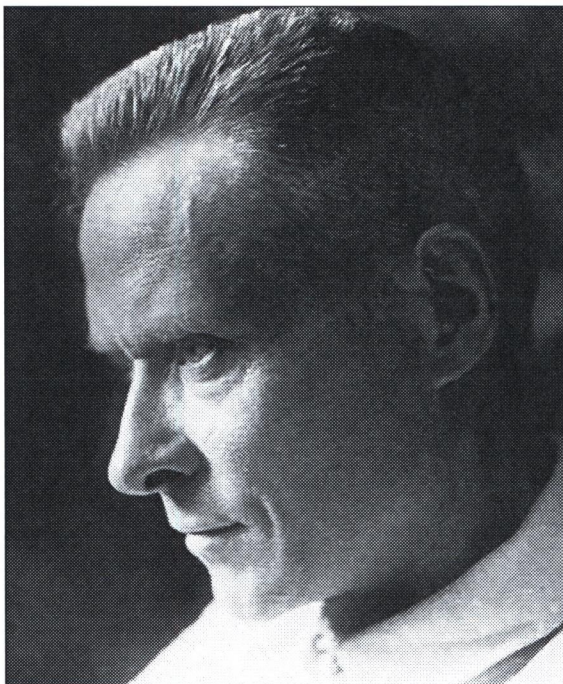
ГЕННАДІЙ Гладуновъ родился въ 1937 году въ Омскѣ въ семьѣ художниковъ. Мальчикъ изъ далекой Сибири пріѣхалъ въ столицу тринадцатилѣтнимъ и сразу удивилъ своими работами преподавателей Московской средней художественной школы им. Сурикова. Его учителемъ сталъ Матвѣй Добровъ (1877—1958), учившійся у Коровина и Сѣрова на отдѣленіи живописи Московскаго училища живописи, ваянія и зодчества. Въ 1908 году онъ отправился въ Парижъ обучаться гравированію въ мастерской извѣстной русской художницы Е. С. Кругликовой. Помимо художественного творчества М. А. Добровъ посвящалъ себя педагогикѣ: съ 1935 года и до конца жизни руководилъ мастерской офорта на графическомъ факультетѣ Московскаго государственнаго художественнаго института имени В. И. Сурикова.

Студентъ Геннадій Гладуновъ посѣщалъ офортный кружокъ, который велъ Матвѣй Алексѣвичъ. Теплое отношеніе 80-лѣтняго про-

фессора къ талантливому юношѣ быстро переросло въ дружбу. Профессора радовали тончайшіе офорты ученика. Матвѣй Алексѣвичъ часто приглашалъ Геннадія къ себѣ домой на Большую Якиманку смотрѣть репродукціи старыхъ мастеровъ, слушать классическую музыку, бесѣдовать объ искусствѣ, художникахъ, жизни. Иногда хозяинъ отлучался въ сосѣднюю комнату съ высокими стеллажами и тамъ, стоя на колѣняхъ, молился. Геннадій впервые на своемъ пути повстрѣчалъ религіознаго человѣка, впервые услышалъ о Новомъ Завѣтѣ. Разговоры съ Матвѣемъ Алексѣвичемъ возбуждали глубокой интересъ къ религіознымъ и нравственнымъ вопросамъ.

Въ Апрѣлѣ 1958 года Матвѣй Алексѣвичъ, простудившись, внѣзапно умеръ. Геннадій Гладуновъ тяжело переживалъ разставаніе. Онъ принималъ участіе въ похоронахъ и офортнымъ способомъ вытравилъ табличку съ датами жизни и смерти, установленную потомъ на могилѣ Матвѣя Алексѣвича. Могилу любимаго учителя на Ваганьковскомъ кладбищѣ онъ навѣщалъ до конца

жизни. Софья Матвѣевна, дочь М. А. Доброва, зная предполагать, что работы его могутъ вызвать такую привязанность отца къ Геннадію, подарила ему на реакцію, — рисоваль ради самыхъ возвышенныхъ цѣлей: чтобы напомнить объ инвалидахъ войны”.

Матвѣй Алексѣевичъ Добровъ
1877—1958

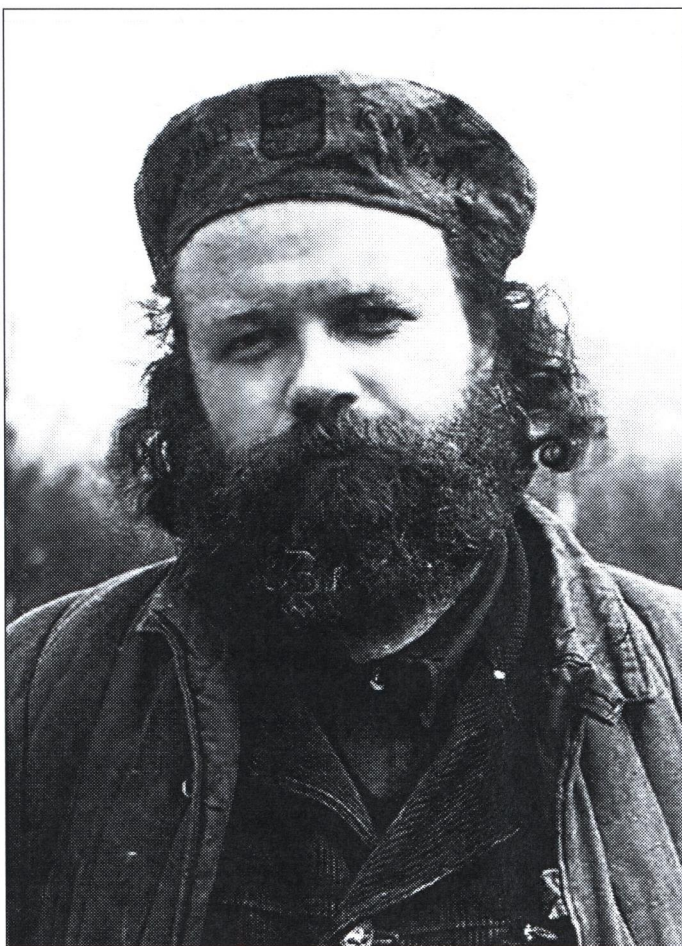
“Странные вещи со мной происходятъ на Валаамѣ. Я возвращаюсь къ тѣмъ же темамъ, которыя волновали меня въ Москвѣ. Больше того, я не могу ничего другого здѣсь рисовать. Такимъ образомъ, Валаамъ для меня уже не представляетъ никакого интереса самъ по себѣ, и мнѣ все равно, гдѣ я — на Валаамѣ, или еще гдѣ, разъ я не могу уйти отъ самого себя. Я самъ очертилъ себя кругомъ, за который мнѣ уже нѣтъ выхода. Жизнь простирается во всѣ стороны, и темъ для рисованія масса, а я верчусь въ своемъ кругу, и не могу изъ него выбраться. Калеки, сумасшедшіе, пья-

ницы, да изрѣдка картины природы — вотъ мои «бѣлые ночи», — вотъ то небольшое, что я тутъ рисую. И ничего другого рисовать не могу”, — изъ письма Геннадія Доброва съ острова Валаамъ женѣ въ Іюнь 1974 года.

Впервые Геннадій Добровъ увидѣлъ солдатъ, покалеченныхъ войной, еще въ дѣтствѣ. На базарѣ, въ Омскѣ, его поразили видъ побирающихся инвалидовъ съ орденами на груди — кто-то былъ безъ рукъ, кто-то безъ ногъ. “Ему было около 10-ти лѣтъ, — рассказываетъ Людмила Васильевна, — онъ былъ счастливъ, что война кончилась, что ихъ семья, наконецъ, соединилась (его отецъ воевалъ и на финской войнѣ, и на Великой Отечественной, и на китайской границѣ), но ясно понималъ при этомъ, что счастливы далеко не всѣ”.

2. ЛИСТЫ СКОРБИ

Геннадій Михайловичъ Добровъ оставилъ послѣ себя около 10-ти тысячъ работъ: живописные полотна, графику, офорты, наброски. Но особо запоминаются зрителямъ его «Листы скорби» — графическій циклъ, посвященный страдающимъ людямъ. Одна изъ серій этого цикла — «Автографы войны». Это 36 графическихъ портретовъ инвалидовъ Великой Отечественной, которые Геннадій Михайловичъ нарисовалъ съ 1974 по 1980 годы. Въ советское время ихъ можно было увидѣть только въ мастерской художника, потому что на коллективные выставки ихъ если и принимали, то на судъ зрителя не выставляли. Персональную экспозицію въ СССР организовать Доброву тоже не давали. “Чего только ему не говорили объ этихъ портретахъ, чего онъ только не слышалъ отъ коллегъ по цеху и разного начальства отъ культуры, — рассказываетъ вдова художника Людмила Васильевна Доброва. — Его упрекали въ томъ, что портреты эти бьютъ по нервамъ, по глазамъ. А онъ и не

Геннадій Добровъ.
Фото съ Валаама. 1974 годъ.

Въ 1974 году художникъ случайно узналъ, что на Валаамѣ есть Домъ Инвалидовъ, гдѣ живутъ те, кто защищалъ Родину и получилъ инвалидность. Ему объ этомъ разсказалъ его преподаватель по Суриковскому Институту. Геннадій загорѣлся и поѣхалъ туда.

3. ПРИБЫТІЕ НА ВАЛААМЪ

Долго ли, коротко — наступило теплое время, и я поѣхалъ въ Ленинградъ. Приѣхалъ. Добрался до Рѣчнаго вокзала, взялъ билетъ. Но я уже заранѣе зналъ, что на Валаамѣ оставаться нельзя, и чтобы не вызывать подозрѣнія, я взялъ билетъ туда и обратно. Ладожское озеро въ это время года казалось очень тихимъ. Плыли мы прямымъ курсомъ на островъ

Валаамъ. Мерзость разоренія. Рис. Геннадія Доброва.

Валаамъ цѣлый день, вечеръ и ночь. Только рано утромъ я проснулся и увидѣлъ, что теплоходъ подходит къ Валааму. Въ окнѣ виднелись уже огромные камни, вода была въ крутые берега, на которыхъ стояли лѣса съ высокими елями и кое-гдѣ деревянныя церквушки. Впослѣдствіи я узналъ, что это были монашескія церкви, они назывались скиты. До революціи тамъ жили монахи, а въ наше время они пустовали.

Самъ островъ до революціи назывался «Святой». Петербургъ тогда являлся столицей, и на Валаамѣ находился самый близкій къ Петербургу монастырь, который былъ расположенъ въ очень красивомъ и удобномъ мѣстѣ. Во-первыхъ, это недалеко отъ Петербурга, во-вторыхъ, самъ островъ на большіе разстоянія со всехъ сторонъ окружала вода, что дѣлало его изолированнымъ. Всѣ монастыри имѣли разряды — первый, второй, третій. А этотъ мона-

стырь имѣлъ статусъ сверхъ разряднаго, онъ значился чуть ли не семейной царской резиденціей, туда приѣзжали императоры, ихъ жены, братья, сестры, дочери — и всѣ дѣлали этому монастырю пожертвованія, или въ честь посѣщенія монастыря дарили иконы и устанавливали памятные часовни.

Но это было раньше. А когда я туда прибылъ, то, конечно, все тамъ выглядѣло по-другому. Еще въ революцію островъ перешелъ къ финнамъ на 20 лѣтъ, а когда его вернули во время финской войны, то монахи собрали дорогую утварь, убранство и уѣхали въ Финляндію. Тамъ они организовали Новый Валаамскій мужской монастырь. То, что я увидѣлъ здѣсь, имѣло жалкій видъ. Причемъ, внѣшніе слѣды величія кое-гдѣ сохранились, но внутри соборовъ предстала просто страшная картина. Иконостасы были ободраны, на полу валялись кирпичи, черезъ разбитые окна залетали и гадили голуби, двери съ изображеніями большихъ крестовъ валялись въ высокой травѣ, которая уже покрывала широкія ступени у входа. Иногда сюда навѣдывались огромные лоси, они шипали траву, поднимались по этимъ ступенямъ и заходили прямо внутрь храма.

Но сами стѣны строились когда-то настолько крѣпко, что простояли уже не одно столѣтіе. А въ концѣ XX вѣка и въ Россіи измѣнилось отношеніе государства къ религіи, стали возрождаться христіанскія идеи, возстанавливались монастыри и церкви. Но это все было уже потомъ.

4. МЕРЗОСТЬ РАЗОРѢНІЯ

А когда я приѣхалъ туда въ 74-мъ году, то я засталъ, какъ говорится, «мерзость запустѣнія». Отъ центрального монастыря черезъ весь островъ къ противоположному берегу шла дорога. И вдоль нее на лѣвой сторонѣ расположилось большое кладбище. Стояли удивительныя часовни, возвышались кресты изъ розоваго мрамора, изъ красного, изъ черного, изъ бѣлаго мрамора, а на дорогѣ валялся длинный холстъ, на которомъ изображалось распятіе съ ликомъ Христа. Куда-то его тащили, бѣднаго Христа, и бросили посреди дороги. Тутъ дождь лилъ, ветеръ его трепалъ, онъ весь извивался, этотъ холстъ — такъ тамъ обращались съ послѣдними остатками христіанскаго убранства. И это ужасало. Но я приѣхалъ смотрѣть не на это, хотя и не видѣть этого было невозможно. Я хотѣлъ поскорѣе увидѣть инвалидовъ войны.

Пришелъ въ дирекцію. А отъ Союза художниковъ мнѣ дали просьбу къ директору дома-интерната, чтобы онъ меня пріютилъ — далъ мѣсто для ночлега и обеспечилъ питаніемъ въ столовой. И меня поселили въ бывшей кельѣ. Директоръ Иванъ Ивановичъ Королевъ прошелъ со мной по комнатамъ и коридорамъ монастырской гостиницы, въ которой жили инвалиды, на первомъ, второмъ и

третьемъ этажахъ. Но инвалиды еще жили въ такъ называемомъ Никольскомъ скиту, который находился на небольшомъ островѣ. Тамъ стояла высокая церковь съ золотымъ куполомъ, которая была видна и со стороны Сортавала, и со стороны Финляндіи, и когда оттуда шли корабли, то они держали курсъ вотъ на этотъ золотистый однокупольный храмъ. На Никольскомъ скиту стояла маленькая гостиница, тамъ тоже жили инвалиды, но психически больные. Весь этотъ небольшой островъ былъ скалистый и лѣсистый, черезъ небольшой проливъ къ нему вели мостки съ перилами, по которымъ ходили люди.

Въ самой Монастырской бухтѣ тоже стоялъ огромный соборъ, а по всему острову Валаамъ были разбросаны отдѣльныя часовни, которыя когда-то ставили въ честь посѣщенія монастыря царскими особами, тамъ выбивались цѣлыя стелды съ надписями, что это мѣсто тогда-то посѣтилъ тотъ-то, молился тутъ и пр. Въ общемъ, это были мѣста изумительной красоты, тишины и благодати, если бы не эти инвалиды войны.

А что такое инвалиды войны? Это люди, которые послѣ войны остались безъ жилья, безъ семьи, безъ денегъ... безъ рукъ, безъ ногъ, безъ глазъ — у всѣхъ были свои увѣчья. Первое время они нищенствовали, бродили по улицамъ, наводняли рынки, вокзалы, пристани, въ общемъ, тѣ мѣста, гдѣ имъ кто-то что-то могъ подать.

Потомъ вышло постановление — собрать всѣхъ инвалидовъ и создать имъ условія для коллективного проживания въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Вотъ для сѣвера и сѣверо-запада выбрали островъ Валаамъ, Валаамскій монастырь, туда послѣ войны отправили полторы тысячи инвалидовъ. Создали имъ условія, наладили питание, пригласили туда обслуживающій персоналъ. Все это дѣлалось еще при Сталинѣ. Работали тамъ и врачи, и

медсестры, и повара, и сапожники. По вечерамъ играла музыка, устраивали даже танцы на танцплощадкѣ. Но это вначалѣ.

Когда же я пріѣхалъ — на танцплощадкѣ уже никто не танцевалъ. Многіе инвалиды войны умерли (они вѣдь недолго живутъ), кто-то уѣхалъ, кто-то женился, или вышли замужъ (среди инвалидовъ находились и женщины). И оставались люди, которымъ вообще нѣкуда было дѣться. Если они и пытались куда-то переѣхать, то обычно не уживались на новомъ мѣстѣ и возвращались обратно, они убѣдились въ томъ, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ имъ уже лучше не будетъ.

5. РАНЕНЪ ПРИ ЗАЩИТѢ СССР

Я сразу пошелъ рисовать. Пришелъ въ первую

«Раненъ при защитѣ СССР». Рис. Геннадія Доброва. Александръ Подосеновъ въ 17 лѣтъ добровольцемъ ушелъ на фронтъ. Сталъ офицеромъ. Въ Карелии былъ раненъ пулей въ голову навывлетъ. На островѣ Валаамъ, на Ладожскомъ озерѣ, жилъ всѣ послѣвоенныя годы, парализованный, неподвижно сидящій на подушкахъ.

большую палату, которую мнѣ показалъ директоръ. Иду по палатѣ, съ 2-хъ сторонъ стоятъ койки, проходъ, опять койки. Съ правой стороны расположены окна, дальше глухая стѣна, а тутъ двери. И лежатъ эти инвалиды. Тишина, тихо. А за окномъ — лѣто въ разгарѣ (начало Іюня). Окна открыты, сирень цвѣтетъ, солнце пробивается. Я иду, иду, до конца почти дошелъ. Вижу — сидитъ въ кровати молодой мужчина, совсѣмъ-совсѣмъ молодой. Онъ оперся на столикъ, который передъ нимъ, подушки тутъ у него. А голова — я смотрю — пробита пулей навывлетъ. И не то, что маленькое какое-то отверстие, а какъ бы насквозь пробить черепъ, то есть зіяли двѣ дыры, затянутыя кожей. И съ этими двумя отверстиями на самомъ видномъ мѣстѣ онъ жилъ.

Звали его Саша Подосеновъ. Вскорѣ пришла какая-то женщина и сѣла рядомъ. Это оказалась его мать, которая пріѣхала изъ Сортавала на «омикъ» (это маленькій пароходикъ), она жила тамъ недалеко въ деревнѣ. Я спросилъ Сашу: «Можно я тебя дня три

порисую? — Онъ отвѣчаетъ: “Пожалуйста, рисуйте, я все равно никуда не тороплюсь. Я вотъ такъ сижу цѣлый день, а потомъ меня мать укладываетъ на подушку, и я ночь сплю. А днемъ опять сижу”. Я поставилъ планшетъ и началъ его рисовать, это былъ мой первый портретъ инвалида войны.

Въ общемъ, это всѣ люди были какъ бы мѣстные. Не то, что они родились прямо тамъ, въ Сортавала, нѣтъ, но раньше они жили въ какихъ-то окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Оттуда ихъ призвали въ армию, въ этихъ мѣстахъ они воевали, здѣсь же ихъ и контузило. Гдѣ-то въ сосѣднихъ деревняхъ, можетъ, у нихъ даже жили родственники, которые по какимъ-то причинамъ не смогли ихъ взять къ себѣ. И теперь они доживали свой вѣкъ на своей малой родинѣ вотъ въ этихъ палатахъ. И то, что эти мѣста являлись для нихъ родными, еще больше какъ бы успокаивало ихъ, потому что когда человѣкъ живетъ съ этимъ удивительнымъ чувствомъ, онъ совершенно ничего другого не хочетъ. Эти люди никуда не стремились, въ нихъ чувствовалось какое-то спокойствіе, которое невольно передавалось и мнѣ, я проникся ихъ состояніемъ.

Такъ началась моя регулярная работа надъ портретами инвалидовъ въ домѣ-интернатѣ на островѣ Валаамъ. Работалъ я медленно, приходилось тщательно продумывать каждую часть рисунка, потому что мягкій карандашъ не допускалъ измѣненій. Приходилъ въ палату утромъ, рисовалъ. Потомъ шелъ обѣдать, столовая находилась тутъ же рядомъ. Нѣкоторымъ инвалидамъ тихія, спокойныя санитарки приносили обѣдъ въ палату, а кто могъ ходить — самъ ходилъ въ столовую. Готовили очень хорошо, можетъ быть, еще и потому, что на изолированномъ островѣ не было необходимости что-то воровать, тащить. Санитарки жили въ 2-хъ этажномъ зданіи, такомъ каре, посерединѣ которого стоялъ огромный соборъ. Въ этомъ же зданіи на первыхъ этажахъ жили и семейные инвалиды, возлѣ дома бѣгали ихъ дѣти, а сами они часто выходили посидѣть на лавочку.

Надо сказать, что вся плодородная почва на этомъ островѣ была привозная. Въ природѣ это камни, слегка покрытые мхомъ и пескомъ. И все. Ничего на этихъ камняхъ, кромѣ деревьевъ и травы, не растетъ. Но за многія вѣка, пока существовалъ монастырь, имъ руководили очень дальновидные

настоятели (Іоаннъ Дамаскинъ, напримѣръ), и они требовали не только служенія Господу, не только стоянія на молитвѣ, но еще и постоянной работы. И эта работа сводилась къ тому, чтобы укрѣплять монастырь, улучшать его, украшать, прорывать каналы. Поперекъ острова было прорыто нѣсколько каналовъ, по которымъ могли проплывать лодки. Въ случаѣ нападенія на островъ (допустимъ, шведовъ) по этимъ каналамъ продвигались защитники, потомъ неожиданно изъ лѣса выступало цѣлое войско, которое сжигало вражескіе корабли и укрывалось обратно. Вода въ этихъ достаточно глубокихъ и широкихъ каналахъ текла очень чистая.

Весь островъ пересекало множество песчаныхъ дорогъ, и примѣрно на одинаковыхъ разстояніяхъ по всѣму острову стояли скиты, которые назывались «бѣлый скить», «желтый скить», «красный скить»,

«Новой войны не хочу!» Рис. Геннадія Доброва. Задумавшись, инвалидъ войны, бывший развѣдчикъ Викторъ Попковъ поднимаетъ руку въ энергичномъ жестѣ, словно отгоняя невыносимую мысль о возможности новой войны.

«розовый скить». Небольшія побѣленные церкви окружались крѣпостной стѣной, въ которой располагались часовни и кельи для монаховъ. Когда-то монахи съ материка привозили въ мешкахъ землю и разводили свои огороды. И вотъ сколько же нужно было привезти этой земли, чтобы покрыть необходимое пространство — разбить тамъ и пашни для посѣва, и пастбища для коровъ, и всевозможные фруктовые сады. (Я видѣлъ огороженный садъ съ большими яблонями, но не ходилъ туда). Такъ что инвалидамъ доставалась и рыба изъ озера, и яблоки, и ягода, и молоко, и масло — все это было здѣсь свое.

Имѣлась тамъ и котельная. А въ этой котельной на 1-мъ этажѣ находилась баня. Свѣжая вода въ эту

баню подавалась прямо изъ монастырской бухты по водопроводу, который работалъ отъ насосной станціи. И въ первую же недѣлю я пошелъ въ эту баню. Въ одинъ день, но въ разное время, баня работала для женщинъ и для мужчинъ — женщины выходили, а мужчины входили. Когда я вошелъ, то первое, что меня поразило — какъ сидѣли инвалиды и мыли свои костыли. Намыливали ихъ, а потомъ оттирали мочалкой отъ пота и грязи. И они такъ старались, будто это были ихъ собственныя ноги. Потомъ обливали ихъ изъ тазика, ополаскивали. А когда инвалиды другъ друга мыли, спины терли другъ другу (и одинъ безъ ногъ, и другой съ одной ногой) — это незабываемая картина, удивительнымъ было такое ихъ братство. Я никогда тамъ не слышалъ о ссорахъ и дракахъ между инвалидами войны.

Баннѣй день. Рис. Геннадія Доброва.

Но ко времени моего пребыванія на 2-ой и на 3-й этажъ гостиницы уже стали привозить совсѣмъ другихъ инвалидовъ — изъ тюремъ и колоній, они только внѣшне походили на инвалидовъ войны (не было, напримѣръ, у кого-то одной ноги, или обѣихъ). Но вели себя они совсѣмъ по-другому — могли требовать, скандалить, стучать кулаками и костылями, доказывая свою правоту. Или писали о своихъ требованіяхъ въ Министерство въ Москву и просили приѣзжихъ отправить ихъ письма съ материка.

Инвалиды же войны ничего не требовали, ничего не просили, никуда не писали, ихъ все устраивало. Около ихъ кроватей стояли тумбочки, и на нихъ лежали (или висѣли на спинкѣ кровати на привязанной простыни) ордена и медали. Я ихъ какъ-то спросилъ: “А у васъ какіе-то шкафы тутъ есть для вещей?” — Они удивились: “Какія вещи?” Вотъ эти ордена намъ дали за то, что мы воевали и побѣдили, они и есть наши вещи, и намъ другого ничего не нужно, остальное все намъ даютъ.

(Тюремшики, конечно, орденовъ не имѣли, но у нихъ была мощная жизненная хватка, они даже разрушали семьи инвалидовъ войны).

Такой случай тамъ произошелъ, когда я рисовалъ инвалида войны Виктора Попкова, я работалъ у него дома въ монастырской гостиницѣ. Онъ жилъ съ женой, а дѣти ихъ уже учились въ Сортавалѣ. И вотъ инвалидъ изъ тюрьмы съ одной ногой, на протезѣ, съ ремнемъ наискосокъ черезъ все тѣло, сталъ ухаживать за женой этого Виктора Попкова — нагло такъ, зная, что она жена, что мужъ тутъ, что мужъ тоже инвалидъ, просто, видимо, ему нужна была женщина.

А та поддалась. Можетъ быть, Викторъ былъ уже какъ-то «не способенъ», я ужъ не знаю. Но фактъ тотъ, что жена его пропала (вотъ пока я его рисовалъ). И Викторъ, бѣдный, очень переживалъ, видно, онъ любилъ свою жену, а она вотъ съ этимъ уголовникомъ убѣжала. И долго они отсутствовали. Пока я тамъ жилъ, они все не появлялись. Говорили, что гдѣ-то тамъ ихъ видѣли уже на материкѣ, они на поѣздъ куда-то сѣли. Но, въ концѣ концовъ, они приѣхали обратно. Жена вернулась къ этому Виктору, и онъ простилъ ее.

Жара тѣмъ лѣтомъ стояла тамъ ужасная, просто пекло, хорошо, что вода находилась вокругъ, какъ-то немножечко все это смягчалось. А такъ почти невозможно было работать — рубаха на тѣлѣ становилась раскаленной и какъ угли изъ пѣчки жгла кожу. Я, конечно, ходилъ нараспашку — грудь голая, рукава подвернутые, рубаха навывпускъ — въ такомъ видѣ я работалъ.

6. ЗАЩИТНИКЪ НЕВСКОЙ ДУБРОВКИ

Рисовалъ я еще одного инвалида, Александра Амбарова. Этотъ Амбаровъ тоже жилъ въ отдѣльной комнатѣ, не знаю, какъ онъ тамъ жилъ, онъ былъ наполовину слѣпой. Я его спрашиваю: “А почему у васъ все лицо изрыто какими-то оспами?” — А онъ говоритъ: “Это не оспы, это слѣды пороха отъ разрядовъ, которые рвались рядомъ со мной, около моего лица, дробинки впились глубоко въ кожу, ихъ невозможно уже оттуда вытащить”. (Они такими темными точками остались на его щекахъ, на лбу, на носу — вездѣ). Кромѣ того, лицо его покрывали многочисленные шрамы, и не было лѣвого глаза. Но Амбаровъ казался очень веселымъ и жизнерадостнымъ.

Я спрашиваю: “А почему вы все время улыбаетесь?” — Онъ отвѣчаетъ: “Да какъ же мнѣ не улыбаться, меня вѣдь 4 раза хотѣли похоронить подъ землей. Вотъ было такое мѣсто «Невская Дубровка», тамъ проходила линія обороны Ленинграда, когда его взяли въ кольцо. Мы держали эту оборону, а нѣмцы все время насъ обстрѣливали. И вотъ снарядъ взрывается, и вверхъ сразу поднимается огромная

куча земли. А потомъ все осѣдаетъ, и насъ накрываетъ съ головой. Мы начинаемъ откапываться, а командиръ по очереди всѣхъ окликаетъ, кричитъ: “Амбаровъ, ты живой?” — Я откапываюсь и кричу: “Живой!” — “Ну, ладно, молодецъ”.

И такъ, говорить, 4 раза меня всего засыпало, изъ-подъ земли вылѣзаль, какъ изъ могилы. Такіе свирепые шли бои въ этомъ узкомъ мѣстѣ обороны. Какъ они бомбили насъ, какъ обстрѣливали, столько народу тамъ погибло — не счесть. И все-таки мы Дубровку эту отстояли, не пропустили нѣмцевъ. Потому, говорить, я и довольный такой, что живъ остался. (Неправильно думать, что у людей на фронтѣ всегда были угрюмые, мрачные лица — нѣтъ, люди и шутили, и улыбались, и подкалывали другъ друга анекдотами, всякими рассказами, шутками, прибаутками — это давало возможность отвлечься отъ тяжелой реальности, душу повеселить). И у меня получился улыбочивый портретъ этого Амбарова.

Сразу же во время моей работы выявилось одно негативное обстоятельство. Я дѣлалъ рисунки большого размѣра, въ натуральную величину лица, или, можетъ быть, даже немножко больше. А карандаши и бумага были не совсѣмъ то, что нужно. Бумага оказалась тонкой, а наши совѣтскіе карандаши вообще не позволяли взять необходимую черноту, напимѣръ, пиджака. И долго приходилось рисовать одно и то же мѣсто, чтобы набрать хотя бы относительную плотность на листѣ. Въ общемъ, я мучился.

7. СЕРАФИМА НИКОЛАЕВНА КОМИССАРОВА

Однажды мнѣ рассказали про Серафиму Николаевну Комиссарову. Она была радисткой на фронтѣ въ Карелии, тамъ же ее ранило. Войска ушли впередъ, а она изъ-за раненія оказалась гдѣ-то въ

болотѣ. Къ утру это болото стало замерзать, и она уже не могла тамъ даже пошевелиться, въ общемъ, вмерзла въ ледъ. Идущіе слѣдомъ части обнаружили ее, достали изъ льда и привезли въ медсанбать. Начали ее тамъ оттирать, массажировать, приводить въ чувство, но дѣло кончилось тѣмъ, что у нее перестали слушаться ноги, она ими не могла управлять, они для нее стали просто обузой. Когда она попала на Валаамъ, ей выдали 3-хъ колесную тележку, на ней она могла двигаться, тормозить, дѣлать повороты, а сзади къ коляскѣ былъ прикреплень желѣзный ящикъ для инструментовъ, мѣлкихъ вещей и продуктовъ.

Мы съ Серафимой Николаевной познакомились, и я началъ ее рисовать. Поработали такъ нѣсколько дней, а потомъ прихожу, смотрю — а у нихъ въ палатѣ какое-то разорѣніе, кругомъ валяются простыни, подушки, одѣяла. Я спрашиваю: “Серафима Николаевна, что случилось?” — Она говоритъ: “Гена, сегодня, навѣрно, рисовать не будемъ, сегодня банный день у насъ, но наша нянечка не пришла, запила, и мы пока остаемся немытыми. Всѣ палаты уже помылись, и бѣлье имъ смѣнили, а мы и немытые, и бѣлье намъ никто не мѣнялъ, и вотъ все ждемъ. (И всѣ женщины сидятъ тоже разстроенныя на своихъ кроватяхъ).

А я уже такъ настроился рисовать, привыкъ къ этому рабочему режиму. И я спрашиваю: “Серафима Николаевна, а я вамъ не могу помочь?” — Она такъ смутилась: “Гена, ну какъ ты намъ поможешь? Вѣдь мы почти неподвижныя женщины, насъ же нужно и пересаживать, и везти въ ванную, и привозить обратно, потомъ класть на кровать. Мы стѣсняемся”. — Я говорю: “Серафима Николаевна, есть двѣ профессии, которыхъ не нужно стѣсняться — это врачи въ больницѣ и художники, которые рисуютъ людей. Вы знаете, сколько прекрасныхъ картинъ сдѣлано даже съ обнаженными женщинами, и никто ничего плохого

«Защитникъ Невской Дубровки». Рис. Геннадія Доброва.

Пѣхотинецъ Александръ Амбаровъ, защищавшій осажденный Ленинградъ. Многожды во время ожесточенныхъ бомбежекъ онъ оказывался заживо погребеннымъ. Почти не надѣясь увидѣть его живымъ, товарищи откапывали воина. Подлечившись онъ снова шелъ въ бой.

въ этомъ не видить. — Она соглашается: “Тогда... если бы ты намъ помогъ, было бы очень хорошо, потому что мы совершенно не знаемъ, когда придетъ эта нянечка. А если она придетъ поздно, то въ ванной уже кончится вода, и мы опять останемся немытыми до слѣдующей недѣли”. — Я предлагаю: “Ну, давайте съ васъ и начнемъ, садитесь на свою коляску и я васъ отвезу въ ванную”. — Она говоритъ: “Хорошо, ты отвези насъ въ ванную, а въ ванной тамъ есть женщины, которыя насъ моютъ. А ты потомъ только привезешь обратно”.

Такъ мы и сдѣлали. Серафимъ Николаевнѣ трудно было двигаться изъ-за своей тучности, но я все-таки ей помогъ залезть на коляску и покатилъ ее. Она впереди рулитъ одной рукой, чтобы не врѣзаться въ стѣну. Мы сперва ѣхали по длинному коридору, я шель сзади, толкалъ ее коляску. А потомъ она показываетъ — “Вотъ сюда, сюда, Гена, налѣво”. (Доехали). Завожу ее въ ванную, а тамъ кафельный полъ, душъ, ванные стоятъ, и нянечки въ халатахъ моютъ женщинъ по очереди. Серафима Николаевна говоритъ: “Ладно, подожди теперь въ коридорѣ, пока меня помоютъ”. (Я подождать). Потомъ она кричитъ: “Гена! Заходи”. (Я зашелъ, она уже сидитъ на коляскѣ — чистая, помытая, въ свѣжемъ халатѣ, полотенце у нее на головѣ). Поѣхали обратно. Потомъ другую женщину повезъ. И такъ я всѣхъ этихъ женщинъ возилъ въ ванную комнату, ихъ тамъ мыли, а я потомъ ихъ обратно привозилъ. Они всѣ были очень довольны, что ихъ помыли. А я еще успѣлъ въ этотъ день порисовать Серафиму Николаевну.

Я ее рисовалъ на коляскѣ. Но позже, когда я приѣхалъ въ Москву, на выставку я не сталъ подавать этотъ рисунокъ. Мнѣ показалось... что-то не то, что-то не такъ. И потомъ, лѣтъ черезъ десять, по просьбѣ журнала «XX вѣкъ и міръ» я еще разъ поѣхалъ рисовать Серафиму Николаевну, но уже въ Петрозаводскъ. Это я расскажу потомъ.

Серафима Николаевна Комиссарова.

Рис. Геннадія Добрава.

Мы подружились съ Серафимой Николаевной, она мнѣ рассказывала о своей жизни. Она тоже недалеко тутъ родилась въ какой-то деревнѣ, здѣсь же воевала, получила увѣчье и попала въ интернатъ. Она говорила, что послѣ войны тутъ было очень много дѣвчатъ, ребятъ — всѣ молодые, и, конечно, всѣ влюблялись. И у меня, говорить, тоже появился мужъ, инвалидъ войны. Онъ былъ съ одной рукой, но этой одной рукой онъ мастерски умѣлъ управляться — и топоромъ доски рубилъ, и столы, и стулья сколачивалъ для инвалидовъ, и тротуары дѣлалъ. Дали намъ комнатку, и такъ, говорить, мы съ нимъ радостно жили, такъ дружно, такой хорошій парень былъ. (Что-то потомъ произошло, и онъ умеръ).

Я рисую ее, слушаю — она сидитъ, а позади нее, на стѣнѣ у окна, виситъ на гвоздикѣ вѣнокъ изъ бумажныхъ цвѣтовъ. Я спрашиваю: “Серафима Николаевна, а что это у васъ за вѣнокъ?”. — Она отвѣчаетъ: “Гена, это когда мужъ умеръ нѣсколько лѣтъ назадъ, я заказала вѣнокъ. А мужъ похороненъ въ Сортавалѣ на городскомъ кладбищѣ, это, говорить, надо плыть черезъ все озеро, да тамъ еще километровъ семь идти по шоссе. А я же на тележкѣ. Я, говорить, нѣсколько разъ просила директора помочь мнѣ туда попасть, чтобы вѣнокъ этотъ я могла повѣсить на могилѣ мужа, но все бесполезно. Видно, говорить, онъ такъ и будетъ до моей смерти тутъ висѣть. — Я предлагаю: “Серафима Николаевна, а давайте мы съ вами сѣздимъ на это кладбищѣ”. — Она обрадовалась: “Я даже не вѣрю, даже не могу представить, что это возможно. Если бы это получилось, то это было бы для меня просто счастьемъ — больше мнѣ не нужно ничего, только положить ему на могилу этотъ вѣнокъ”. — Я говорю: “Ну, пойду, узнаю сейчасъ у директора”.

Пошелъ къ директору, все объяснилъ. Онъ говоритъ: “Туда такъ просто не пускаютъ, это погранзона. Но тутъ у насъ есть пограничникъ, сходи къ нему. Если онъ тебѣ разрѣшитъ, то пожалуйста”. Я пошелъ къ пограничнику. Тоже все рассказалъ о

Серафимъ Николаевнѣ — что она переживаетъ, потому что пока вѣнка нѣтъ, это еще не могила. Онъ говоритъ: “Ну, хорошо — даю разрѣшеніе и желаю удачи”.

И вотъ утромъ я пришелъ за ней, и мы такъ бодро поѣхали, я ее покатылъ. Но съ горы мнѣ пришлось придерживать коляску, если бы я ее отпустилъ, то она бы разбилась, тамъ очень крутая дорога на пристань. Въ общемъ, пріѣхали, народъ тамъ садится, и мы тоже — я закатилъ коляску на палубу. И поплыли.

Въ Сортавалѣ я ее такъ же выкатилъ, тамъ деревянные мостки, все шатается, трясется, но ничего, выбрались. Выѣхали на хорошее, асфальтированное шоссе, она показала, въ какую сторону ѣхать. Пошли — ѣдемъ. Сортавала кончилась, начались поля, луга, дальше тамъ озеро, потомъ лѣсъ пошелъ — между деревьевъ тоже озеро блеститъ. Это огромное Ладожское озеро тянется до самого Ленинграда. Оно насъ всю дорогу сопровождало — сначала по лѣвую руку, а когда шли обратно, оно было съ правой стороны. И вотъ мы ѣдемъ, ѣдемъ, я толкаю коляску, а она все спрашиваетъ: “Гена, усталъ?” — А я отвѣчаю: “Да нѣтъ, Серафима Николаевна, ничего я не усталъ”. (И такъ мы почти не отдыхали).

Потомъ она говоритъ: “Вотъ сюда, Гень”. (Мы свернули направо). Дорога пошла песчаная, вскорѣ показалось кладбище. Подѣхали мы къ могилѣ ея мужа, земля на ней вся потрескалась, верхняя глинистая корка высохла и какъ-то разступилась. Смотрю — стоитъ слегка покосившійся деревянный столбикъ съ красной звѣздочкой наверху. Я хотѣлъ поправить его немножко, но Серафима Николаевна говоритъ: “Гена, иди, посмотри кладбище, я хочу посидѣть одна”.

Я пошелъ вдоль кладбища, она тутъ одна осталась — сидѣла, пригорюнившись, на коляскѣ, смотрѣла на этотъ столбикъ, на эту могилку и вспоминала о своемъ мужѣ. Такъ минутъ тридцать, навѣрно, прошло. Я обошелъ, посмотрѣлъ другія могилки — почти на всѣхъ висѣли вѣночки. Потомъ вернулся. Серафима Николаевна говоритъ: “Ладно, Гень, повѣсь вѣночекъ, и поѣдемъ обратно. (И мы такъ же выѣхали на шоссе, пошли къ причалу). Обратный путь былъ уже болѣе знакомый и легкій. Мы вернулись на свой островъ, въ общемъ, все получилось хорошо. Такъ мы съ ней побывали на

кладбищѣ, и она простилась еще разъ со своимъ мужемъ. Я думаю, что больше уже никогда она на кладбищѣ не ѣздила.

Среди инвалидовъ на островѣ постепенно распространился слухъ, что появился художникъ, который всѣмъ помогаетъ — то въ баню возить женщинъ, то въ Сортавалу сопровождаетъ. И вдругъ одинъ парень съ парализованными ногами (но онъ молодой былъ, не похоже, что съ фронта пришелъ), останавливаетъ меня и говоритъ: “Можно васъ спросить? Я вотъ тоже на коляскѣ, не отвезете ли вы меня въ одно мѣсто?”

Тамъ за пристанью на каменистомъ откосѣ наверху растетъ лѣсъ, и мнѣ сказали, что въ этомъ

И. И. Шишкинъ и А. В. Гине въ мастерской на островѣ Валаамѣ.
Художникъ Иванъ Шишкинъ. Этюдъ. 1860 г.

лѣсу есть большая муравьиная куча. А ко мнѣ пріѣзжала родственница изъ деревни, и она говорила, что существуетъ повѣрье — если сѣсть на муравьиную кучу раздѣтымъ, посидѣть и потерпѣть, пока муравьи искусаютъ до крови — то ноги могутъ вылечиться и начать ходить. Но никто не хочетъ помочь мнѣ добраться до этой муравьиной кучи. Можеть, вы мнѣ поможете?” — Я отвѣчаю: “Давайте, сѣздимъ”. (У него коляска была такая же, какъ у Серафимы Николаевны). Поѣхали. Я такъ же толкалъ его коляску, а онъ мнѣ показывалъ дорогу наверхъ. Когда дорога стала совсѣмъ крутая, то мнѣ уже надо было тащить его на спинѣ. Я говорю: “Обними меня сзади руками посильнѣй, только не отпускай руки, чтобы не упасть. А я буду поддерживать твои неподвижныя ноги”.

И вотъ потащилъ его наверхъ. Ташу, а самъ — гдѣ хватаюсь за вѣтки руками, гдѣ за корни, гдѣ какъ —

въ общемъ, съ большимъ трудомъ я его туда затащилъ. Онъ говоритъ: “Теперь надо эту муравьиную кучу отыскать”. (Вотъ ищемъ). Онъ на мнѣ сверху сидитъ, а я смотрю, гдѣ эта куча. Вдругъ вижу подъ сосной — дѣйствительно, огромная муравьиная куча. Онъ говоритъ: “Вотъ сюда посадите меня”. (Снял онъ штаны, и я его посадилъ на эту кучу). — Говорю: “Хорошо, сиди, а я погуляю тутъ, посмотрю окрѣстности”.

Хожу, смотрю, природа тамъ — что-то удивительное. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы коляску оставили и откуда лезли на эту крутую гору, проходить дорога черезъ лѣсъ на другой конецъ острова. Внизу подъ нами — монастырская бухта (мы оказались, гдѣ она уже заканчивается). А тамъ — чего только нѣтъ. И яхты подъ парусами стоятъ (на нихъ изъ Ленинграда прїѣзжаютъ отдыхающіе), и кораблики, и лодки. Подальше тамъ катера какіе-то причалили, цѣлый баркасъ у берега. А тутъ — и скалы, и сосны вокругъ, наверху виднѣются шпили этихъ пустыхъ деревянныхъ церквушекъ. Неповторимая картина, невозможно оторваться.

Потомъ я вернулся къ нему: “Ну какъ, спрашиваю, живой?” — “Живой”, — отвѣчаетъ. (Такой довольный). Поѣхали обратно. Добрались до гостиницы, доvezъ его до палаты, посадилъ на кровать. И вотъ онъ потомъ нѣсколько дней все надѣялся на выздоровлѣніе. Но, какъ и слѣдовало ожидать, никакого результата не было.

8. КЕЛЬЯ ИВАНА ШИШКИНА

Жилъ я въ бывшей кельѣ монастырской гостиницы. Рядомъ тамъ же подъ крышей была комнатка (она и сейчасъ есть), гдѣ когда-то останавливался художникъ Шишкинъ*, знаменитый пейзажистъ. Онъ дѣлалъ свою дипломную работу «Островъ Валаамъ», за нее онъ потомъ получилъ золотую медаль Академіи Художествъ. Это пейзажъ

* На Валаамѣ Иванъ Шишкинъ провелъ, начиная съ 1858 года, нѣсколько лѣтнихъ сезоновъ. Имъ выполнены тамъ многочисленные этюды — виды Валаама, послужившіе основой для цѣлого ряда большихъ картинъ. Настоящій этюдъ — вещь для Шишкина неожиданная и единственная въ своемъ родѣ. Что же могло заставить художника, такъ успѣшно работавшаго на природѣ, въ лѣсу или въ полѣ, обратиться къ интерьерному жанру? Ларчикъ открывается просто. Непогода — дожди и шквалистые ветры, сваливающіе столѣтніе деревья и обрушивающіе громадныя волны на берегъ, — вынуждала Шишкина и пріятеля его, художника Александра Гине, отсиживаться въ мастерской. Въ одинъ изъ такихъ дней невольного затворничества и была написана Шишкинымъ его “мастерская”. Хорошо переданъ контрастъ полумрака мастерской и свѣтлого “зовущего” окна. Свѣтъ пасмурнаго дня въ окнѣ не яркъ, онъ не можетъ побѣдить сумракъ комнаты. Зеленовато-умбрыстые приглушенные тона картины вполне созвучны настроенію унылаго ожидания, въ которое погружены эти узники непогоды.

глухого уголочка, гдѣ скалы, ручеекъ тутъ, береза стгнившая лежитъ и сосны стоятъ. Валаамъ вдохновилъ еще и Петра Ильича Чайковского на созданіе симфоніи.

Автографъ письма художника И. И. Шишкина
родителямъ съ наброскомъ начатой картины
“Видъ на островъ Валаамъ”.

Мнѣ все хотѣлось попасть на Никольскій скитъ въ отдѣленіе, гдѣ находились психически больные инвалиды. Это было не такъ далеко отъ моей монастырской гостиницы, и я даже нѣсколько разъ подходилъ къ этимъ мосткамъ на Никольскій скитъ. Но директоръ Иванъ Ивановичъ Королевъ сразу мнѣ сказалъ: “Туда тебѣ нельзя”. — Я спрашиваю: “Почему нельзя, Иванъ Ивановичъ? — А онъ отвѣчаетъ: “Потому что тамъ психически больные. Ты же рисуешь инвалидовъ войны? А они теперь стали просто психически больными инвалидами”. (Я думаю — а разве психически больные не могутъ быть инвалидами войны?)

Моя жизнь на Валаамѣ въ теченіе полутора мѣсяцевъ была необыкновенно насыщена. Съ утра я обычно рисовалъ инвалидовъ войны (поясные портреты). Я чувствовалъ, что, наконецъ, занимаюсь своимъ дѣломъ и потому чувствовалъ себя очень спокойно. Съ благодарностью думалъ о Кибрикѣ, о его огромномъ заслуженномъ авторитетѣ — это онъ, когда-то побывавъ здѣсь, далъ мнѣ такой мудрый совѣтъ.

Теплоходъ приплывалъ на Валаамъ каждый день, но останавливался онъ не въ монастырской бухтѣ, а у «Красного скита», это километровъ за семь отъ

Видъ на островъ Валаамъ. Художникъ Иванъ Шишкинъ. 1860 г.

Русскій Музей. Санктъ-Петербургъ.

центральной части Валаама, гдѣ находились соборъ, магазинъ, 3-хъ этажная монастырская гостиница и администрація. Мѣсто причала теплохода было довольно крутымъ и дикимъ. Онъ подходилъ прямо къ берегу, сбрасывали трапъ, люди сходили на берегъ и сразу по тропиночкѣ шли наверхъ. Потомъ эта тропиночка переходила въ дорогу, идущую на сѣверъ, и километровъ через семь туристы подходили уже къ большому собору, въ которомъ хранилось... мясо для жителей интерната. Открывали соборъ не для того, чтобы тамъ молиться, а для того, чтобы нарубить мяса на обѣдъ. Когда я заходилъ туда, то сразу видѣлъ огромныя коровьи и бычьи туши, какъ на картинѣ Рембрандта. Они, ободранныя, висѣли на крючьяхъ, тутъ же стоялъ широкій пень, и лежалъ такой же большой топоръ. Эти туши рубили, потомъ клали въ баки и тащили на кухню. Тамъ ихъ рѣзали, варили и кормили инвалидовъ. Въ глубину самого собора никто не заходилъ, но я однажды попытался. И лучше бы этого не дѣлалъ.

9. ЗДѢСЬ БЫЛИ ВЕЛИКІЕ ГРѢШНИКИ

То, что я увидѣлъ — просто ужасъ, такого издѣвательства надъ фигурами святыхъ, украшавшими всѣ стены, я еще нигдѣ никогда не видѣлъ. Тамъ изображалась Княгиня Ольга, первая хри-

стіанка на Руси (ее потом канонизировали), съ лѣвой стороны собора была написана ея большая фигура во весь ростъ. Но не знаю, кто тутъ хулиганилъ — тутъ и финская армія базировалась передъ войной, и нѣмцы здѣсь побывали въ войну, и наши красноармейцы потомъ находились — конечно, это люди всѣ невѣрующіе. И вотъ лицо несчастной Ольги было теперь беспощадно исцарапано и порублено, а между ногъ ей не то штыками, не то долотомъ какимъ-то пробили огромную дыру. Такъ же изуродовали фигуры и другихъ святыхъ.

Въ общемъ, на что взгляды не падалъ, вездѣ я находилъ слѣды варварства, кощунства и величайшего безразличія къ религии. Даже не безразличія, а какого-то бѣшенного презрѣнія и насмѣшки, будто бы эту вакханалію творили тутъ не русскіе люди, а кто-то вообще совершенно чужой. То есть Валаамъ, Святой островъ, святыня вѣрующихъ — попалъ въ руки случайныхъ людей, полнѣйшихъ безбожниковъ, которые дѣлали на немъ все, что хотѣли.

Къ этому приложили руку и инвалиды — вотъ эти полторы тысячи покалеченныхъ войной, одинокихъ, обиженныхъ, заброшенныхъ людей съ переломанными судьбами. Они тоже, абсолютно не вѣря ни въ какія великія догмы, оказались полными хозяевами всѣхъ скитовъ, которые покинули монахи.

Почти все богатство, вплоть до ковровъ, до церковной одѣжды, утвари и иконъ было оставлено на произволъ невѣрующихъ людей. Это сейчасъ, когда возстанавливаются церкви, службы, цѣнятся и переиздаются старыя книги, уже трудно представить. А вѣдь не такъ давно все было иначе, и на прошлое, на церковное убранство смотрѣли лишь какъ на старый хламъ, отъ котораго можно выгодно избавиться. Разбивали на колоколы каменные окна, снимали какъ-то общими усилиями колокола, проталкивали ихъ въ эти окна и сбрасывали внизъ. И вотъ этотъ колоколъ изъ дорогого металла, часто позолоченный (вѣдь не жалѣли ничего для своихъ святынь православные), отлитый гдѣ-то въ царскихъ мастерскихъ — сбрасывали, разбивали кувалдами, грузили на лодки и отвозили въ Сортавала въ утиль-сырье. И такимъ образомъ зарабатывали деньги. Тутъ же покупали водку и пилились. Главное — обо всемъ забыть.

Дорога съ пристани подходила прямо къ воротамъ 2-хъ этажнаго зданія, опоясывающаго соборъ. Надъ воротами находилась арка, а надъ аркой висѣлъ деревянный крестъ. И вотъ какъ-то я смотрю — этотъ крестъ уже валяется внизу, въ грязи. Я поднялъ его, почистилъ, упаковалъ. Пошелъ на почту и послалъ его Люсь въ Москву посылкой. Въ другомъ мѣстѣ, на разоренномъ кладбищѣ, я нашелъ въ землѣ разбитое металлическое распятіе съ одной рукой у Христа. Я его тоже взял на память о Валаамѣ и привезъ въ Москву. Недостающую руку Христа вылѣпилъ изъ пластилина, потомъ все это покрасилъ и укрѣпилъ на томъ самомъ крестѣ съ Валаама. И вотъ въ такомъ видѣ это распятіе виситъ у меня на стѣнѣ уже много лѣтъ.

10. АНГЕЛЫ НА БАШНЯХЪ

Если перейти монастырскій дворъ, то въ противоположной стѣнѣ будетъ проходъ на старое монастырское кладбище. Всѣ древніе надгробія тамъ или стояли поврежденными, или валялись расколотыми, и изъ земли торчали куски мрамора. Нѣкоторые я попытался соединить, очистить, чтобы прочесть надписи, славянскія буквы были выбиты

очень глубоко. И прочесть примѣрно такія надписи... «Великому молчальнику Іоанну, 79 лѣтъ, почившему тутъ...», «Молчальникъ Іосимъ... 80-ти лѣтъ...», «Молчальникъ Кирилль... 90 лѣтъ...». Много тамъ находилось этихъ полуразрушенныхъ надгробій монахамъ-молчальникамъ. Когда-то это кладбище было большое и богатое, но теперь — будто кто-то ходилъ тамъ и ломомъ или кувалдой билъ по этимъ камнямъ, чтобы отъ нихъ ничего не осталось, никакой памяти.

Кладбище окаймляли бѣлыя каменные стѣны, а по угламъ были выстроены башенки — четыре башни, надъ которыми парили черныя ангелы съ трубами. Казалось, что они исполняли какую-то Пѣснь Славы умершимъ, лежащимъ въ этихъ могилахъ. Невыносимо грустно все это смотрѣлось.

Дорога отъ монастыря на сѣверъ шла черезъ лѣсъ. И тамъ находилось другое большое кладбище, гдѣ стояли каменные часовни съ коваными решетками на окнахъ удивительной красоты, и сохранились нѣкоторые старинные памятники. Стоялъ, напри-мѣръ, памятникъ Іоанну Дамаскину, прославленному настоятелю монастыря. На могилахъ иноковъ возвышались кресты на высокихъ каменныхъ постаментахъ, ихъ было много, но

Мостъ на Никольскій островъ. Рис. Геннадія Доброва.

тоже далеко не всѣ сохранили свой первоначальный видъ.

11. МОСТЪ НА НИКОЛЬСКІЙ ОСТРОВЪ

Я все мечталъ попасть въ Никольскій скитъ и нѣсколько разъ приближался къ мосткамъ, которые вели туда. А потомъ увидѣлъ женщину, приходившую вечерами зажигать фонарь на бакенѣ на этомъ островкѣ. И я иногда сталъ ее сопровождать. Мы шли вдоль всего скита и спускались съ той стороны къ водѣ, чтобы зажечь бакенъ. Онъ служилъ ориентиромъ для пароходовъ, по далекому огонечку на водной глади озера они могли опредѣлять входъ въ монастырскую бухту. Такимъ образомъ, я постепенно уже имѣлъ представление о томъ, что находится на этомъ Никольскомъ островѣ. Тамъ было психиатрическое отдѣленіе дома-интерната.

Директоръ интерната Иванъ Ивановичъ Королевъ любилъ говорить, что онъ — король, а Валаамъ — его королевство. Онъ велъ себя такъ увѣренно еще и потому, что его родная сестра работала въ Петрозаводскѣ въ Управленіи социального обеспечения Карелии и такимъ образомъ помогала брату, чтобы Валаамскій интернатъ жилъ безбѣдно. Одновременно она оберегала Ивана Ивановича отъ разныхъ провѣрокъ, связанныхъ съ письмами, въ которыхъ люди жаловались на интернатскіе порядки. И вотъ однажды, когда директоръ уѣхалъ дня на четыре по дѣламъ къ своей сестрѣ въ Петрозаводскъ, я рѣшилъ посмотрѣть больныхъ, которые находились въ Никольскомъ скиту.

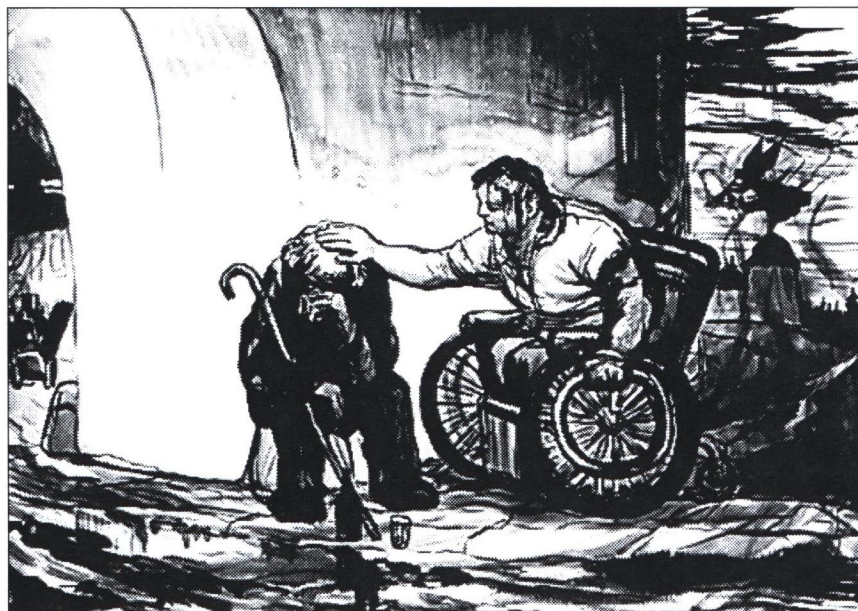
Но обитателей Никольскаго скита я увидѣлъ, еще только подходя къ понтонному мосту. Въ это время какъ разъ туда подѣхала повозка, на которой было написано «Хлѣбъ», ее тащила лошадь. И я смотрю — съ острова отдѣлились двѣ фигуры съ носилками, подошли къ этой повозкѣ. Возница открылъ ящикъ на телегѣ и въ корбѣ на носилки началъ выгружать хлѣбъ для больныхъ, много буханокъ. И потомъ говорить этимъ двумъ: “Ну, берите, несите”. (Они все стояли, смотрѣли). И вотъ одинъ изъ нихъ взялся за деревянные ручки и хотѣлъ тащить эти носилки съ хлѣбомъ въ свою сторону. Но и другой точно такъ же всталъ къ нему спиной, взялся за ручки и сталъ тащить ихъ въ свою сторону. И такимъ образомъ они стояли на мѣстѣ, и никакъ не могли понять, почему они не двигаются, каждый былъ увѣренъ, что вотъ сейчасъ они пойдутъ, нужно только немножко на-прячься. Потомъ все-таки они остановились, посмотрѣли другъ на друга и догадались, что нужно идти другъ за другомъ. Послѣ этого они пошли, и я двинулся за ними черезъ мостикъ.

На самомъ мостикѣ стоялъ еще больной, онъ держалъ въ рукахъ большой, но, видимо, не тяжелый деревянный крестъ и время отъ времени этимъ крестомъ билъ по водѣ. Ударить — крестъ погружается въ воду, потомъ онъ его вытаскиваетъ. Снова поднимаетъ вверхъ и опять со всей силы бьетъ по водѣ. А другой больной зашелъ въ воду и пытался воткнуть въ дно этой протоки крестъ еще большего размѣра. Вода идетъ, а надъ ней крестъ возвышается. Вотъ такъ они забавлялись. Церковь стояла тутъ же недалеко на другомъ маленькомъ островкѣ, куда тоже вели мостки.

Я пошелъ къ этой церкви. Нѣкоторые больные сидѣли на корточкахъ у дверей церкви и грѣлись на

солнцѣ. Стѣны снаружи, какъ и вездѣ, были покрашены, исписаны словами — то «Толикъ», то «Вася», то «Иванъ», разбитая дверь еле держалась на единственномъ навѣсѣ. Я зашелъ внутрь. И первое, что увидѣлъ — большой иконостасъ напротивъ входа. Только на самомъ верху сохранилось нѣсколько прекрасно написанныхъ иконъ (будто ихъ недавно написали свѣжей краской). Они находились очень высоко, потому и спаслись отъ варваровъ. А то, что пониже — все было выломано и разбито, вмѣсто икон остались только дыры въ иконостасѣ. Не знаю, куда делись эти иконы, можетъ быть, утонули въ Ладогѣ, въ общемъ, внизу тутъ остались только двѣ или три большихъ иконы святыхъ во весь ростъ со свитками въ рукахъ въ молящихся позахъ.

Видъ оттуда, съ острова, былъ просто завораживающій — озеро тянулось до горизонта, но кое-гдѣ

Ангелы на башняхъ. Рис. Геннадія Доброва.

возвышались небольшіе островки, на которыхъ когда-то тоже жили монахи-отшельники. На этихъ островкахъ виднѣлись деревянные рубленныя церквушки, или небольшія часовенки. И вотъ шатры крышъ этихъ церквей и высокія ели, покрывающія острова — абсолютно совпадали формами. Внизу они были шире, потомъ становились все уже, а еще выше — только маковка и крестъ въ небо возносился.

Въ общемъ, эти деревянные церкви и часовни находились въ полной гармоніи съ окружающей природой, они нисколько не выдѣлялись и не возвышались надъ ней.

Конечно, удивительно, какъ въ прежніе времена люди въ этихъ мѣстахъ, казалось бы, удаленныхъ отъ большихъ поселеній, отъ культурныхъ центровъ — какъ они жили тутъ въ уединеніи, сами по себѣ, богатой духовной жизнью. И (забѣгая впередъ)

отрадно было узнать, что уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ моего посѣщенія Валаама эта духовная жизнь медленно начала на островъ возвращаться.

Немногочисленныхъ оставшихся инвалидовъ войны порой (увы!) вопреки ихъ волѣ, постепенно стали переселять на материкъ въ другіе интернаты, въ новую, непривычную для нихъ, обстановку. На островъ сначала пріѣзжали просто энтузіасты разбирать завалы. Потомъ прибыли бригады специалистовъ по древнерусской живописи, они работали съ цементомъ, со штукатуркой, съ красками, но это были еще реставраторы свѣтскіе.

Но слѣдомъ за этими реставраторами стали пріѣзжать и “монашки”. Я познакомился съ одной такой дѣвушкой, когда меня возили на Валаамъ для съемокъ фильма въ концѣ 80-хъ годовъ. Она казалась какой-то необыкновенной — красивой, тихой, скромной. Ей тамъ дали келью. И она мнѣ говоритъ: “Тена, вотъ у меня есть книги о Валаамѣ и о мо-

выносили груды мусора. При мнѣ они стали мыть камни на паперти, отмывали, драили ихъ съ мыломъ — смотрѣть на это безъ слезъ было просто невозможно. Вотъ они вымоютъ небольшую площадочку, сходятъ, нарвутъ букетикъ цвѣтовъ (а цвѣло все вокругъ, травы стояли свѣжія) и въ баночкѣ цвѣты эти поставятъ. И такъ они радовались, что есть хоть какое-то чистое мѣсто, гдѣ можно колѣни преклонить и помолиться.

12. ФИЛОСОФЪ ЮРА ПИСАРЕВЪ

А тогда, въ 1974 году, осматривая этотъ Никольскій скитъ, я попалъ въ маленькую бывшую монастырскую гостиницу. Захожу въ одну палату (это раньше были кельи), смотрю — сидитъ старикъ съ длинной бородой, съ маленькими скрещенными ножками, съ худенькими высохшими ручками и съ огромными глазами. Онъ сидѣлъ и читалъ книжку. Я спрашиваю: “Откуда у васъ здѣсь книжки?” — Онъ

отвѣчаетъ: “Это мои книжки. Когда меня забирали, то я попросилъ, чтобы мои книжки тоже привезли вмѣстѣ со мной на этотъ островъ. У меня, цѣлая библіотека здѣсь, вотъ смотрите”. (И я вижу — на окнахъ книги, подъ кроватью книги, вездѣ какія-то полки съ большими томами). А онъ мнѣ показываетъ одну: “Вотъ я вамъ подарю книгу о логосѣ (логосъ — это такое философское понятіе). Прочитайте, очень интересно, тутъ такіе философскіе споры идутъ — что такое логосъ, какъ его понимать, какъ его чувствовать, какъ его при-мѣнять въ жизни”.

Въ общемъ, это было чудо какое-то — встрѣча съ нимъ. Звали его Юра Писаревъ. Я, конечно, не былъ философомъ, я скорѣе практикъ, практикъ и

наблюдатель. Эти вотъ философскіе понятія — я ихъ не отвергаю, просто не углубляюсь въ нихъ никогда. Если ужъ я въ религіозныя догмы не углубляюсь и ничего не знаю, можно сказать, о церковной жизни, то что ужъ говорить тогда о философіи, гдѣ вѣками отрабатывались взгляды, одинъ другого авторитетнѣе и одинъ другого противоречивѣе. Въ общемъ, мнѣ это скорѣе напоминаетъ схоластику, или просто

«Неизвѣстный солдатъ». Рис. Геннадія Доброва. Никто ничего не знаетъ о жизни этого человѣка. Въ результатѣ тяжелѣйшаго раненія онъ потерялъ руки и ноги, лишился рѣчи и слуха. Война оставила ему только возможность видѣть. Позже удалось выяснить (но лишь предположительно), что это былъ Герой Совѣтскаго Союза Григорій Волошинъ. Онъ былъ летчикомъ и выжилъ, протаранивъ вражескій самолетъ. Выжилъ — и просуществовалъ «неизвѣстнымъ» въ Валаамскомъ интернатѣ 29 лѣтъ. Рисунокъ сдѣланъ на островѣ Валаамъ въ 1974 году.

нахахъ, которые тутъ раньше жили. Вотъ смотрите, какія гравюры, какъ выглядѣли эти люди”. (Въ общемъ, эта дѣвушка явилась какъ бы первой ласточкой будущей жизни, которая позже стала возрождаться на островѣ). Потомъ къ ней пріѣхала подруга. И когда я какъ-то зашелъ въ разоренный, настѣжь открытый соборъ, то увидѣлъ, какъ они тамъ мели полъ и своими изящными слабыми руками

какое-то умствование, но, тѣмъ не менѣе, Юра Писаревъ подарилъ мнѣ эту книгу, и она у меня гдѣ-то лежитъ дома до сихъ поръ.

Этотъ Юра сразу сталъ просить меня передать письма на волю: “Вотъ, я вамъ дамъ нѣсколько писемъ, когда вы поѣдете обратно, то передайте ихъ въ Москвѣ моимъ друзьямъ”. (Я вообще-то не рассчитывалъ на то, что буду такимъ почтальономъ, я не былъ никогда ни правозащитникомъ, ни какимъ-то общественнымъ дѣятелемъ, но разъ ужъ онъ попросилъ, я пообѣщалъ: “Ладно, хорошо, передамъ”. А самъ все на него смотрю. Онъ, въ общемъ, оказался не очень старымъ, но эти глаза огромные... просто невозможно оторваться отъ нихъ, очень выразительное и глубокое лицо у него было. И въ этомъ психиатрическомъ отдѣленіи, въ своемъ безпомощномъ положеніи, въ своей этой необыкновенной бѣдности — и такая богатая духовная жизнь.

Дѣтскія, неразвитыя ноги его совершенно не держали, онъ не могъ ходить, онъ просто сидѣлъ. А если передвигался, то только при помощи рукъ, подтягивая ноги. Коляски у него я тоже не видѣлъ. Я спрашиваю: “Юра, а какъ ты гуляешь?” — Онъ отвѣчаетъ: “Я никогда не гуляю, не гулялъ уже давно, нѣсколько лѣтъ. — Я тогда предлагаю: “Давай я возьму лодку и приплыву къ тебѣ на лодкѣ. (Тамъ, на причалѣ у нашей гостиницы, можно было попросить лодку). Потомъ я тебя подниму, отнесу въ эту лодку, посажу, и мы съ тобой поплаваемъ на лодкѣ вокругъ острова. Я буду грести, а ты будешь сидѣть и смотрѣть”. — Онъ говоритъ: “Давай!”

Такъ мы и сдѣлали. Я взялъ лодку, подплылъ туда. Вынесъ Юру на рукахъ, онъ былъ невѣроятно легкій, но боялся, что я его уроню, держался крѣпко

за меня, ухватился за шею. Я успокаиваю: “Да ты не бойся, не упадешь”. И вотъ я его принесъ, посадилъ въ лодку. Онъ руками сталъ держаться за борта, но все равно продолжалъ бояться: “Ой-ой-ой, вдругъ я упаду въ воду, вдругъ я упаду”. — Я говорю: “Да Юра, не бойся, никуда ты не упадешь, сиди спокойно, не качай лодку”. И мы этотъ

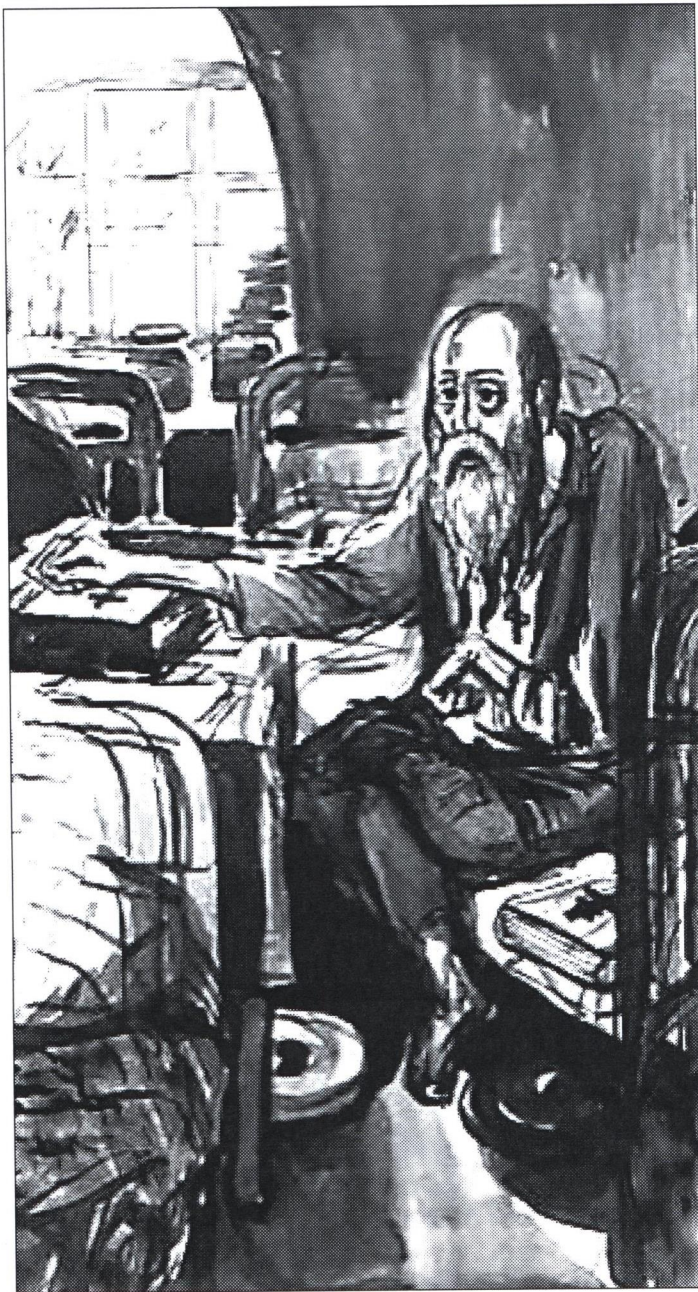
Никольскій островъ обогнули въ одну сторону, въ другую сторону, въ общемъ, поплавали съ нимъ немножко вдоль берега.

Но я чувствую — этотъ свѣжій воздухъ, это дыханіе воды — непривычны для него. Въ палатахъ у нихъ или плохо провѣтривали, или совсѣмъ не провѣтривали, и спертый воздухъ тамъ весь пропахъ мочой и плесенью. И вотъ я вижу, какъ у Юры на лицѣ постепенно все свѣтлѣетъ, даже глаза стали какія-то голубыя. Я спрашиваю: “Юра, а почему у тебя борода испачкана зеленой краской?” — Онъ отвѣчаетъ: “Не знаю, у насъ нѣтъ никакой краски. Наверно, это плесень у меня на бородѣ образовалась отъ постоянной жизни въ замкнутой полутемной комнатѣ”. (Потомъ я привезъ его обратно и посадилъ снова на кровать).

13. НЕИЗВѢСТНЫЙ СОЛДАТЪ

А самъ пошелъ дальше осматривать комнаты. Захожу еще въ одну комнату. Смотрю, человекъ лежитъ — безъ

рукъ, безъ ногъ, укрытый маленькимъ одеяльцемъ, на бѣлой простыни, на подушкѣ, все очень чисто. И онъ только смотреть на меня, смотреть. А я гляжу на его лицо, и мнѣ кажется, что это какъ бы молодой новобранецъ. Но потомъ понимаю — нѣтъ, онъ не такой уже и молодой, это просто лицо у него застыло въ томъ состояніи, когда его контузило, и съ тѣхъ поръ оно не старѣетъ. Онъ смотреть на меня и ничего не можетъ сказать. А мнѣ потомъ нянечки объяснили

Юра Писаревъ. Рис. Геннадія Доброва.

— онъ ничего не говорить, онъ контуженъ на фронтѣ, его такимъ привезли откуда-то еще давно, и документовъ никакихъ при немъ не было — кто онъ, откуда, гдѣ служилъ... Подобрали его уже такимъ гдѣ-то на полѣ боя.

Я сейчасъ же побѣжалъ обратно къ себѣ, взялъ планшетъ свой, бумагу, карандашъ и при-бѣжалъ обратно. Сѣлъ тутъ напротивъ и сталъ его рисовать. А онъ — какъ лежалъ въ одномъ положеніи, такъ и лежитъ, какъ смотрѣлъ на меня, такъ смотреть — яснымъ, чистымъ и какимъ-то проникновеннымъ взглядомъ. И я его какъ-то легко сталъ рисовать, потому что я чувствовалъ, будто это мой братъ, будто онъ какой-то мой родственникъ, будто это человѣкъ очень мнѣ близкій. Я просто зажалъ зубами свои губы, чтобы они не кривились отъ боли, и чтобы глаза не застилали слезы — и я постарался изобразить его, какъ можно правдивѣе.

Но рисованіе — это особый видъ искусства. Здѣсь даже если хочется плакать, то не всегда можешь заплакать, потому что движется рука, одновременно наблюдаешь за пропорціями, за поворотами формы, за тѣмъ, какъ располагаются пятна на рисункѣ (свѣтъ, тѣни). Въ общемъ, мысль отвлекается отъ той необыкновенной жалости, которую, можетъ быть, художникъ испытываетъ, глядя на свою натуру. Но у меня получилось, я его нарисовалъ. Хотя тамъ и рисовать-то было нѣчего — на подушкѣ лежала голова, а все остальное закрывало одѣяльце. И ноги у него отсутствовали, и руки — его укутали, и онъ лежалъ, какъ какая-то кукла, или маленькій ребенокъ.

Когда я этотъ рисунокъ сдѣлалъ и отнесъ къ себѣ въ комнату, какъ разъ вернулся Королевъ, директоръ интерната. Конечно, ему сразу доложили, что на Никольскомъ скиту былъ художникъ, что онъ рисовалъ неизвѣстнаго солдата (я рисунокъ назвалъ «Неизвѣстный солдатъ»). Королевъ пришелъ въ ярость. Онъ велѣлъ меня позвать къ себѣ. Я прихожу. Онъ спрашиваетъ: “А кто вамъ разрѣшалъ туда ходить, на этотъ островъ?” — Я отвѣчаю: “Мнѣ просто любопытно было”. (Въ общемъ-то, я больше молчалъ). Онъ началъ кричать и вдругъ заявляетъ:

“Знаете что, лучше вамъ уѣхать, больше не надо ничего и никого рисовать. Уѣзжайте, разъ вы меня не послушали — и такъ уже достаточно, вы тутъ полтора мѣсяца. Достаточно. Уѣзжайте. Больше я вамъ не разрѣшаю ничего рисовать”. — Я говорю: “Ладно, хорошо, я узнаю, когда пароходъ, кажется, черезъ два дня”. — “Вотъ черезъ два дня и уѣзжайте”.

Такимъ образомъ, я сдѣлалъ тамъ 5 рисунковъ вмѣстѣ съ портретомъ Серафимы Николаевны, но ея портретъ я никогда не показывалъ. Еще я начиналъ рисовать портретъ одного гармониста, который всегда игралъ тамъ на крылечкѣ (а другіе инвалиды пытались танцевать), но натурщикъ попался неусидчивый. Мнѣ казалось, что я смогу сдѣлать хорошій рисунокъ, но куда тамъ — онъ минуты не сидѣлъ спокойно. Кромѣ того, со всей округи слетались голуби, садились ему и на плечи, и на руки, и на гармонь. А онъ только улыбался и продолжалъ играть въ окруженіи этихъ голубей.

14. ВАЛААМСКІЙ ГАРМОНИСТЪ

Этотъ гармонистъ рассказывалъ:

“Я здѣсь живу съ самого основанія интерната — столько отважныхъ, несгибаемыхъ, веселыхъ ребятъ тогда прибыло. Теперь уже кто гдѣ — кто самъ умеръ,

Валаамскій гармонистъ. Рис. Геннадія Доброва.

кого убили, въ общемъ, нравы тутъ царили еще «тѣ». То, что сейчасъ осталось — нѣтъ никакого сравненія, то поколѣніе уже ушло. Это всѣ были солдаты, которые ходили въ рукопашные бои съ нѣмцами — смѣлые, безстрашные. И даже потомъ, когда они лишились возможности двигаться, то и тутъ они, и въ этой жизни, совершали какіе-то отчаянные поступки. Вотъ, говорить, мы сидимъ во дворикѣ около этого собора, играемъ тутъ въ домино, а рядомъ колокольня высокая. И какъ это онъ такъ смогъ? Безъ рукъ, безъ ногъ, и забрался на самую вѣршину этой колокольни, залезъ тамъ какъ-то на подоконникъ и кричитъ оттуда: “Ребята! Вотъ онъ я!” (И все на него туда обернулись). Смотримъ — и вдругъ онъ оттолкнулся и летитъ внизъ съ этой высоты. И упалъ прямо къ нашимъ ногамъ. И разбился насмерть. Такъ, говорить, умирали раньше мои товарищи”.

15. ПРОЩАНІЕ СЪ ВАЛААМОМЪ

Мнѣ оставалось уже мало времени. Я думаю... возьму-ка я лодку, надо островъ на прощанье посмотреть. А тамъ жилъ одинъ инвалидъ, Володя (его когда-то укусилъ энцефалитный клещъ, у него голова склонилась впередъ подъ прямымъ угломъ и подбородкомъ уперлась прямо въ грудину, такъ что онъ видѣлъ передъ собой только землю, а разогнуться не могъ, у него и жена была, и дѣти маленькія). Я говорю: “Володя, я скоро уѣзжаю и хочу вокругъ острова проплыть, ты мнѣ можешь показать лучший путь?” — Онъ отвѣчаетъ: “Ну, давай, бери лодку”.

И вотъ я взялъ лодку, сѣлъ на весла. Мы изъ этой монастырской бухты свернули налѣво и стали грести вдоль острова. И я вижу — отвѣсныя скалы, и на этихъ отвѣсныхъ скалахъ сосны тоже растутъ вверхъ. Гдѣ же тамъ земля? Какъ же они держатся, эти сосны? Это зрѣлище удивительное, просто растутъ неизвѣстно откуда огромные деревья. (Видимо, изъ расщелинъ камней).

Плывемъ дальше. На правой сторонѣ появляется отдѣльный островъ, тамъ тоже темные деревья, дорожки тянутся наверхъ, и церквушка стоитъ на вѣршинѣ. И вотъ мы такъ плыли, проплывали незнакомые берега, неизвѣстные мнѣ мѣста. То деревья подходили къ самой водѣ, то большіе валуны преграждали намъ дорогу. Но, въ общемъ, мы хотя и медленно, но двигались вдоль берега. Потом стало уже понемножку темнѣть, а мы все плывемъ. Я спрашиваю: “Володя, долго еще намъ плыть?” — Онъ отвѣчаетъ: “Да это только начало, намъ еще весь островъ надо обогнуть”. — Я испугался: “А что намъ теперь дѣлать? Гдѣ мы будемъ ночевать?” — Онъ говоритъ: “Я не знаю, обратно тоже далеко плыть. Давай тутъ поищемъ, можетъ быть, избушка гдѣ-нибудь есть”.

А камни у этого острова Валаамъ, которые въ водѣ находятся, какіе-то огромные, но плоскіе. Я спрашиваю: “А почему они такіе плоскіе?” — Володя говоритъ: “Ихъ ледникъ такъ сгладилъ, 8-ми метровый слой льда когда-то покрывалъ весь этотъ островъ. Ледникъ постепенно таялъ, какъ бы уползалъ на сѣверъ, тащилъ за собой все, что было подъ нимъ, и полировалъ эти камни. (И они дѣйствительно отполированы, будто кто-то ихъ нарочно сгладилъ, какой-то великанъ). Мы дальше гребемъ, уже стемнѣло, почти совсѣмъ темно. И вдругъ я въ густыхъ сумеркахъ замѣчаю какую-то протоку между большимъ островомъ и маленькимъ, и на этомъ большомъ островѣ стоитъ какая-то избушка. Я говорю: “Володя, давай ужъ сегодня дальше не поплывемъ, заночуемъ въ этой избушкѣ”.

Мы лодку заташили, чтобы ее не унесла вода, привязали, и пошли въ эту избушку въ полной темнотѣ. Въ избушкѣ ничего не было, кромѣ

большого деревяннаго топчана, еще топчана поменьше, маленькаго окошечка и двери. И все. А холодно уже стало. Володя говоритъ: “Я лягу вотъ на этомъ топчанѣ, а ты тамъ ложись, укроемся пиджаками и сохранимъ тепло, чтобы намъ совсѣмъ не замерзнуть къ утру”. (Онъ легъ, и я тоже легъ).

Лежу, лежу, безсонница, не спится совершенно. Я и такъ, и такъ — и на одинъ бокъ, и на спину, и на другой бокъ, и растянусь, и согнусь — ну, никакъ не

Путешествіе вокругъ Валаама. Фото 1974 года.

могъ уснуть. Тогда рѣшилъ — выйду-ка наружу. Всталъ и пошелъ. Открываю дверь, выхожу и... замеръ. Вижу — корабль надо мной виситъ инопланетянскій! Глазамъ своимъ не вѣрю — Боже мой! Этого не можетъ быть! Я никогда не вѣрилъ ни кораблямъ никакимъ, ни всѣмъ этимъ фантазіямъ, ничему — и вдругъ я самъ вижу на небѣ какія-то металлическія серебристыя приплюснутыя сферы съ лампами, тамъ и красные, и синіе, и зеленые огни какъ-то вперемежку. И этотъ корабль будто стоитъ надъ озеромъ на 4-хъ подпоркахъ — 4 мощныхъ прожектора свѣтятъ прямо въ воду. Я такъ смотрю, ротъ раскрылъ, и только повторяю — Боже мой! Что

же это такое? Неужели всѣ эти рассказы объ инопланетянахъ, что ихъ многіе видѣли, правда? Я кинулся въ дверь, кричу: “Володя! Володя! Вставай скорѣй! Вставай скорѣй! Иди сюда, посмотри!”

Но пока онъ тамъ проснулся, началъ вставать — я опять выскочилъ наружу. Смотрю — этотъ корабль лучи убралъ и потихоньку, потихоньку начинаетъ удаляться. Я опять зову: “Володя! Володя! Иди же скорѣй!” (А этотъ корабль все быстрѣе, быстрѣе удаляется, и вотъ онъ уже пропалъ — но безъ шума моторовъ, все это совершенно беззвучно). Наконецъ, Володя вышелъ. Я спрашиваю: “Ты ничего не видѣлъ?” — “Нѣтъ, ничего”. — Я говорю: “Это вѣдь кому сказать — ни за что не повѣрять”*.

Такъ я и не спалъ до утра. Потомъ мы чуть свѣтъ сѣли въ лодку и поплыли дальше. Такъ мы и плыли цѣлый день. Потомъ попали въ протоку съ большимъ теченіемъ, еле выплыли. Я уже хотѣлъ грести дальше

вдоль берега, а Володя показываетъ: “Видишь тотъ островъ? Тамъ есть пещера, въ которой жилъ Александръ Свирскій, и его могила. Хочешь посмотреть?” — Я говорю: “Да, слышалъ, былъ такой святой”.

Тогда я направилъ свою лодку прямо противъ теченія. Насъ сносило, но все-таки я выгребъ. И мы причалили какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ недалеко отъ воды находилась эта пещера. Мы подошли къ пещерѣ, это была келья Александра Свирскаго. Я смотрю — тамъ только дверь деревянная, а вся келья сложена изъ естественныхъ камней. Надъ этой кельей возвышалась огромная скала, которая тоже состояла изъ большихъ плоскихъ камней, которые, видимо, падали, падали внизъ и образовали такой шатерь, какъ бы сводъ. А потомъ и остальные камни тамъ нагромодились, и получилась естественная келья, конечно, только для монаха. И Александръ Свирскій въ этой небольшой кельѣ жилъ и молился. Сверху онъ пристроилъ дверь, чтобы закрываться отъ лосей, или птицъ, а внутри тамъ иконка у него стояла и топчанчикъ маленькій. Онъ вырѣзалъ огромный крестъ изъ дерева и установилъ его рядомъ со своей кельей. Я смотрѣлъ на этотъ крестъ и ничего не понималъ — онъ отъ самого основанія до верхушки

весь былъ изрѣзанъ старославянскою вязью, какими-то непонятными буквами.

Крестъ и икона надъ входомъ въ пещеру, гдѣ въ XV вѣкѣ десять лѣтъ въ безмолвіи провелъ Преп. Александръ Свирскій.

Мы тамъ все обошли, посмотрѣли. Володя говоритъ: “Хочешь, поднимемся наверхъ, посмотримъ сверху?” (И вотъ мы стали подниматься по какой-то еле замѣтной тропочкѣ наверхъ). Въ общемъ, мы залезли на вершину, и я посмотрѣлъ внизъ. И вижу, что огромныя ели эти внизъ спускаются чуть ли не до самой воды. (А мы поднялись только до середины этихъ деревьевъ, они еще вверхъ настолько же уходятъ). Я думаю — вотъ это да! Вотъ это ели! Что же это за гиганты такіе? Какая же здѣсь природа! Это дикіе деревья на волѣ достигали небывалой высоты по 30 метровъ! Что-то невѣроятное.

Пока мы тутъ разсматривали все, пока гуляли,

Слѣды войны. Рис. Геннадія Доброва.

пока спустились — и опять уже день сталъ клониться къ вечеру. И я предлагаю: “Володя, теперь мы выбрались, давай по этой сторонѣ поплывемъ въ бухту”. (А мы протоку эту переплыли и лодку спрятали тамъ въ камышахъ). — Онъ говоритъ: “Генъ, знаешь что, давай сегодня никуда уже на лодкѣ не поѣдемъ, а оставимъ лодку и пойдёмъ пѣшкомъ. Тутъ дорога идетъ прямо къ монастырю, и по ней мы

успѣемъ добраться до темноты — покушаемъ хотя бы, цѣлый день ничего не ѣли. А потомъ, говорить, я самъ схожу за этой лодкой и пригоню ее въ бухту”. — Я говорю: “Ну, ладно, пойдёмъ”.

И мы пошли. Я смотрю — стоитъ красивѣйшая рубленая церковь прямо у воды, скорѣе не церковь, а часовня съ однимъ шатровымъ куполомъ. Тутъ окошки, крылечко, все рѣзное такое, сказочное. И я еще подумалъ — какъ же она тутъ сохранилась? Какая же это церковь беззащитная, взбредетъ въ голову какому-нибудь охотнику спичку бросить — и все сгоритъ, вѣдь никого же нѣтъ вокругъ. Никого.

16. СЛѢДЫ ВОЙНЫ

Мы идемъ по дорогѣ, и я говорю: “Володя, давай все-таки немножко свернемъ, пройдемъ по берегу, тамъ интереснѣе идти около воды”. (Мы свернули). И вдругъ я вижу бетонныя укрѣпленія, цѣлыя монолиты. Кто же ихъ строилъ въ такой глуши? Это

*О явленіи инопланетянъ на Валаамѣ писали многіе. Надо понимать это какъ явленіе бѣсовъ, которые чаще всего и происходятъ на святыхъ мѣстахъ. *Ред.*

сколько же бетона надо было привозить? И сверху на них какіе-то огромные круги, тоже из бетона. А на них уже закрѣплены чугунные круги и еще штыри съ наръзкой. Потомъ шла невысокая стѣна полукругомъ, а на ней написано синей краской «Нашъ отвѣтъ Чемберлену». И тогда я понялъ, что этотъ бетонъ служилъ основаніемъ для пушекъ, что тутъ стояла какая-то большая батарея, а этотъ чугунный кругъ являлся лафетомъ, на которомъ поворачивали орудие то въ одну сторону, то въ другую. А Володя говоритъ: “Да, здѣсь стояла большая морская флотилія въ концѣ войны. Но потомъ пушки были сняты и переброшены въ другое мѣсто.

И такихъ слѣдовъ войны, пока мы шли, видѣли много. Лафеты сейчасъ уже заросли травой, но смотрѣли они прямо на Ладогу, на финскую сторону, туда, навѣрно, стрѣляли пушки. Видѣли нѣсколько

бетонныхъ укрѣплений, заброшенныхъ блиндажей, тоже забетонированныхъ, на нѣкоторыхъ стояли двери такой огромной толщины, что сдвинуть ихъ съ мѣста было уже невозможно. Въмѣсто обычныхъ ручекъ къ нимъ приварили огромныя скобы, которыя при поворотѣ такъ прочно закрывали двери, что не требовалось никакихъ замковъ. Еще попадались полуразрушенные доты, на которыхъ сверху росла

трава, а если туда зайдешь внутрь, то въ узкія щели можешь видѣть даль озера. Когда-то тутъ все гремѣло, стрѣляло, въ общемъ, вся эта западная сторона Валаама была покрыта этими дотами. Теперь же все это, заросшее травой, молчало. Я спрашиваю Володю: “А съ другой стороны монастырской бухты есть такіе укрѣпленія?” — Онъ говоритъ: “Есть и съ другой стороны, можемъ посмотрѣть”.

Наша тропинка вела къ «Бѣлому скиту», а мы свернули и пошли къ водѣ. И опять — и доты, и эти основанія для пушекъ, и остатки строеній. Когда-то здѣсь, навѣрно, находились большія казармы, а теперь остались только доски и бревна, вертикальные и горизонтальные, по этимъ бревнамъ мы пробирались отъ одного строенія къ другому. Кое-гдѣ остались стѣны, и на них сохранились, видимо, солдатскіе рисунки. (Нарисовано — матросъ въ галифе и въ бескозыркѣ штыкомъ подцѣпляетъ

нѣмца, поднимаетъ его на штыкъ и хочетъ сбросить въ воду). У стѣнъ валялись ржавые остатки металлическихъ кроватей. Въ другомъ мѣстѣ стѣны не сохранились, но стоитъ косякъ и дверь, на которой вырѣзана пятиконечная звѣзда.

Въ послѣдній день я уже ничего не дѣлалъ, просто гулялъ. Иду по краю этой бухты, смотрю — на берегу много дѣтей, всѣ сидятъ, рисуютъ, и среди нихъ ходитъ учитель. Я подошелъ. Онъ говоритъ: “Я слышал о васъ, изъ Москвы пріѣхали? А я здѣсь, въ Сортавалѣ, работаю въ художественной школѣ. Это, говоритъ, мои ученики, мы пріѣхали сюда порисовать. Меня зовутъ Кронидъ Гоголевъ. А можно я посмотрю ваши рисунки?” — Я отвѣчаю: “Ну, пойдѣмте”. (Онъ предупредилъ своихъ учениковъ, чтобы не расходились, и мы пошли). Пришли въ гостиницу, я вынесъ на улицу планшетъ и сталъ ставить рисунки, ему показывать. И по мѣрѣ

того, какъ я ихъ показывалъ — у него лицо все блѣднѣло, блѣднѣло, и вдругъ онъ говоритъ: “Ой, страшно, вы ихъ кому-нибудь уже показывали? А вдругъ ихъ кто-нибудь увидитъ? Что тогда будетъ? Знаете, я пойду, мнѣ надо сейчасъ идти”. (И, смотрю — уже побѣжалъ, очень сильно испугался).

А я уже готовился въ обратную дорогу. Вообще-то,

Здѣсь были великіе грѣшники. Рис. Геннадія Доброва.

когда я собирался на Валаамъ, я планировалъ сдѣлать хотя бы 3 портрета (а не 5, какъ получилось у меня), потому что для показа на выставкѣ обычно берут 1-2 рисунка. Въ общемъ, я могъ возвращаться домой, какъ говорится, съ отряднымъ чувствомъ исполненнаго долга.

Я далъ адресъ Серафимѣ Николаевнѣ, спрашиваю: “Васъ, навѣрно, никогда никто, кромѣ меня, не рисовалъ?” — “Что вы, Геннадій Михайловичъ, что вы, до васъ насъ никто не рисовалъ, и мы думаемъ, что и не будетъ больше никто рисовать, потому что мы тутъ себя считаемъ заброшенными, паріями общества. Вотъ мы наблюдаемъ издали — мимо идутъ пароходы съ туристами изъ Ленинграда въ Кизи, музыка играетъ на палубѣ, всѣ довольны — или цѣлуются, или танцуютъ, или выпиваютъ. А мы тутъ сидимъ на нашихъ коляскахъ и смотримъ на эту жизнь, которая проплываетъ мимо насъ. Сперва

приближается — звуки все громче и громче, а потомъ все удаляется, и опять мы одни. И лѣтомъ мы одни, и зимой мы одни. Правда, зимой иногда съ этого Никольскаго скита совершаются побѣги, сумасшедшіе бѣгутъ чуть ли не босикомъ по снѣгу въ сторону Сортавала (тамъ километровъ сорокъ, навѣрно). Но куда они бѣгутъ? И, конечно, по дорогѣ ихъ или возвращаютъ, или они замерзаютъ. Отсюда невозможно убѣжать, да никто и не стремится, тутъ жить можно. Куда убѣжишь? И какъ въ другомъ мѣстѣ? Въ другомъ мѣстѣ, можетъ, еще хуже. Такъ вотъ мы и живемъ”. (И мы съ ней простились, потомъ она мнѣ часто писала въ Москву, я ей отвѣчалъ).

А самъ я, когда вернулся въ Москву, то здѣсь скоро наступило время показывать рисунки второй разъ, уже Секретариату Союза художниковъ Россіи и Президіуму Академіи художествъ на предметъ окончательнаго рѣшенія вопроса о приѣмѣ въ Союзъ художниковъ.

Принесли мы съ Люсей работы въ Московскій Союзъ художниковъ на Бѣговой улицѣ, а мнѣ Сюзанна (секретарша) показываетъ: “Вотъ тебѣ мѣсто, около сцены. Извини, конечно, мѣсто тутъ неудобное, идетъ лѣсенка на сцену”. (Всѣмъ другимъ хорошіе, выгодные мѣста отвели на стѣнахъ, они уже развѣсили тамъ свои работы, а мнѣ какъ бы самое худшее мѣсто даютъ). Она спрашиваетъ: “А кто тебя будетъ защищать?” — Я отвѣчаю: “Никто меня не будетъ защищать”. — Она опять: “Какъ никто не будетъ защищать?” — Я говорю: “Да никто не будетъ, сами работы должны защищаться”. (Она такъ удивилась и ушла).

Никого я не просилъ, и никто меня не защищалъ, я былъ какъ-то совершенно спокоенъ. Я рѣшилъ показать вотъ эти свои новые Валаамскіе рисунки въ дополненіе къ тѣмъ, которые я показывалъ раньше, когда смотрѣло руководство секціи. И, конечно, эти новые рисунки сильно отличались отъ работъ другихъ художниковъ. Это, во-первыхъ, были портреты. Во-вторыхъ, они писались съ натуры, выглядѣли мощно. И, въ-

третьихъ, они открывали новую тему инвалидовъ войны. Эти рисунки выдѣлялись во всѣхъ отношеніяхъ.

Еще до прихода комиссіи экспозицію смотрѣли отдѣльные художники. Вотъ вижу — пришелъ Дмитрій Жилинскій. Онъ ходилъ, разглядывалъ и вдругъ увидѣлъ мои портреты. Всталъ, какъ зачарованный, смотреть на нихъ не отрываясь (а я тутъ же рядышкомъ стою). И онъ меня спрашиваетъ: “Это ваши портреты?” — Я отвѣчаю: “Да”. (И вдругъ онъ меня неожиданно обнялъ такъ, поцѣловалъ и сразу отошелъ).

А къ нему уже бросился какой-то художникъ съ просьбой: “Посмотрите мои работы, я былъ на Кубѣ, я тамъ нарисовалъ Фиделя Кастро”. (И повелъ его къ своимъ работамъ, тамъ дѣйствительно висѣлъ портретъ Фиделя Кастро въ профиль). Но Жилинскій посмотрѣлъ, ничего не сказалъ и ушелъ. Другихъ мнѣній о своихъ работахъ я не слышалъ, потому что тутъ вскорѣ всѣхъ выгнали, закрыли залъ и ждали уже прихода высшаго художественнаго руководства. Въ общемъ, просмотръ прошелъ, за меня проголосовало большинство, и меня приняли въ Союзъ художниковъ. Это было въ концѣ 1974 года.

Мнѣ было уже 37 лѣтъ. Я невольно сравнивалъ свою судьбу съ жизнью другихъ художниковъ, знакомыхъ по школѣ и по институту, жившихъ въ Москвѣ, или сумѣвшихъ быстро въ Москвѣ устроиться путемъ женитьбы. Всѣ они легко получили дипломы въ институте, оставались на кафедрахъ, въ мастерскихъ при академіи, активно работали въ живописныхъ и графическихъ комбинатахъ, въ

издательствахъ, преподавали, обрастали знакомствами и связями и, конечно, къ этому времени давно уже были членами Союза художниковъ и имѣли свои мастерскіе.

Мнѣ же пришлось идти очень сложнымъ путемъ — отстаивать свою независимость въ искусствѣ, начиная съ диплома, всего добиваться самому (и прописки, и жилплощади), и на это ушли годы и годы. Но какъ эти годы обогатили мой жизненный

ВАЛААМСКІЙ ГОСТЬ

Художнику Геннадію Доброву

Листопадъ... Пожелтѣвшіе лица.
И опять — листопадъ, листопадъ...
Вамъ случилось съ войны возвратиться,
матерясь въ полумракъ невпадать.

Листопадъ надъ землей Валаама.
Облетаетъ задумчивый садъ
интернатскій. Распахнуты рамы —
инвалиды встрѣчаютъ закатъ.

Вамъ случилось безжалостно выжить,
половину себя потерявъ.
Выше голову! Голову выше!
Появился художникъ въ дверяхъ!

Онъ беретъ свой снимаетъ устало.
Онъ волшебный беретъ карандашъ.
Онъ рисуетъ. Питается мало.
Онъ вашъ братъ и спаситель онъ вашъ.

Плещетъ Ладога мѣлкой волною.
Молчаливый, онъ тихо встаетъ.
Ваше горе своею виною
онъ, рыдая, потомъ назоветъ.

И, вгрызаясь въ московскія будни,
какъ въ полярные льды ледаколь,
никогда онъ о васъ не забудетъ —
ни о комъ!

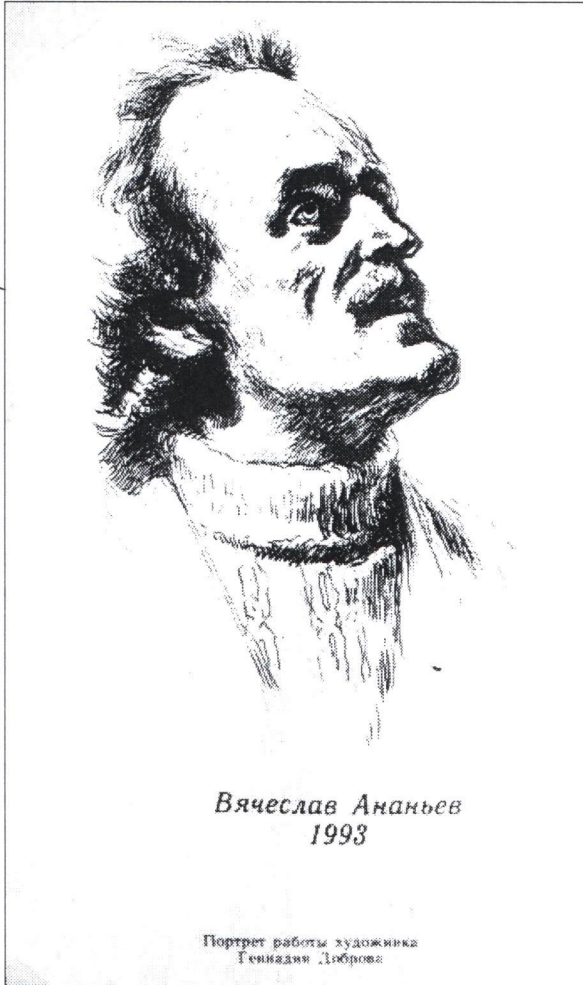
Вячеславъ Ананьевъ

опыть! Какъ глубоко повліяли на мои творческіе замыслы и милицейскіе наблюденія, и дежурства въ больницахъ, и общеніе съ душевнобольными — и какъ постепенно, постепенно я обрелъ свой самостоятельный путь...

17. ИЗЪ ПИСЕМЪ СЪ ВАЛААМА

22.06.1974 г.

....Сейчасъ рисую второй портретъ инвалида войны. Хожу въ библіотеку, ищу въ книгахъ ордена и медали, потому что свои онъ — этотъ типичный

русскій Иванъ — растерялъ, да роздалъ дѣтямъ на игрушки. Вотъ гдѣ Русь несчастная! Въ чистомъ видѣ. Ангелы, а не люди, ни въ комъ, ни капли лжи, души нараспашку. Я уже двери закрываю на ключъ въ своей комнатѣ изнутри. Приходятъ, рассказываютъ о себѣ. И наплачешься, и насмѣешься съ ними. А пѣсни какія поютъ! Я такихъ и не слыхалъ никогда, самыя окопныя какія-то, и откуда они ихъ берутъ? Меня тутъ балуютъ: возили на моторной лодкѣ на дальній островъ, осматривалъ тамъ развалившуюся деревянную церковь, колодезь, монашескій домъ. У тебя есть книга про Валаамъ. Найди тамъ островъ святого Іоанна Предтечи. Предтеченскій островъ. Вотъ я тамъ былъ. Необыкновенная красота. Русь,

Генри, Русь тутъ, русская земля. И это тутъ здорово ощущается...

23.06.1974 г.

...Сейчасъ я рисую инвалида двухъ войнъ — финской и отечественной. Воевалъ въ Карелии съ финнами, былъ ранен, обморозилъ обѣ ноги, потомъ съ нѣмцами, всё время на передовой, въ окопахъ. Безъ глаза, пуля прошла черезъ оба глаза, весь изрѣсеченъ пулями и осколками. А жена его въ это время, какъ онъ погибалъ на «Невской Дубровкѣ», жила съ финскимъ офицеромъ всю войну, а сейчасъ опять съ этимъ инвалидомъ живѣтъ. А онъ тутъ напился и говорить: «Ты бы простишь?»...

29.06.1974 г.

Генри! Странныя вещи со мной происходятъ на Валаамѣ. Я возвращаюсь къ тѣмъ же темамъ, которыя волновали меня въ Москвѣ. Больше того, я не могу ничего другого здѣсь рисовать. Такимъ образомъ, Валаамъ для меня уже не представляетъ никакого интереса самъ по себѣ, и мне всё равно, гдѣ я — на Валаамѣ, или ещѣ гдѣ, разъ я не могу уйти отъ самого себя. Я самъ очертилъ себя кругомъ, за который мнѣ уже нѣтъ выхода. Жизнь простирается во всѣ стороны, и темъ для рисованія масса, а я верчусь въ своёмъ кругу, и не могу изъ него выбраться. Калеки, сумасшедшіе, пьяницы, да изрѣдка картины природы — вотъ мои «бѣлыя ночи», — вотъ то немного, что я тутъ рисую. И ничего другого рисовать не могу. Такимъ образомъ, акварель уже не нужна. Здѣсь сейчасъ много художниковъ и художницъ, цѣлая практика какого-то института, на всѣхъ углахъ рисуютъ, пишутъ. А я хожу со своими психохрониками въ головѣ и вижу въ природѣ однихъ несчастныхъ калекъ да пьяницъ...

01.07.1974 г.

...Сегодня дома не ночевалъ, ѣздили съ инвалидомъ на лодкѣ, на вѣслахъ на «Святой» островъ, тамъ были всю ночь, осмотрѣли церковь, пещеру Александра Свирскаго и его могилу, въ которой онъ спалъ каждую ночь. Въ его пещерѣ я долго сидѣлъ и думалъ о нёмъ. Онъ прожилъ на островѣ одинъ 33 года, давъ обетъ молчанія за свой грѣхъ...

02.07.1974 г.

...Но нужна твоя помощь. Здѣсь русскіе Иваны да Марьи воевали-воевали, награды себѣ завоевали, а сохранить, какъ и слѣдовало ожидать... не смогли. Кто пропилю, кто на блѣсны передѣлалъ свои ордена, у кого украли. Словомъ, ни у кого ничего нѣтъ. Пойди, мой другъ, въ военный книжный магазинъ и спроси, нѣтъ ли у нихъ пособій «Награды Родины», «Ордена, медали и значки СССР періода Отечественной войны». Если есть, то купи и мнѣ вышли.

Можетъ быть въ видѣ плакатовъ у нихъ есть, или отдѣльныхъ брошюрочъ, книжечекъ. Здѣсь есть воинская часть, но у нихъ ничего нѣтъ, я уже спрашивалъ...

...Очень красивый крестъ виситъ у меня надъ столомъ съ древними буквами. А надъ кроватью виситъ въ самодѣльной рамкѣ (инвалидъ, который умеръ, самъ дѣлалъ ихъ) Мадонна съ младенцемъ (фото). На полочкѣ — ландыши, камни, мохъ, кора деревьевъ. На столѣ — финское евангеліе маленькое. Въ общемъ — келья. И даже потолки со сводами. Такъ я живу...

04.07.1974 г.

...Я рисую третій портретъ, но неожиданно выключили свѣтъ, и теперь работа на нѣсколько часовъ сорвалась. Здѣсь прошлый годъ съ 12 до 17 часовъ отключали свѣтъ ежедневно. А въ этомъ году только второй разъ. При дневномъ свѣтѣ темно рисовать — на улицѣ дождь, туманъ. Ходятъ тутъ всѣ въ резиновыхъ сапогахъ, свитерахъ и штормовкахъ. Никто тутъ не купается и не загораетъ. Рѣдко-рѣдко день выдастся хорошей, а то всё дожди и туманы. Туманы тутъ такіе, что за три метра ничего не видно. Соборъ нашъ не видно даже во дворѣ.

...Меня пугаетъ, что ты такъ боишься всякихъ страданій, и такъ старательно отъ нихъ отгораживаешься. Я тутъ вожу на коляскѣ больныхъ въ баню, мою имъ руки и спину, таскаю ихъ, перетаскиваю, вожу на коляскѣ, помогаю, чѣмъ могу, и ничемъ не брезгую. И кушаю съ ними вмѣстѣ. А тебя всё это пугаетъ... Циничная компанія тебѣ по душѣ, съ кокетками на работѣ ты находишь общій языкъ, а съ русскими людьми, со страдальцами, которые воевали изъ-за насъ съ тобой и которыхъ война изуродовала — съ ними ты брезгуешь встрѣтиться, боишься свою нервную систему потревожить...

05.07.1974 г.

...Идутъ проливные дожди, свѣтъ выключили на 5 дней. Сижу въ темнотѣ. Работа срывается... Сегодня хоронили инвалида, онъ умеръ въ уборной. Я былъ на кладбищѣ, въ дождь и грязь уложили. Вотъ конецъ нашъ...

08.07.1974 г.

Завтра, если не будетъ дождя, повезу на кладбищѣ въ Сортавала свою натурщицу. Ёду на ея деньги, т. к. своихъ нѣтъ. Но она такъ хочетъ. Я почти закончилъ ея портретъ. Это будетъ третій. Три портрета сдѣлалъ за мѣсяцъ и 30 рисунковъ тушью, по рисунку въ день дѣлаю. Совсѣмъ ничего не читаю и не гуляю. Тутъ холодно. Идутъ дожди, сыро. Небо всё въ тучахъ...

17.07.1974 г.

Сегодня началъ рисовать инвалида психохроника на Никольскомъ островѣ. Рисую прямо въ палатѣ, гдѣ ещё пятеро психохрониковъ смотрятъ со своихъ кроватей на мою работу, только они не могутъ встать и даже что-либо сказать мнѣ — такъ они слабы и больны. Послѣ работы ѣздили на велосипедѣ въ лѣсничество. Я не думалъ, что такъ плохо катаюсь, нѣсколько разъ падалъ съ велосипеда, правда и дорога была сырая, и всё горы, да ямы, да лужи... Время летитъ въ Іюль стрѣлой, только дни мѣлкаяютъ. Кормятъ плохо. Мясо тухлое (супъ я не ѣмъ). А на второе — каша, на завтракъ и ужинъ — каша. Всѣ опротивѣло. Но работается тутъ удивительно легко и хорошо. Это — мой островъ...

20.07.1974 г.

...Не знаю, молилась ты за меня или нѣтъ. Только я въ теченіе 2-хъ съ половиной дней началъ и закончилъ рисунокъ инвалида на Никольскомъ островѣ. Я считаю это большимъ успѣхомъ, какъ по времени, такъ и по тому, что я нарисовалъ. Сегодня же я цѣлый день зеваю и сплю. Видно это разрядка послѣ напряженія въ работѣ на этомъ островѣ, гдѣ такъ всё необычно — и грустно, и смѣшно, и страшно... Сейчасъ буду работать снова надъ своимъ «баламутомъ», какъ я его прозвалъ за непосѣдливый и взбалмошный характеръ. Но теперь я спокоинѣ, потому что одинъ рисунокъ сдѣлалъ, а этотъ баламутъ будетъ второй, а впереди ещё 20 дней. Два-то рисунка вполне успѣю сдѣлать. Отецъ мнѣ тоже прислалъ письмо — работаетъ надъ Ленинской темой и очень этимъ доволенъ. Нашѣлъ себя. Въ концѣ концовъ это главное для каждого художника — найти себя, свою тему, над которой можно спокойно и долго и съ удовольствіемъ работать...

22.07.1974 г.

Я возилъ свою натурщицу Симу Комиссарову 8-го Іюля на кладбищѣ въ Сортавала, 8 км вѣзь ея коляску по грунтовой дорогѣ до кладбища, да 8 км обратно. А теперь Юра Писаревъ (съ Никольскаго) проситъ, чтобы я его свѣзь въ Кемери (16 км отъ Сортавала) къ больной сестрѣ въ психбольницу на 2 дня. И я не могу отказать, хотя можетъ дирекція ещё не разрѣшить. Другой Юра, парализованный, проситъ, чтобы я его снёсъ въ лѣсъ на муравейникъ (я одинъ разъ его носилъ на себѣ, ещё хочетъ). Я вожу больныхъ въ баню и изъ бани, вообще, всѣмъ слуга. Всѣ удивляются, что за человѣкъ, первый разъ, говорятъ, такого видимъ. Художникъ, интеллигентъ, а такой простой. Одинъ пьяный инвалидъ говоритъ мнѣ: «Спасибо за вниманіе къ людямъ». Всѣ предлагают мнѣ выпить 10 разъ на день..., но я отъ всего отказываюсь... Вѣдь этотъ островъ былъ святой...

25.07.1974 г.

...Я закончил пятый портрет, этого «баламута». На последних сеансах он устраивал у меня под носом «пляску с топотом и свистом под говор пьяных мужиков»...

29.07.1974 г.

...Нѣсколько дней (вечеров) провѣл на Никольском островѣ среди психохроников. Возил своего друга Юру Писарева на коляскѣ на улицу. У него ни руки, ни ноги не двигаются. Я привѣз на Никольскій остров коляску, и его перетаскивал въ коляску, а потомъ вѣз къ церкви. Тамъ мы сидѣли и смотрѣли, какъ солнце садится въ тучи. Уже въ озеро солнце не садится съ Іюня (всѣ время тучи). А потомъ я его вѣз обратно въ палату. А одинъ разъ прѣхалъ къ нему на лодкѣ, и сначала вывели его на коляскѣ, потомъ на рукахъ по крутому скалистому берегу спускали его въ лодку. И такъ же обратно.. Каталъ его по озеру, и мы бесѣдовали... Онъ тутъ самый умный.

18. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПУТИ

Изъ Предисловія къ альбому «Автографы войны» на 3-хъ языкахъ, изданному въ 1988 г.:

«Геннадій Добровъ посѣтилъ около 20 домовъ-интернатовъ въ разныхъ регионахъ Совѣтского Союза — отъ Крыма и Армении до Карелии и Сахалина. 36 большихъ листовъ составили остро психологическую галерею современниковъ, героевъ и жертвъ военного лихолѣтя. Добровъ торопился — третье и четвертое десятилѣтіе послѣ войны для многихъ и многихъ ея инвалидовъ становились предѣльнымъ рубежомъ, который израненный организмъ уже не въ силахъ былъ преодолѣть.

Крайняя степень обнаженности листовъ Доброва поначалу обескураживаетъ. Натурализмъ? Нѣтъ. Въ каждомъ листѣ есть лейтмотивъ, обобщающій натурное впечатлѣніе. Портреты-

документальныя зарисовки становятся портретами-символами. Гнѣвный протестъ художника противъ войны — прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ — можетъ быть справедливо поставленъ въ одинъ рядъ съ «Капричосъ» Франсиско Гойи, «Герникой» Пабло Пикассо, «Слѣпыми» Питера Брейгеля, «Апофеозомъ войны» Василия Верещагина.

При пріемѣ въ Союзъ Художниковъ его работы получили высокую оценку профессионаловъ. Въ 1974 году художникъ сталъ членомъ графической секціи МОСХа. Но потомъ началось непонятное. Какъ правило, работы принимались на выставки, печатались въ спискѣ каталога, но... не вывѣшивались. Отстаивать свою правоту на большихъ общихъ выставкахъ художникъ не умѣлъ. Но когда онъ попытался сдѣлать свою персональную выставку, то получилъ категорическій отказъ и жесткіе обвиненія въ... наслажденіи уродствами, въ... извращенномъ сознаніи и въ ... бездушіи.

Это надо было пережить.

На дворѣ стоялъ 1979 годъ.

Впереди его еще ждали творческія поѣздки въ Афганистанъ и создание серіи «Молитва о мирѣ», работа надъ графической серіей «Душевнобольные Россіи», двѣ поѣздки въ городъ Грозный послѣ чеченской войны и создание рисунковъ «Я люблю этотъ городъ». Будетъ поѣздка въ Нью-Йоркъ на открытіе персональной выставки «Зарисовки въ память о жертвахъ Холокоста и ихъ освободителяхъ» въ штабъ-квартирѣ ООН, поѣздка въ разрушенный Цхинвалъ и создание рисунковъ «Южно-Осетинская трагедія». Ждетъ работа надъ графической серіей «Покаяніе» въ Свято-Геннадіевомъ монастырѣ Ярославской области и на Соловецкихъ островахъ.

Но его путь былъ уже предопределенъ — здѣсь, на Валаамѣ онъ уже сталъ Живописцемъ Плача Земли и мы благодарны ему за эту повѣсть о невольныхъ валаамскихъ насельникахъ — юродивыхъ герояхъ войны.

Вѣчная имъ память!

Патріархъ Кирилл освящаетъ памятную стеллу ветеранамъ-инвалидамъ на Валаамѣ.

Мемориаль включаетъ въ себя Поклонный крестъ и семь черныхъ гранитныхъ плитъ, на которыхъ высѣчены фамиліи пока только 54-хъ ветерановъ-инвалидовъ.

Древній Валаамскій Крестъ

Возобновленный 59-ой годъ изданія послѣ перерыва съ 1917 года.
Журналь обладаетъ правами Copyright by St. Xenia Skete.

Печатается и редактируется

БАЛААМСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ АМЕРИКИ — VALAAM SOCIETY OF AMERICA
40500 HWY 36 W, Wildwood, California 96076 USA, Тел.: 1(530) 628-1034

БАЛААМСКОЕ ОБЩЕСТВО АМЕРИКИ является миссіонерскимъ движеніемъ, цѣль котораго сохраніе и разпространеніе древне-христіанской монашеской мудрости внѣ всякихъ церковныхъ раздѣленій, для всѣхъ юрисдикцій, исповѣдающихъ Православную Вѣру во всѣхъ странахъ міра. Основано въ 1983 году какъ результатъ 20-лѣтнихъ трудовъ Братства Прп. Германа Аляскаинскаго, исходящаго съ благословенія Архимандрита-пустынника Герасима, что на Еловомъ островѣ (†1969) и утвержденнаго Святителемъ Иоанномъ Максимовичемъ (†1966). Валаамское Общество Америки основано Епископомъ Маркомъ Ладожскимъ и Санъ-Францисскимъ (†1989).

ЖЕЛАЮЩІЕ СТАТЬ ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВА ВНѢ РОССИИ призываются усердно молиться за Россію, Валаамское Общество и его миссіонерскія цѣли. Каждый членъ Общества, кромѣ своей подписки на “Русскій Паломникъ”, также автоматически оплачиваетъ одну годовую подписку, которая пойдетъ въ Россію. Годовое членство: 50 ам. дол. Пожизненное членство: 250 ам. дол. Благословеніе Святѣйшаго Патріарха Алексія II. Статьи принимаются, но безъ полемики. Посылать по адресу: 40500 HWY 36 W, Wildwood, CA 96076. Отзывы по адресу: contact@russkypalomnik.com

СОДЕРЖАНІЕ № 56, 2016

1. СИМВОЛЪ ЕДИНЕНІЯ НАРОДА БОЖІА ...3
2. АМЕРИКАНСКІЙ ПАТЕРИКЪ:
50-лѣтіе кончины Владыки Іоанна
Возрожденіе идеаловъ Православія4
3. ПИСЬМА ПАЛОМНИКУ22
4. МОНАШЕСКАЯ ЛИРА
И въ небесахъ я видѣлъ Бога
175-лѣтъ кончины М. Ю. Лермонтова.....34
5. РУССКОЕ ИСКУССТВО:
Живописецъ Земнаго Плача Г. Добровъ
О Валаамскихъ юродахъ38
6. РУССКАЯ ИКОНА:
Курско-Коренная Путеводительница63

НА ЗАДНЕЙ ОБЛОЖКѢ: Всеношная наканунѣ празднованія 50-лѣтія блаженной кончины Святителя Іоанна Максимовича въ Скорбященскомъ соборѣ Санъ-Франциско. Худ. М. Берглундъ. 2016

ЧИТАТЕЛИ ВЪ РОССИИ!

Отдѣльныя статьи можно прочесть на сайтѣ:
www.idrp.ru

По причинѣ малаго тиража журналь разсылается только подписчикамъ и авторскіе экземпляры авторамъ статей. Ждемъ вашихъ писемъ! Пишите по этому адресу: **contact@russkypalomnik.com**

Редакція работаетъ надъ созданиемъ проекта “Архивъ Русскаго Паломника”, что позволить читать всѣ изданные номера журналь онлайнъ. Будемъ благодарны за техническую поддержку и матеріальную помощь проекту.

Курско-Коренная Путеводительница

О ПРЕДАНИЮ, икона была найдена 8-го Сентября 1295 года, въ день Рождества Пресвятой Богородицы, въ лѣсу, недалеко от сожжённаго татарами Курска. Охотникъ нашёлъ небольшую икону, лежавшую ликомъ внизъ на корнѣ дерева и когда онъ поднялъ её, чтобы разсмотрѣть, изъ того мѣста, гдѣ лежала икона, забили родникъ. На этомъ мѣстѣ, вмѣстѣ съ товарищами, онъ срубилъ небольшую часовню, куда и помѣстили икону.

Въ 1383 году Курская область снова подверглась разграбленію татарами. Татары разрубили икону пополамъ, сожгли часовню и увели въ плѣнъ священника. По преданію, черезъ нѣкоторое время священникъ, О. Боголюбъ, выкупленный изъ плѣна, нашёлъ расколотыя татарами части чудотворной иконы, сложилъ ихъ вмѣстѣ, и они срослись.

Въ 1615 году Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ вернулъ икону на Курскую землю, гдѣ по наказу Царя на мѣстѣ часовни основали монастырь, названный Коренной пустынью. Съ 1618 года большую часть времени икона проводила въ Курскѣ въ соборѣ Знаменскаго монастыря.

Во время гражданской войны икона находилась въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ. Въ концѣ октября 1919 года, когда войска генерала А. И.

Деникина оставляли городъ, икона была вывезена изъ Курска. Дальнѣйшій ея путь проходилъ черезъ Бѣлгородъ, Таганрогъ, Ростовъ-на-Дону, Екатеринодаръ, Новороссійскъ. Въ началѣ марта 1920 года епископъ Ѳеоданъ Курскій на пароходѣ «Святой Николай» привезъ икону въ Сербію. Въ сентябрѣ 1920 года генералъ П. Н. Врангель попросилъ доставить Чудотворный Образъ въ Крымъ. Съ конца 1927 года образъ находился въ русской Свято-Троицкой церкви въ Бѣлградѣ, гдѣ хранились знамена Русской Арміи генерала Врангеля. Съ 1957 года икона

набываетъ въ посвященномъ ей Знаменскомъ Соборѣ Архиерейскаго Синода въ Нью-Йоркѣ.

Преподобный Серафимъ Саровскій родился и выросъ въ Курскѣ. Въ 1767 году онъ тяжело заболѣлъ и родители уже не надѣялись на его выздоровленіе. Однако ему явилась Божія Матерь и общала посѣтить его и исцѣлить отъ болѣзни. Черезъ нѣсколько дней, въ 9-ую пятницу послѣ Пасхи, по ихъ улицѣ проходилъ ежегодный крестный ходъ съ Курской Коренной иконой. Изъ-за внѣзапно начавшагося дождя процессія зашла къ нимъ во дворъ. Икону проне-

сли надъ больнымъ ребѣнкомъ и онъ приложился къ ней. Больной вскорѣ выздоровѣлъ.

Въ Іюль 1966 года Архиепископъ Іоаннъ (Максимовичъ) посѣтилъ съ путешествующей Курско-Коренной Одигитріей Свято-Николаевскій приходъ въ Сіэтлѣ. 2-го Іюля въ молитвѣ передъ этой иконой въ своей кельѣ онъ скончался.

Пресвятая Богородица, спаси насъ!

Святителю Иоанну Максимовичу

ТРОПАРЬ, гласъ 5

Попеченіе твое о паствѣ въ странствіи ея, се прообразъ и молитвъ твоихъ, за міръ весь присно возносимыхъ: тако вѣруемъ, познавъ любовь твою, Святителю и Чудотворче Иоанне! Весь отъ Бога освященъ священнодѣйствіемъ пречистыхъ Тайнъ, имиже самъ присно укрѣпляемъ, поспѣшай еси ко страждущимъ, цѣлителю отраднѣйшій. Поспѣши и нынѣ въ помощь намъ, всѣмъ сердцемъ чтущимъ тя.

КОНДАКЪ, гласъ 4:

Христу Пастыреначальнику послѣдовавъ, во святителѣхъ изряднѣйшій явился еси, спасъ бо еси овцы свой отъ губительства безбожныхъ, пристанище мирное тѣмъ учредивъ, и попеченіе непрестанное о паствѣ имѣя, врачевалъ еси ихъ недуги душевныя же и тѣлесныя, и нынѣ о насъ къ твоимъ честнымъ мощемъ припадающихъ, моли Христа Бога, отче Иоанне, въ міръ спастися душамъ нашимъ.

МБ
2016